Татьяна Миронова

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ДРЕВНЮЮ РУСЬ

ГРАММАТИКА ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА
ДЛЯ ДЕТЕЙ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
«РОМАН–ГАЗЕТА»
1994

ББК 84Р7
М 64

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ БИБЛИОТЕКИ
«РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ»

Ганичев В.Н., Карацуба И.В., Ковшов В.Л.,
Левандовский А.А., Миронова Т.Л., Петров А.В.,
Семенова С.Г., Смышляев А.Л.

Рецензенты:
доктор филологических наук Л.П. Жуковская,
доктор исторических наук И.В. Левочкин,
преподаватель русского языка и литературы
школы № 145 г. Москвы Е.К. Королькова

Иллюстрации
В.Б. Тихомирова

Компьютерный набор и верстка
осуществлены в издательстве
«АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР»

М $\frac{4401000000-01}{078(02)-94}$ КБ-016-013-91

© Миронова Т. Л., 1994 г.
© Тихомиров В. Б., 1994 г.
Иллюстрации.

ISBN 5-235-01898-2

ПЕРЕД ДАЛЬНЕЙ ДОРОГОЙ
(вместо предисловия)

— Грамматика... — разочарованно протянет мой будущий читатель и наморщит нос. Постой! Не спеши закрывать книжку! Эта грамматика не простая. В ней много чудес.

Первое чудо. Ты узнаешь, как говорили твои предки семьсот лет назад. Ты услышишь, как они величали друг друга, как решали государственные споры, чему учили своих детей, даже как ссорились между собой, услышишь. Ты сможешь прочитать самые настоящие древнерусские письма, летописи, молитвы. И будь уверен, именно так писали и молились в Древней Руси. И детские считалки и дразнилки в этой грамматике тоже самые настоящие, древние, не придуманные.

Чудо второе. Ты увидишь, на какой земле жили твои предки, какие у них были города, монастыри, храмы, дома. Грамматика расскажет тебе, как создавали древнерусские люди книги и иконы, как они торговали и воевали, защищая родную землю от врагов. Еще ты узнаешь, как учились твои сверстники в древнерусских школах, в какие игры они играли, каких забавных человечков рисовали в своих ученических тетрадках. Все это не выдумано, не сочинено. Об этом узнали археологи и историки, читая берестяные грамоты и летописные своды, находя при раскопках по-

темневшие от времени воинские шлемы, оружие, осколки кувшинчиков для смешивания красок и ожерелья с угасшими каменьями. В грамматике старинные вещи ожили: обрели прежний нарядный блеск древнерусские мечи и шлемы, засияли теплым светом строгие лики святых на иконах, а вместо древних глиняных черепков — крутобокие расписные кувшины. Ты сможешь разглядеть их и... почти что рукой потрогать!

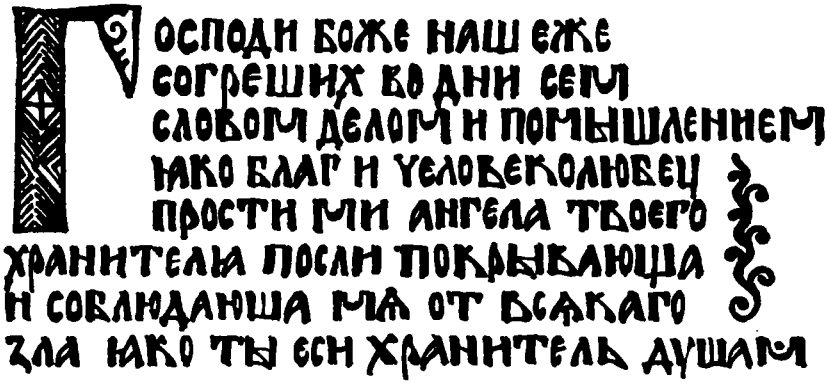
И, наконец, главное чудо. Грамматика выучит тебя древнерусскому языку. И тогда перед тобой раскроются листы рукописных книг глубокой старины, они поведают тебе о многих удивительных делах и ратных подвигах наших предков, вразумят, научат мудрости, дадут опору на долгие годы.

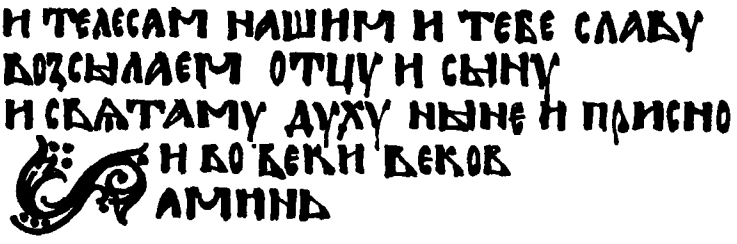
...Так что не торопись закрывать эту книгу, мой будущий читатель, а отправляйся в необычайное путешествие в Древнюю Русь.

КЛАДОИСКАТЕЛИ

Ваня открыл глаза. Найдя в ставнях дырку от сучка, в комнату просачивался бледный луч. Ходики на стене показывали половину шестого. Слава Богу, не проспал. В шесть часов они должны встретиться с Васькой на мосточке, что ведет к Чудиновскому оврагу, где, как вчера обнаружилось, уже неделю идут археологические раскопки.

С начала лета Ванька и Васька гостили у бабушек, чьи домишки на окраине Новгорода утопали в июльской буйной зелени. В какие только игры друзья не переиграли за месяц — и в войну, и в городки, и в чижика, в «классики» и то прыгали. Ванька даже книжки читал, да у бабушки, Веры Васильевны, их не больно много, новых-то книжек. Это старинных у нее целый сундук. Бабушка у Вани верующая. Каждый вечер открывает она толстую книгу в деревянном, обтянутом кожей переплете, книга лежит на столике перед иконами, и начинает размеренно читать:

—

Бабушка читает молитву, а Ванька, вслушиваясь в ее негромкое бормотание, удивляется незнакомым словам. Как это «согреших»? Наверное, «согрешил»? Так бы бабушке и сказать. А вот это — «ныне и присно и во веки веков»... Чудно! Все порывается Ваня расспросить бабушку об этом, да перебивать бабушкино чтение стесняется, а дождаться, когда бабушка кончит читать, сил у Вани не хватает, он засыпает. Утром спросить уже не о чем, забываются за ночь услышанные с вечера диковинные слова...

Скука обволакивала Ваню и Васю как вязкая полуденная духота. Вчера вечером, сидя на пруду с удочками, они лениво грызли семечки, сплевывая шелуху в зеленое кружево прудовой ряски, изредка и неохотно вытаскивая удочки на берег, чтобы заменить червяка, обгрызенного хитрыми и осторожными карасями. Говорить и то было лень.

По ухабистому, отороченному высоким бурьяном проселку пропылил грузовик, в кузове которого, держась за борта, сидели ребята в зеленых просторных куртках и широкополых шляпах. Подпрыгивая на колдобинах, грузовик скрылся за поворотом.

— Студенты поехали,— дремотно зевнул Васька.— Бабушка говорит, в Чудиновском овраге копают.

— Трубы меняют? — лениво уточнил Ванька, он привык, что студентов, а его старший брат был студентом технологического института, всегда бросают срочно менять прохудившиеся трубы.

Васька мотнул головой, рассматривая на ладони не доеденного карасями червяка:

— Бабушка говорит, из университета они. К ней заходили, расспрашивали, что да где до войны тут было, они памятники старины раскапывают, монеты ищут, кольца...

— Монеты?! — Сонливость как рукой сняло, Ванька вытаращился на Ваську.— И ты молчишь! Они же клад ищут, ты что, не понял?! А мы тут с карасями рассиживаемся!

Ванька вскочил и торопливо выдернул из воды леску с болтающейся на ней пробкой и белым перышком, заменявшими поплавок, стал суетливо наматывать леску на длинное гибкое удилище. Продолжая быстро говорить, Ванька почему-то перешел на шепот:

— Раз экспедиция приехала, значит, точно клад есть. Столько народу зря не пришлют, понял! У них наверняка есть карта, а там и место схоронки крестиком обозначено. Знаешь, как это делается? «Остров сокровищ» читал? Шайка пиратов прячет награбленное, рисует план, помечает, где клад спрятан, потом главный пират всех убивает, а карту прикарманивает. Ну а после его смерти карта пошла кочевать из рук в руки. Глядишь, и попала к какому большому профессору, он и отправил студентов за кладом, сам-то уж не может, поди, больно старенький. Они клад копают, а мы с тобой поплавки караулим.

— Ну, ты даешь! — неуверенно засмеялся Васька. — Пираты! У нас их сроду здесь не бывало.

— Пиратов не бывало?! А ушкуйники?! Кто по Ильменю купцов грабил? Да после них сколько угодно кладов осталось! Бросай своих желтоперых. Пошли!

Они попрятали удочки под огромный, в три обхвата дуб, здесь же оставили ржавую из-под червей банку и по мягкой от толстой пыли колее торопливо двинулись к поросшему редким кустарником оврагу.

Место раскопок мальчишки увидели сразу. Это был огороженный невысокими свежеструганными кольями дворик, от которого узкими лучами уходи-

ли в глубину оврага прорытые коридоры. Несколько человек маленькими лопатками, а кто и руками, аккуратно разгребали землю, обметали ее метелочками и щетками. Просеянную землю в ведрах и на носилках носили к дороге и ссыпали в кучи. Рядом с кольями на расстеленном белесом брезенте лежали потемневшие от времени вещи, похожие на те, что Ваня с бабушкой видели в музее Новгородского кремля — черепки, бусины, зазубренный нож с костяной ручкой, зеленовато-бурые колечки, обломок железной палки. «Не густо», — подумал Ванька и толкнул Ваську в бок.

— Вишь, до клада пока не добрались. Так что будем искать.

— Где? Здесь?! Увидят же! — Васька покрутил головой, место действительно было открытое.

— А ночь на что? — Ванька был настроен решительно.

— Ну уж нет, — уперся Васька.— Чего в темноте откопаешь, да и бабушка не отпустит.

— Тогда утром пораньше,— уступчиво согласился Ванька, он понимал, что и его бабушка Вера Васильевна не обрадуется ночным отлучкам внука.

На том они и порешили, окончательно договорившись обратной дорогой, что копать примутся рано утром, пока студенты спят, а бабушки пусть думают, что на речку пошли, рыбачить.

Утро выдалось туманное, солнечные лучи не могли пробиться сквозь плотную молочную пелену, покрывшую луг и лес. В густом тумане не было видно мосточка, но Ванька привычно шагал по дороге, зная каждый ее поворот. Вот и мосток, но Васьки на нем не оказалось. «Проспал небось»,— удрученно вздохнул Ванька, но, вглядевшись в туман, заметил двигающуюся к мосточку темную фигурку. Он было спешно шагнул навстречу, да тут же удивленно и разглядел, что не один человек впереди, а двое, идут, торопятся, чуть ли не бегом. Ванька юркнул под мост, в липкие от росы, жгучие заросли крапивы, притаился.

Старенький бревенчатый мостик натужно заскрипел. Послышались голоса.

— Ну и туманище,— услышал Ваня над головой, говорил один.

— Оно и хорошо,— отвечал другой.

Стряхивая насыпавшуюся на голову труху и землю, потирая нажженные крапивой колени, Ванька еще долго смотрел вслед растворившимся в тумане парням. Они явно шли в раскоп. «Черти их принесли,— досадовал Ванька на некстати появившихся студентов.— Ладно, посмотрим, чего они в такую рань поднялись».

Тут и появился наконец Васька. Он бежал, прижав к груди двумя руками одежду и бумажный сверток.

— Проспал,— запыхавшись, выпалил Васька, толкнул сверток Ване и всунул ногу в штанину, — видишь, одеться даже не успел.

— А это что? — Ванька покрутил пакет.

— Бабуля пирожков навязала,— Васька все еще не мог отдышаться,— целое утро, говорит, на речке проторчите, вот их и смолотите, говорит.

По пути Ванька рассказал другу про увиденных им парней, тут же и план свой выложил, подкрасться и разведать, что парням надо в такую рань на раскопе, может, они клад нашли и хотят его тайком вынести, тогда им надо будет помешать.

— Вань, пошли домой, а? — остановился Васька. — На кой нам клад, его все равно в милицию сдавать.

— Чудило! В милицию не все сдают, четвертую часть себе оставляют. И потом у меня в коллекции ни одной старинной монеты. Новозеландская даже есть, и бирманская, а древних — ни одной. И потом, о находках всегда пишут в газетах, представляешь, газета, а в ней — ты. Все в школе обзавидуются, и потом... — Ванька открыл рот, чтобы спешно придумать еще какой довод, чтобы убедить Ваську немедленно ринуться на поиски клада, но ничего больше не придумалось. Ванька закрыл рот.

— Эх, ты,— бросил он в сердцах.— Если трусишь, так и скажи.

И, махнув рукой, решительно зашагал дальше. Васька, тяжело вздохнув, медленно потянулся за ним, но, оглянувшись назад и ничего не увидев в молоке тумана, прибавил шаг и скоро поравнялся с другом.

Спустившись в овраг, ребята присели на корточки и затаились. Чуть заметно проступали сторожевые колья, донца прорытых траншей-коридоров запрудил туман. Вблизи, достаточно руку протянуть, проступали в стене настеленные в ряд бревна, каменная кладка древних построек. Ванька и Васька напряженно вглядывались в белесую пелену, стараясь разглядеть опередивших их парней, и вдруг совсем рядом, за изгибом траншеи, послышался шорох. Кладоискатели наши замерли. В туманной густоте замелькала желтая игла фонарика.

— Да говорю же я тебе, тут она, тут! Сам ведь я эту крышку расчищал, сам и присыпал землей, чтобы никто прежде времени не обнаружил, не приснилась же она мне,— досадливо частил чей-то голос.

— Но мы уже все здесь обшарили, нет никакой крышки, потерял ты ее! — горячился второй. — А вдруг это прямой ход в Юрьев монастырь? Надо же было тебе, Митька, потерять крышку! Представляешь, в Юрьев монастырь подземным ходом пройти! Эх, ты!

— А то не представляю,— обиделся тот, кого назвали Митей, и мечтательно добавил: — В подземельях под Юрьевом, верно, и берестяные грамоты можно было найти.

— Да что там грамоты! Филологов, кроме грамот, еще хоть что-нибудь интересует? — продолжал ворчать второй.

— Вот же она, Прохор! — обрадованно закричал Митя. — Говорил же тебе, здесь она. Смотри, на крышке и буквы выбиты.

Прохор стал разбирать выщербленные, сбитые буквы надписи:

«Дѣлалъ Степанъ въ лѣто...» Прохор опустился на колени и счистил с последних букв бурую коросту ржавчины. Студенты стали внимательно их разглядывать: •ѲѰМИ•

— Буквами этими число обозначено — 6748,— пояснил Прохор на всякий случай.— Значит, древний мастер вычеканил на крышке время, когда это подземелье было вырыто,— 6748 год.

— 6748 год — это, по древнему летосчислению, «от сотворения мира». Чтобы получить дату в современном летосчислении, из 6748 вычитаем 5508,— время, протекшее от сотворения мира до Рождества Христова — и что мы получаем? А получаем мы, брат Митрий, 1240 год. 1240 год от Рождества Христова по летосчислению, принятому ныне. 1240 год! — спохватился он и присвистнул.— Да это же год Невской битвы! Ничего себе!

— Давай поднимать! — поторопил его Митя. Студенты завозились, силясь поднять тяжелую замшелую крышку. Крышка не поддавалась, она даже с места не тронулась.

— Погоди,— Прохор стал ощупывать края крышки.— Нет ли тут какого внутреннего механизма. Я читал о таких люках в летописях, правда, то было гораздо более позднее время...

Неожиданно крышка дрогнула и как бы нехотя с тяжелым вздохом стала приподниматься. Это Прохор нашарил-таки скрытый потайной рычаг. Митя поднял с земли моток веревки, принялся торопливо развязывать его.

— Крепи веревку хорошенько, не дай Бог, отцепится, и люк закрывать нельзя, неизвестно, как он изнутри открывается,— наставлял Прохор приятеля.

Затаив дыхание, Ванька и Васька слушали разговор студентов. Потом до них донесся приглушенный гул каменного колодца, по ступенькам которого парни спускались вниз, хорошо слышно было, как сыпались мелкие камешки, как охнул неловко оступившийся Митя, и все стихло.

ерь

Числo

1	2	3	4	5	6	7
А	В	Г	Д	Є	Ѕ	З

8	9	10	20	30	40
И	Ѳ	І	К	Л	М

50	60	70	80	90
Н	Ѯ	О	П	

100	200	300	400
Р	С	Т	У

500	600	700	800
Ф		Ѱ	

900 Ц

Сѣуѣти
колько числъ
есть: одинъ·
дѣва· три·
четыре·
пать

6748 лѣто ѿ сѣзданиꙗ мира
5508
1240 лѣто ѿ рожьства Іисуса Христа

Ванька первым подбежал к черной прямоугольной дыре потайного хода, заглянул вниз, но, кроме каменных ступеней колодезного спуска да белой змейки-веревки, ничего в темноте разглядеть не смог. Через его плечо в колодец осторожно глянул Васька, поежился от холодной колодезной тишины, но промолчал.

— Ну, что я тебе говорил,— торжествующе зашептал Ванька другу,— точно знают, где клад. Айда за ними!

— Туда?! — Васька затоптался на месте.— У них вон и фонарики, и веревка, а мы как?

— Веревка выведет, они же веревку за собой тянут. Идем! — Ванька уже опустил ногу в колодец.— Крышку не закрывай, неизвестно, как она изнутри открывается,— скомандовал он и исчез в темноте колодца.

Оставшись один, Васька оглянулся. Что и говорить, лезть в колодец не хотелось. Хотелось домой к бабушке. Еще хотелось есть. Васька вспомнил про пироги и сунул пакет под мышку. Лезть не хотелось, но и оставаться здесь было страшновато, да и не оставлять же Ваньку там одного. Васька осторожно поставил ногу на неровный каменный выступ, опоры у ноги не было, он суетливо нашарил ногой вторую ступеньку, но и та оказалась предательски скользкой. Васька в испуге метнулся назад, изо всех сил уцепившись за кольцо на внутренней стороне крышки, тяжелая крышка стала медленно опускаться. От неожиданности Васька выпустил кольцо и, обдирая локти, колени о грубо отесанные края каменных ступеней, свалился вниз на сырую, шершавую от плесени известняковую плиту. Крышка гулко захлопнулась, стало совсем темно.

Васька потрогал ссадины на руках, потер ушибленный при падении бок и, подобрав валявшийся рядом пакет с пирогами, нащупал веревку. Надо было отыскивать Ваньку. Он осторожно зашагал по широким каменным плитам в глубину темного коридора.

ТАЙНА ПОДЗЕМНОГО ХОДА

Подземный ход был сложен добротно. Мощь его высоких сводов, крепость дубовых в не один обхват подпор выказывали радение древних мастеров. Не на скорую руку выкапывалось и камнем выкладывалось подземелье, зато и служило надежно, долгие века.

Веревочка струилась по широкому руслу подземного хода, от которого, как ветви от большого ствола, отходили в стороны узкие коридоры. В стенах чернели глубокие ниши. Васька старался не глядеть в эти темные провалы, где гулко капала с потолка вода и, казалось, кто-то затаился, сдерживая дыхание. Сверху свисали мохнатые клочья плесени, устрашающе переплетались щупальца корней, пробившиеся сквозь каменные своды. «Зря сюда сунулись, ох, зря,— думал пугливо оглядывавшийся Васька.— Чего тут закопаешь, камень кругом. Нет тут никакого клада».

Неожиданно Вася поскользнулся. Стремясь удержаться на ногах, он схватился за низко свисавшие корни. Те оказались омерзительно скользкими, как щупальца осьминога, и мальчик с ужасом тут же выпустил их из рук и покатился в сторону, больно ударившись о какую-то длинную палку. Палка оказалась с железным наконечником. «Копье, что ли?» — почти не удивился Вася. У него сильно болел бок. Рядом с копьем лежала металлическая банка с вытянутым дном, похожим на церковную маковку. Васька наклонился, чтобы поднять банку, и вдруг увидел чуть в стороне лежавший мешочек. У Васьки дух перехватило. Но холщовый мешочек, туго перевязанный бечевкой, оказался безнадежно легким. Васька развязал веревочку и вместо ожидаемых мо-

ПЪТИЦА

ПЪТЬЕЛА

СЪЛНЦЕ

ПЬСЪ

ЮСЪ БОЛЬШОЙ

СЪСЖДЪ

РЖКА

ЮСЪ МАЛЫЙ

ІАСТВА

ІАГНД

ПТИЦА

ПТЬЕЛА

СОЛНЬЦЕ

ПЕСЪ

нет разочарованно нашарил внутри шуршащую шелуху бересты. Однако выбрасывать мешочек он не стал, хотя в первую минуту и хотел это сделать, а, найдя оброненный пакет с пирожками, сунул его в полотняное нутро мешочка и, прихватив банку, двинулся дальше по коридору.

Внезапно темное пятно отделилось от мокрой стены и шагнуло к Ваське. Васька в испуге шарахнулся назад и готов был без оглядки броситься бежать, да узнал в чумазом страшилище Ваньку, который сердито пнул его кулаком в плечо и зашептал:

— Где ты все копаешься, быстрее не можешь? Я их было нагнал, да из-за тебя вот упустить пришлось. Сначала они шли медленно, ощупывали каждый камешек, железки какие-то в мешок складывали. Потом как припустили бегом. Давай догонять.

И Ванька, не слушая возражений, быстро исчез в темноте. Васька, всхлипнув от пережитого страха и безысходности, последовал за ним. То вправо, то влево делало крутые повороты подземелье. Под ноги стали лезть большие лобастые камни. Потом проход сузился, и потолок опустился так низко, что ребята невольно вжали головы в плечи, страх и вовсе придавил их. Если бы не белая нить, за которую впереди идущий Ваня держался двумя руками, давно бы уже кладоискатели наши что есть духа мчались обратно, к люку, к карасям, к бабушкам. Но вот они миновали узкий и тесный изгиб подземелья и тут же услышали недалеко от себя такие неожиданно родные голоса студентов.

— Нельзя веревку бросать, заблудимся,— настаивал Митя.— Надо возвращаться.

— Да ты что? Ну, даешь! Кому сказать — не поверят. Да такого в жизни больше никогда не будет, мы же первые здесь идем — первые! — раскричался Прохор.— Ты посмотри, сколько уже набрали! Представляешь, что может быть дальше? Толпа привалит, все потопчет, что тогда? Локти кусать будем. А вдруг это действительно в Юрьев монастырь

ход? — тихо, как будто боясь спугнуть надежду, выдохнул Прохор.

— С веревкой-то что делать станем? — сдался на уговоры Митя.

— К веревке фонарик привяжем. Очень приметный знак. Пусть горит. Издалека видно.

Прохор тут же и привязал к веревке фонарь, и положил его так, что световой клин уперся далеко впереди в стеной стоявшую тьму коридора. Оставшись с одним фонарем, студенты пошли дальше, попрежнему быстро и внимательно оглядывая свой путь. Держась крепко за руки и стараясь не шуметь, вслед за ними шагали Ванька и Васька. Поначалу они хорошо слышали шаги впереди идущих, но вдруг все стихло. Подождав немного, Ваня оставил Васю у сырой дубовой подпоры и крадучись пошел на разведку. Васька оставаться один не решился и двинулся вслед за Ванькой.

Яркое солнце внезапно ослепило обоих. Вот он, конец подземного хода! Ребята выкатились из черной сырой дыры на зеленую лужайку, окруженную зарослями лесной малины с густо краснеющей ягодой. В кустах тихо покрикивала птица. Пахло перестоявшей, нагретой травой.

— Митька, ты только глянь! Явление чертей народу!

Сидя на траве и жмурясь от яркого солнца, студенты смотрели на наших кладоискателей.

Ванька заоглядывался, но куда им было бежать? Веселую солнечную полянку окружала стена колючей малиновой поросли, и Ванька решительно ступил вперед.

— Здравствуйте. Мы, это... тут, ну, значит, эту, малину собираем,— наконец нашелся он.

— А по малину всегда подземельем ходите? — насмешливо спросил один из парней. Ваня по голосу узнал Прохора. Был он темноволосый, в синих линялых джинсах и в белой с короткими рукавами майке с нерусской надписью на груди. Митя оказался удивительно белоголовым, одет он был в ши-

рокие холщовые штаны серого цвета и просторную рубаху, штаны опоясывал замысловатый кожаный ремешок.

Доверия к Ванькиным словам в голосе Прохора не слышалось, но Ванька решил держаться до конца.

— Всегда,— прокашлял он застрявшее в горле вранье.— Мне бабушка этот ход показала. Тут, говорит, малина самая сладкая.

— Как же вас зовут, добытчики? — улыбнулся другой студент.

— Меня — Ваня,— Ваня разом покраснел за свою нескладную выдумку про бабушку и, кивнув на вовсе растерявшегося Васю, добавил: — А его вот Васей зовут.

— А малину куда рвете, в жестянку эту? — весело, уж очень смешон был вид перепуганных и грязных ребят, продолжал расспрашивать Митя. Он кивнул на объемистую банку, которую Васька держал в руках вместе с холщовым мешочком.

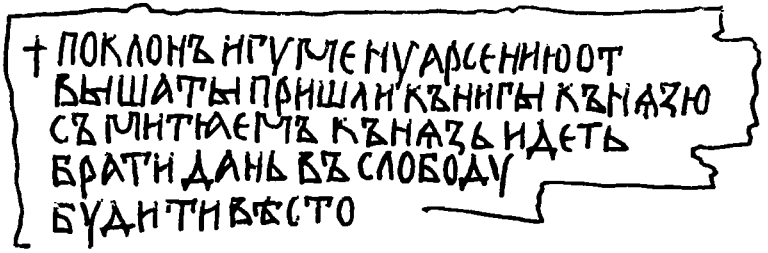
— Да это не жестянка! — вдруг всполошился Прохор, впившись глазами в Васькину находку.— Это же древнерусский воинский шлем. Гляди, как новенький!

Он осторожно, словно шлем был стеклянный, вынул его из Васькиных рук.

— И не скажешь, что столетия в земле пролежал,— восхищенно прибавил он.

— Я еще мешочек нашел,— с готовностью откликнулся Васька, понял, что подвернулся случай сгладить неудачное Ванькино вранье.— Тоже, наверное, древний. Там шелуха какая-то. Я в него пирожки положил, это бабушкины, с грибами, вы попробуйте.— Он заторопился развязать шнурок и вытряхнул содержимое мешочка на землю. В траву упали бумажный пакет с пирожками, тонко очиненная костяная палочка и две полоски бересты.

Прохор нагнулся за пирожками, но поднял не их, а тихо зашуршавшую в руках берестяную полоску, положил ее на ладонь, разгладил.

— Подделка,— уверенно сказал Прохор.— Из наших кто-то баловался. Береста новехонькая, и буквы недавно вырезывали. Да вот и палочка.

— Как же это попало в подземный ход? — удивился Митя.— Дай-ка посмотрю.

Он раскрутил берестяную полоску и под неотступными взглядами мальчишек стал разбирать: «Поклон игумену Арсению от Вышаты. Пришли книги князю с Митяем. Князь идет брать дань в слободу. Да будет тебе известно...»

— Это что?— не удержался Ванька, хоть и чувствовал себя неловко после бесшабашного вранья.

— Это?! Подделка древнерусской берестяной грамоты. В Древней Руси письма писали на березовой коре — бересте, и представьте, очень хорошая подделка. Сделана она человеком, прекрасно изучившим древнерусский язык,— ответил Митя.

— Как же тут можно что понять, если слова не разделены и буквы какие-то странные? Зачем столько твердых и мягких знаков? — стал водить пальцем по бересте Ваня.

— В Древней Руси слова на письме не разделяли, и к этому быстро привыкаешь,— Митя отвечал охотно, он изучал в университете филологию, древние языки, и поэтому говорить о древнерусском письме ему доставляло удовольствие.— А вот эти буквы Ъ и Ь ты знаками не называй. Эти буквы в древнерусском языке обозначали особые гласные звуки, и назывались они «еръ» и «ерь». «Еръ» звучанием напоминает О, «ерь» очень походит на звук Э, но звучали такие звуки коротко-коротко.

— А зачем они, эти особые звуки? Разве мало тех, что сейчас существуют? — удивился Ваня.

— Выходит, что мало,— развел руками Митя и попробовал объяснить понятнее.— В древнем языке XI-XII веков гласных звуков было больше, чем в нынешнем русском языке. Звуки, известные под именами «еръ» и «ерь», были сверхкраткие, то есть очень короткие. Попробуй выговорить отрывисто, резко О, Э и услышишь, как звучали «еръ» и «ерь». А потом древнерусский язык утратил эти звуки.

— Как же так? — ничего не понял из услышанного Ваня, и это его расстроило.— Раз исчезли звуки, должны исчезнуть и слова с этими звуками?

— Вовсе нет,— Митя видел искренний Ванин интерес и охотно пустился в дальнейшие объяснения.— Слова, в которых существовали когда-то «еръ» и «ерь», не утратились. Сверхкраткие звуки оставили в этих словах по себе след и стали звучать как обычные О и Э. Если в древнерусском слове Ъ находился под ударением, слушай — МЪХЪ, ЛЪБЪ,— звук Ъ в этих словах Митя произнес как короткое и напряженное О,— то теперь это как звучит?

— Мох! Лоб! — опередил Вася Ваню.

Митя согласно кивнул и продолжил неожиданный урок.

— Если в древнерусском слове под ударение попадал звук Ь — МЬСТЬ, ЛЬСТЬ,— он проговорил эти слова так, что звук Ь показался ребятам похожим на коротенькое, отрывистое Э,— то сейчас на его месте...

— «Э»! — хором ответили ребята.— Месть! Лесть!

И все дружно рассмеялись. Грело солнышко. Пахло травой. Хорошо!

— Однако бывало, что «еръ» и «ерь» исчезали навсегда. Терялись на конце слов. Посмотрите в нашей грамоте,— Митя ткнул в бересту.— ПОКЛОНЪ, ДАНЬ. «Еръ» и «ерь» потерялись во всех словах, которые в современном русском языке оканчиваются на согласный. Раб, сын, дом, порох — раньше на кон-

це у этих слов был звук Ъ — «еръ». А вот смотрите: слова КЪНИГА, КЪНАЗЬ — видите, как они пишутся в грамоте, а ныне от сверхкраткого звука Ъ в них не осталось и следа.

— Надо же,— засмеялся Ваня,— в самую серединку слова спрятались и не уберeглись, потерялись.

— Точно замечено, — похвалил его Митя.— Сохраниться сверхкраткому звуку в слове или утратиться зависело от того, какое место занимает в слове «еръ» или «ерь». Возьмем, например, слово СЪНЪ. Звук Ъ в первом слоге находился под ударением, благодаря этому стал звучать чуточку сильнее и сделался совсем похож на обычное О. На конце слова звук Ъ стал звучать слабее и утратился. Какое получилось слово?

— «Сон»? — удивился Вася.— Бывают же превращения!

— Но стоило слову СЪНЪ принять форму родительного падежа и потерять ударение на первом слоге — СЪНА, происходило еще более удивительное превращение. Смотрите: звучание «ера» в первом слоге ослабело, и этот звук пропал, как будто его здесь и не было. Получилось слово «сна». Сравните: СЪНЪ — СОН, СЪНА — СНА.

— Это мы еще в школе проходили,— с достоинством произнес Вася.— То исчезающие, то появляющиеся в словах звуки называются «беглыми» гласными: лоб-лба, молодец-молодца...

— Да, да, да,— подхватил Митя.— И заметьте, когда встречается беглый гласный в слове, значит, вернее всего, что в древности здесь был звук Ъ или звук Ь: мешок-мешка, кошка-кошек, горка-горок...

Устные объяснения показались Мите неубедительными, он быстро достал из кармана маленький блокнот и принялся рисовать таинственные сверхкраткие звуки. Мальчишки с интересом следили за его карандашом. И только Прохор с аппетитом сильно проголодавшегося человека доедал бабушкины пироги.

Глядя, как чертит Митя в блокноте слова ДЬНЬ – ДЕНЬ, ОТЬЦЬ – ОТЕЦ, Ваня удрученно вздохнул:

– То появился в слове звук, то пропал. И пошла путаница! Как только люди по-русски говорить не разучились!

– Верно, слова сильно изменились,– согласился Митя.– Зато как интересно с этими словами задачи решать! Вот вам древнерусское слово ПОСЪЛЪ,– Митя написал его.– Отгадайте, как оно нынче выглядит?

– ПОСЪЛЪ – ПОСОЛ,– быстро сообразил Вася.– На конце слова звук Ъ ослабел и утратился. А звук Ъ под ударением усилился, он изменился в звук О.

– Ишь ты, молодец! – обрадовался Митя.– Коль вы такие смышленые, вот вам задача потрудней. Как в древнерусском языке выглядели слова ГНАЛ, МСТИЛ, ПОСЛАЛ? Ну, кто быстрее?

Ваня и Вася переглянулись:

– Да кто же вот так с ходу отгадает?

– А если поискать родственные слова, может, в них подсказка окажется,– пришел им на помощь уже догадавшийся о решении Прохор. Он учился в университете истории и археологии, потому по-древнерусски ему читать приходилось нередко.

– ГНАЛ – ПОГОНЯ,– нашел нужное слово Вася.– Стало быть, в древнерусском языке слово ГНАЛ имело такой вид: ГЪНАЛЪ. Здесь звук Ъ был слабым, поэтому он утратился. А в родственном ему слове ПОГОНЯ звук Ъ оказался под ударением и превратился в звук О. Это самое О и стало нам подсказкой...

– И с другими словами ясно,– подхватил Ваня.– Слову МСТИЛ – подсказка МЕСТЬ. В древнерусском языке эти слова выглядели так: МЬСТИЛЪ – МЬСТЬ. Слову ПОСЛАЛ – подсказка ПОСОЛ Раньше они были такими: ПОСЪЛАЛЪ – ПОСЪЛЪ.

– А это что за буква? – Вася ткнул пальцем в

косой значок Ѧ, красовавшийся в слове КЪНѦЗЬ.— Тоже небось потерялась?

— Да,— подтвердил Митя.— Называется эта буква «юс малый» и была придумана в древности для обозначения носового гласного Э.

— Носового? — переспросил Ваня.— Она что, в нос произносилась, как во французском? — Ваня в школе учил французский.

— Вероятно, что так,— согласился Митя.— В древности у славян были носовой Э и носовой О. Звуки эти произносились в нос, сопровождаясь этаким носовым гудением. Попробуйте сами: э-ннн, о-ннн...

Мальчишки с удовольствием загудели.

— Для звука Э-носового в древнерусском алфавите имелась буква Ѧ — «юс малый», а для звука О-носового — специальная буква Ѫ — «юс большой».

— А носовые звуки на что стали похожи? — спросил Васька, он хотел сам догадаться, но не смог.— Ну, после того как вымерли.

— Да они не вымерли, просто перестали быть носовыми. Их не надо теперь «гудеть в нос». Попробуйте отгадать, какими они стали. В слове ИМѦ, например, на конце был носовой звук Э. А теперь? Смелее, смелее,— подбодрил Митя ребят.

— Наверное, этот звук стал похож на А,— неуверенно предложил Ванька и протянул: — Имя-ааа.

— Точно,— кивнул Митя.— И такой же звук был в словах ПѦТЬ, ДЕСѦТЬ, ВРѢМѦ, ЯЗЫКЪ. И хотя звук Э-носовой перестал быть носовым очень давно, еще в девятом веке, букву, обозначавшую когда-то этот звук, по традиции писали долгое время, используя ее для обозначения звука А после мягкого согласного. А теперь попробуйте сами догадаться, на что стал похож звук О-носовой, если он когда-то был в словах «дуб», «зуб», «муж».

— На У, конечно,— ответил Васька и сам же смутился от своей уверенности.— Другого-то звука тут нет. Странно только, такие непохожие звуки Э-носовой и А, О-носовой и У, а, оказывается, как дедушки и внуки — родня. Но как узнали, что «юс

малый» и «юс большой» когда-то обозначали носовые звуки, сами же говорите, что они перестали быть носовыми очень-очень давно.

— Есть слова,— Митя снова взялся за карандаш,— в которых на месте бывших носовых мы находим теперь гласный звук в сочетании с носовым согласным Н. Смотрите: «имя», но: «имЕНи». Здесь таинственный носовой гласный стал простым сочетанием ЕН. Так-то вот.

— А вот эту буковку я знаю,— похвастался Ванька, ткнув пальцем в клочок бересты, туда, где нацарапано было ВѢСТО. Эта буква называется «ять». Я ее из бабушкиных книг хорошо запомнил. Ее пишут иногда вместо буквы Е тоже, наверное, по привычке. Совершенно никчемная буква!

— Ишь ты, лихой какой! — засмеялся Митя.— Много веков назад эта буква обозначала особый долгий гласный звук, похожий на ИЕ. В словах ЗВѢРЬ, ЛѢСЪ, ХЛѢБЪ, СѢНО был такой звук, и в них поэтому писали букву «ять». А с тринадцатого века начинается утрата особого звучания Ѣ. Звук этот изменился и стал похож на обычный Е. Сейчас невозможно отличить по звучанию, в каких словах исконно был Ѣ, а в каких Е.

Неизвестно, как долго продолжался бы еще этот случившийся нежданно урок, если бы рядом в кустах не раздался вдруг конский топот и крик. Наши путешественники вскочили на ноги. Совсем близко слышались возня и хрип. Студенты кинулись на шум. За ними, не чуя под собой ног, бросились мальчишки.

В густой запутанной траве большой кудлатый чернобородый человек в широких штанах и холщовой рубахе крепко прижимал к земле человека в поразившем ребят снаряжении — на нем была тяжелая рубашка, сплетенная из железных колец, на голове поблескивал кованый шлем, точь-в-точь такой, что нашел в подземном лабиринте Васька. В руке этого странного человека поблескивал небольшой топорик, до него и пытался дотянуться черно-

бородый, всей тяжестью навалившийся на неповоротливого в своем железном облачении воина. В десяти шагах от них всхрапывал, сбрасывая с губ пузырящуюся пену, высокий рыжий конь. Он нервно переминал копытами, косил большим красным глазом на борющихся.

Еще ничего не успев понять, еще не придя в себя от поразившего их всех человека в кольчуге, в шлеме и с железным топором, не зная, да и, честно сказать, даже не успев подумать, на чью сторону вступить в этой им непонятной, но, видно было, смертельной схватке, Прохор, Митя, Ваня и Вася оказались в стремительном, ошеломившем их развороте событий.

Затрещали кусты, и толпа облаченных в холщовые рубахи богатырей заполнила поляну. Увидев их, человек в кольчуге перестал сопротивляться и отбросил в сторону топор. Чернобородый резко вскочил на ноги и, показав на поверженного, сказал густым напевным говорком, обращаясь к человеку в богато расшитой бисером длинной рубахе:

— Гоньца поималъ есмь, Микуло. Гонець князю вѣсть везлъ есть изъ Гюрьгева.

Человек, к которому обращался чернобородый, высокий ростом, кряжистый и сильный, был уже в годах, седина опушила его бороду и кустистые брови. Он подошел к поверженному, наклонился над ним:

— Что везлъ еси?

Человек в железной кольчуге молча отвернулся. Микула поднял голову, его взгляд упал на оцепеневшую от изумления четверку наших путешественников. Микула вопросительно глянул на чернобородого:

— Кто суть и отколѣ приишли?

— Не свѣдаю,— поклонился тот.

— Съвязати имъ рукы,— коротко бросил Микула, и в тот же миг шестеро здоровенных молодцов скрутили нашим путешественникам пеньковыми веревками руки, повалили их рядом с пленником. Один из молодцов, тот, что связывал Митю, отобрал зажа-

тую в его кулаке трубочку берестяной грамоты и почтительно поднес Микуле. Микула принял грамоту, раскатал и снова скатал полоску, распорядился:

— Посадити ихъ на передьню телѣгу.

Пленников тычками заподталкивали через малинник. На открытом вырубленном месте стояли несколько лошадей с телегами, было здесь и несколько верховых под седлами. Вместе с «железным» человеком, так же как и они связанным по рукам, ребят опрокинули в телегу. Микула приказал, обоз двинулся.

В ПЛЕНУ

В телеге наши путники стали понемногу приходить в себя.

— Да розыгрыш все это, местный драмтеатр развлекает народ. Глянь-ка на его убранство,— Прохор кивнул на пленника в кольчуге.

— Нет,— Митя тяжело вздохнул.— Послушай, как они говорят. И грамота та, из мешка, новехонькая, и шлем — так не подделаешь.

— Ерунда! — сердито сопел Прохор.— Сказки все это, фантазии дурацкие. В книжках хоть машины времени, а мы-то своими ножками сюда пришли. Вот привезут в город, увидишь, как нас разыграли.

— Скажите,— Ваньке стало страшновато лежать молча,— а куда это нас везут?

— Да кабы знать,— рассеянно пробормотал Прохор, но, словно спохватившись, вспомнив что-то, с надеждой остановил свой взгляд на ребятах:

— Вы сюда за малиной часто ходите?

— Не,— виновато мотнул головой Ванька.— Мы за вами следили. Думали, вы клад ищете.

— Клад...— горько усмехнулся Прохор.

Прохор, Митя и странный воин в кольчуге лежали

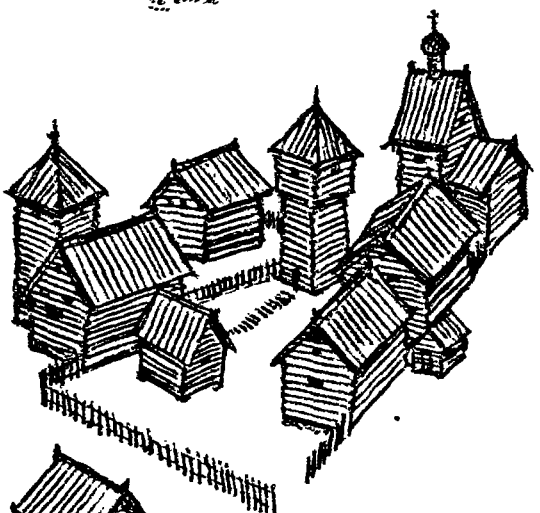
ПОВОЙНИКЪ

ПОКОН

СЛОБОДА

ПОГРЕБЪ

ПОРОУБЪ

НОЖЬ
ЗАСАПОЖЬНИКЪ

один подле другого, ребятишки были положены им в головы поперек телеги. Прохор повернулся к лежавшему за его спиной связанному воину, легонько подтолкнул его:

— А ты откуда такой нарядный?

Воин угрюмо глянул на него:

— Не розумѣю, что еси реклъ.

Прохор и Митя переглянулись.

Обоз въехал в селение, окруженное частоколом, и здесь наихудшие Митины предположения подтвердились: этим треклятым подземным ходом они миновали такую бездну веков, что трудно было определить, куда они попали. В тряской телеге несчастных пленников везли по сухой наезженной колее, по обеим сторонам которой теснились бревенчатые высокие дома, амбары, крытые дворы, обнесенные заборами и плетнями.

Несмотря на ранний утренний час, народу на улице было много. Привлеченные скрипом телег, выходили из ворот любопытные бабы в высоких шапочках (потом ребята узнают, что шапочки эти называются «повойниками»), перекинув коромысла через плечо, легко семенили по воду девушки в сарафанах и простых холщовых рубахах, головы их были повязаны широкими лентами. Голопузые ребятишки сновали возле телег, тянулись на цыпочки, чтобы разглядеть пойманных.

И уже не оставалось сомнений ни у Мити, ни у Прохора, что перед ними самые настоящие русичи из какой-то неведомой им древности. Прохор, приподняв голову, торопливо вглядывался в людей, дворы, постройки, пытаясь угадать время, в которое их занесло.

Дома здесь были устроены так, как обычно их ставили на Севере и на Западе Руси. Бревенчатые, двухэтажные, они свысока глядели верхними резными оконцами на улицу. Нижние этажи, хозяйственные, их называли «клети», там хранились припасы, зимой жил скот, подслеповато смотрели на свет узкими щелями прорубленных окошек. Дворы были обнесены высокими заборами и крыты тесом, через

отворенные ворота, часто с затейливой резьбой, виднелись то притушенный горн кузни, то островерхая крыша медуши — деревянного кладезя меда, то гончарный круг, возле которого мокла, разбухала в корыте глина. Все это: и дома, и дворы, и медуши, и кузни, такие вот обожженные в печи горшки, выставленные во дворах остывать,— бытовали на Руси века, и Прохор не находил зацепки угадать, в какое время живут эти люди. И по одежде жителей не мог он определить время. Женщины шли в простых синих поневах, под поневой выказывались холстинные белые рубахи, у иных с пущенной по рукаву красно-черной крестовой вышивкой. «Такие наряды, доставшиеся от прабабушек, пожалуй, и сейчас найдешь в сундучке у иной новгородской старушки»,— подумалось попутно Прохору. И схватившие их молодцы одеты были как-то обыденно и безлико: все в холщовых портах и широких навыпуск рубахах, подвязанных плетеными ремешками. Вот и Митька, кстати, очень похоже на них одет, такая же простая рубаха без воротника, просторные льняные штаны, подвязанные ремешком. «Да куда же мы попали, елки-моталки, в какой век?»

Прохор устало положил голову на слежалую солому и стал разглядывать пленника, из-за которого они так неосмотрительно выскочили в перелесок Тонкая, склепанная из мелких металлических колец рубашка с короткими, по локоть, рукавами доходила всаднику до бедер и была натянута поверх красной холстинной рубахи. Плетение кольчуги ладилось затейливо и искусно. Синие грубой шерсти штаны были заправлены в желтые из мягкой кожи сапоги — видать, не простого звания был всадник. Но главное — шлем! Такие шлемы с закрывающей шею кольчужной бармицей носили древнерусские воины в тринадцатом веке. Похожий шлем, принадлежавший князю Ярославу Всеволодовичу, отцу Александра Невского, хранится в Оружейной палате. Да, почти такой, та же стрельчатая форма, и завершается острием. Правда, тот, Ярослава Всеволо-

довича, украшен золотыми чеканными пластинами с изображением русских святых. А в остальном один к одному. Так же вот приклепан стальной наносник с полукружьями для глаз. В общем, красивая работа! Выходит, что? Мы в тринадцатом веке?

Прохор тотчас вспомнил цифры, вычеканенные на крышке люка в раскопе — 1240 год — год Невской битвы! Ничего себе! Занесла их судьба.

Чувствуя, как затекают свинцовой немочью туго спеленутые веревкой руки, Митя пытался хоть чуть пошевелить ими. Всю дорогу, как и Прохор, он мучился догадками, в какое время они попали, и если для Прохора подсказкой могли стать одежда, оружие, постройки, то Мите ответ мог дать язык, и он всю дорогу напряженно прислушивался к возгласам, раздававшимся во дворах, к плачу и покаянному крику наказанного матерью малыша, к коротким перемолвкам шедших позади телеги мужиков, пытался определить, каким временем отзываются напевный, скорый их говорок, слова и весь строй их речи.

— Како ударю тя въ лобъ палицею,— кричал увлекшийся игрой мальчишка своему товарищу, собираясь закатать ему добрый щелчок. И Митя смекал, что те самые сверхкраткие, о которых он еще недавно толковал увязавшимся за ними Ваньке и Ваське, уже утратились, преобразовались в обычные звуки. «Раз сказано «лоб», значит, мы в древнерусской земле не ранее конца двенадцатого века,— размышлял Митя,— а вот та девица рассказывает подружке о том, что случилось на «торожку», на торге, на базаре. В новгородских берестяных грамотах такое встречается не раньше тринадцатого века. Стой-ка! Что это он там говорит? — Митя глянул на идущего рядом с их телегой Микулу, передававшего своему молодцу грамоту и негромко сказавшего в напутствие:

— Пришли ми человѣкъ на жеребьци.

«Человѣкъ! Ага! — Митя торжествовал, если можно было торжествовать в этот невеселый для них

час.— Он сказал: «пришли человѣкъ», а не «пришли человѣка». Так могли говорить только до конца тринадцатого века, не позже. Получается, мы в тринадцатом веке!»

И еще не сразу освоившись с ошеломившей его догадкой, Митя, прежде чем поделиться с Прохором своим открытием, жадно ловил слова, все сильнее укрепляясь в своей правоте. Наконец он повернулся к Прохору:

— Это тринадцатый век!

— Да,— сосредоточенно думая о своем, кивнул Прохор,— получается, что так.

Наши мальчишки, услышавшие этот короткий разговор, испуганно переглянулись и крепче прижались друг к другу, незадачливые кладоискатели сразу поняли, что не разыгрывают их, не пытаются обмануть и не веселый спектакль ожидает их по приезде, а неведомое и грозное дознание.

Обоз втянулся на постоялый двор. В два этажа массивные хоромы украшало высокое крыльцо в кружеве затейливой деревянной резьбы. Толпа домочадцев высыпала во двор и окружила телегу с пленниками. Все с интересом разглядывали Прохора, диковинным казалось древним русичам его одеяние.

Микула тем временем наклонился над пленником в кольчуге и грозно вопросил:

— Кую вѣсть везлъ еси князю?

Всадник ответил угрозой:

— Отпусти мене, Микуло, а то князь слободѣ насилье съдѣеть.

— А, пес поганыи,— Микула разгневанно затряс бородой,— изморю тебе въ погрѣбѣ. А князь намъ нѣсть господинъ. Правителя въ сеи земли надъ нами нѣтуть.

Микула махнул рукой своим молодцам:

— Полоненыихъ въсадити въ погрѣбъ.

— Подхватили нашу четверку и с ними упрямого русича, развязали руки, бросили в бревенчатый без окон сруб, на тяжелый засов заперли.

Пленники огляделись. Стены сруба высокие, сложенные из толстых и гладких бревен. Потолок плотно прилегал к стенам, лишь в одном месте оставляя узкую щель, через которую пробивался в темницу свет.

— Какой же это погреб? — Васька озадаченно пожал плечами.— В погребе сыро, холодно, там картошку держат, соленья всякие. А здесь дом, только без окон.

— Погребом в Древней Руси еще и тюрьма называлась,— разъяснил Ваське Прохор.— А еще тюрьму называли «порубъ».

— А мы что, правда в Древнюю Русь попали? — еще теплилась в Ваньке маленькая надежда.

— Да,— жестко отвечал Прохор.— Ничего не поделаешь, ребята, как это ни фантастично звучит, но мы с вами оказались в Древней Руси, да еще в тринадцатом веке. И приняли нас, видно, за врагов, так что давайте подумаем, как нам из этой истории выпутаться. Языка-то никто, кроме Мити, толком не знает, прочитать я еще прочту, а что сказать,— он вздохнул.— Вам, бедным, еще сложнее.

— А вы нас научите,— с готовностью откликнулся Ванька.— Мы понятливые,— он толкнул Ваську в бок, и тот торопливо поддакнул:

— У меня в школе по русскому языку пятерка за год.

— Тут понятливости мало,— вмешался Митя.— Вот здешние жители, как, впрочем, и все древние русичи, «окают», говорят «пОрОхъ», «дОбрО», а вы «акаете», у вас эти слова звучат: «пОрАх», «дАбрО».

— Да ну? — изумился Ванька.

— Ну да,— горько усмехнулся Митя.— Помимо знаний, нужны навыки, чтобы не сбиться на «аканье». Тут столько надо знать и практиковаться долго, чтобы хоть чуть понимать, а уж говорить...— Он удрученно махнул рукой, отошел от ребят и подсел к молча следившему за ними пленнику в кольчуге:

— Мы есмъ галичане. Не свѣдаемъ, кто суть ворози наши.

Пленник недоверчиво взглянул на Митю и с неохотой ответил:

— Слобожане ти суть. Новъгородьстѣи землѣ Чудиновьстѣи слободы чернии люди. А Микула есть слободы староста.

— Брате, въ кую вину полонили тебе суть?

Пленник долго молчал, прежде чем продолжить:

— Путята есмь, княжь гридь. Послалъ есть мене князь гонець искати. А похытили суть мене слобожане, да бы князю досадити.

— А гоньца обрелъ ли еси? — уточнил Митя.

Княжеский посланник качнул головой:

— Пропалъ есть гонець. Въ Гюрьгевъ не доѣхалъ и ко князю не воротилъ ся. Переяли суть княжю грамотицу.

— Стой! — У Мити дух перехватило от догадки. Так вот что за бересту нашли они в мешочке! — Въ грамотѣ тои тако глаголеть ся: «Поклонъ игумену Арсению отъ Вышаты. Пришли къ книгы къ князю съ Митяемь. Къ князь идеть брати дань въ слободу...»

— Кдѣ виделъ еси грамоту ту? — русич цепко схватил Митю за руку.

— Въ лѣсѣ мы обрели есмъ грамотицю ту,— высвободил руку Митя.— Шеломъ да двѣ грамотици. Одну грамотицю Микула переялъ есть, а иную истеряли есмъ въ лѣсѣ.

В глазах княжьего гридя мелькнула надежда:

— Добро. Ту грамотицю надобѣ наити и дѣло управити.

Постанывая, сильно, видать, ему досталось от чернобородого, Путята поднялся с сена и стал обходить стены поруба, простукивая и осматривая их.

Ванька тихо пододвинулся к Мите:

— О чем это вы с ним толковали? Мы с Васькой ни слова не поняли. Говорите так странно — «обрелъ еси, пропалъ есть».

— Погоди, погоди,— Митя обнял Ваню и продолжал внимательно следить за княжеским посланником, ожидая, что тот обнаружит неведомый им путь на волю. Напрасно! Он вернулся на свое место, без-

надежно покачал головой. Слышно было, как переговариваются за бревенчатой стеной приставленные к порубу сторожа.

Митя тяжело вздохнул, рассеянно глянул на притихшего Ваню, на пригорюнившегося Васю и сказал негромко:

— Ох, ребятки, и попали мы в переделку! Думал я, такое только в книжках бывает. А здесь случилось... Тринадцатый век! Время на Руси смутное... А у нас! Ни еды с собой, ни одежды, ничего! Оборониться да вот вас защитить и то нечем. И вправду языку вас выучить, что ли? Древнерусский-то язык теперь ох как может пригодиться.

— Так ты о чем спрашивал? — вспомнил он Ванин вопрос и стал подробно объяснять: — «Пропалъ есть», «Обрелъ еси» — это древнерусские формы прошедшего времени. Сравните их с нынешними формами прошедшего времени, и все станет понятным.

Прохор, тоже внимательно слушавший этот урок, невесело рассмеялся:

— Теперь и не знаешь, где нынешние формы.

— Древнерусское прошедшее время глагола образовывалось так,— продолжил Митя,— к форме глагола на -л присоединялась форма настоящего времени от глагола «быти», например: ходилъ+есмь; ходилъ+еси; ходилъ+есть. Со временем это самое «есмь», «еси», «есть» утратилось, и по-русски мы говорим сейчас: «я ходил», «ты ходил», «он ходил». Вот смотрите,— Митя достал сохранившийся в его кармане карандаш и уже знакомый ребятам маленький блокнот и быстро стал писать:

по-древнерусски	**по-русски**
ходилъ есмь	я ходил
ходилъ еси	ты ходил
ходилъ есть	он ходил
ходили есмъ	мы ходили
ходили есте	вы ходили
ходили суть	они ходили

— Так как по-древнерусски сказать «Я дал тебе коня»? — решил попробовать Васька.— «Далъ есмь тебе коня»?

— Не совсем так,— поправил его Митя.— Ты должен сказать вот как: «далъ есмь тобѣ конь». Говорить «Далъ есмь тобѣ конь», «послалъ еси человѣкъ», «възялъ есть мужь» надо потому, что древнерусский язык еще не делает разницы между одушевленными и неодушевленными предметами мужского рода. Мы ведь как говорим: «дал коня», но «дал мяч»; «послал человека», но «послал полк»; «видел воина», но «видел бой». То есть для слов мужского рода в винительном падеже находим в русском языке строгое разграничение одушевленных и неодушевленных предметов. Вспомните, как в вашем учебнике значится винительный падеж: кого? и что? Чувствуете разницу? А в древнерусском языке тринадцатого века,— глянув на Прохора, Митя пожал плечами,— можно сказать и так, что в русском языке нынешнего тринадцатого века различий между одушевленными и неодушевленными существительными в винительном падеже еще не существует: что «далъ есмь конь», то и «далъ есмь мечь», все одно. И значит, в учебнике древнерусского языка должно быть, пожалуй, написано: винительный падеж — кто? что?

— Почему вы обратились к русичу «брате», а не «братъ»? — не отставал Васька, не простое уже любопытство толкало его на вопросы, понимал Васька, что из забавы занятие языком становится для них необходимостью. Не научись они говорить с древними русичами, тогда точно пропали, если уже не пропали, но об этом думать не хотелось.

— Я так сказал потому, что по-древнерусски, обращаясь к человеку, нужно употреблять его имя в особой звательной форме — в звательном падеже.

— В звательном? — переспросил Ваня.— Это что, правило поведения?

— Нет, это языковое правило. В древнерусском языке есть особый звательный падеж. Когда обращаются к брату, говорят «брате», при обращении к

князю — «княже», к отцу — «отче». От слова «сынъ» форма звательного падежа «сыну», от слова «конь» — «коню», от слова «муха» — «мухо».

— И к князю, выходит, и к коню все едино? — подал голос Прохор.

— И к мухе? — хихикнул Васька.

— К коню и к мухе, может, они так не обращаются,— улыбнулся в ответ Митя,— но формы звательного падежа можно образовать от любого слова. Так устроен язык, отроче Василие.

Ребята рассмеялись.

— Раз у них здесь особый звательный падеж, может, еще какие другие есть падежи, которых в русском языке и след простыл? — уточнил Вася.

— Нет,— покачал головой Митя.— Все остальные падежи сохранились с древних времен в целости. Смотрите-ка,— Митя снова взялся за карандаш:

Именительный	—	рабъ,	слуга
Родительный	—	раба,	слуги
Дательный	—	рабу,	слузѣ
Винительный	—	рабъ,	слугу
Творительный	—	рабъмъ,	слугою
Местный	—	рабѣ,	слузѣ

— Как местный? — хором удивились мальчишки.

— Сейчас его называют предложным,— уточнил Митя.

— Потом мы его назовем предложным,— поправил его Прохор.

— Слушай,— рассердился Митя,— если мы так будем все время поправляться, мы совсем запутаемся и запутаем ребят. Не в игрушки ведь играем, без языка пропадем.

— Хорошо еще,— поспешно встрял в разговор Ванька,— хоть с существительными ничего не произошло.

— А вот здесь ты ошибаешься,— поправил его Митя.— С существительными много чего произошло.

— Может, хватит на сегодня? — спросил Про-

хор.— Все равно сразу всего не запомнят. Давайте лучше подумаем, что делать будем. Боюсь, что через час-другой староста будет «судъ оправливати».

— «Оправливати»? — переспросил Ванька.— Это что такое?

— Это значит «судить, вершить власть, управлять». Вот и над нами будут «судъ оправливати».

Ванька и Васька, не сговариваясь, подвинулись к студентам ближе.

— Князь, пославший гонца по имени Митяй в Юрьев монастырь, враждебен слобожанам, так? — уточнил Прохор.

— Да,— кивнул Митя,— потом этот князь послал второго гонца гридя Путяту отыскать пропавшего Митяя, потому что тот вез важное известие и надо было разведать, не попало ли оно в руки слобожан.

— Точно,— подхватил Прохор,— вспомни, как обрадовался княжий гридь, когда узнал, что вторая половинка грамоты не оказалась в руках Микулы. Он сказал: «надобѣ грамотицю ту наити и дѣло управити». Вот только знать бы, что было написано в той половинке бересты?

— Разве это сейчас так важно? — пожал плечами Митя.

— Да конечно же! — Прохора удивила Митина недогадливость.— Покровительство князя — вот наше спасение. Если мы найдем оброненную половинку бересты, наверняка войдем в доверие дружины и князя. Представляешь, попасть в княжеский стан тринадцатого века!

— Ты бы лучше подумал, как домой попасть.

— Но ведь именно там, на полянке, где брошена грамота, подземный ход. Вот ты с ребятами и двинешься домой, *я — к князю и потом за вами.*

Прохор, Прохор, он уже не думал о том, что их в любую минуту ожидает скорый суд. Ему не терпелось побывать в княжеском стане.

— Я останусь с тобой,— твердо сказал Митя.— Ребята сами домой доберутся, не маленькие.

— Надо сказать Путяте,— заторопился Прохор,—

что мы можем найти вторую половинку грамоты, если князь обещает нам за это свое покровительство и защиту. Переведи ему.

Митя подошел к лежащему на сене пленнику:

— Вѣдаемъ, кдѣ та грамотица обретаеть ся. Оже князь велить, то мы, брате, грамотицю ту наидемъ. Коли князь насъ не приобидить.

Путята задумался, немного помедлив, ответил:

— Добро. Да како князю вѣсть дати?

Митя и Прохор озадаченно переглянулись, действительно, как? Как выбраться из поруба? Через узкую щель под потолком пройдет разве мальчишка. Митя глянул на притихших ребят. А что, если их послать? Путята расскажет, как найти княжеский стан. Вот только языка мальчишки не знают, слобожанам в руки попадутся, не вывернутся. Да и с князем объясниться не смогут. Так ведь их можно научить, соображают они быстро и за язык ухватились всерьез.

— Посли отрока два къ князю,— Митя вопросительно взглянул на Путяту.— Даи има грамотъку малу, да бы князь повелѣлъ тя свободити изъ полона. Князь съ дружиною приидеть, велить Микулѣ отпустити тебе и насъ. Тогда и грамотицю въ лѣсѣ наидемъ.

Видно было, что гридь колеблется, да это и понятно, не доверял он чужакам, из самой дальней русской земли, из Галицкой, неведомо зачем в Новгород пришедшим, но и выхода иного у него не было. И, подумав так, он согласно кивнул, достал из-за сапога легкий кусочек бересты, тонкой остро отточенной палочкой стал нацарапывать скупые строчки послания князю.

Митя тем временем строго наставлял ребят:

— Слушайте внимательно. Вам придется отыскать княжеский стан. Путь, верно, неблизкий, поэтому надо суметь объясниться по-древнерусски. На вопрос: «Кто вы еста, отколе приишли?»— отвечайте: «Иванка кузнеца есвѣ сыны. Послалъ есть насъ отець въ Новъгородъ соли купити да заблудилѣ ся есвѣ и куны истерялѣ». Повторите.

Не с первого раза, но повторили ребята вслед за Митей сказанное им слово в слово.

— Все ясно? — уточнил Митя.

— Не-е,— сознался Ванька.— Куны что такое?

— Куны — это древнерусские деньги,— ответил Прохор.

— А как они выглядят? Какого размера монеты?

— Да не монеты это вовсе,— Прохор решил объяснить подробнее.— В тринадцатом веке монеты на Руси исчезли из обращения. Их вообще сейчас нет. Деньгами считаются шкурки зверей: куны — шкурки куницы, бели и веверицы — шкурки белок. Такие шкурки являются деньгами, если у них головка, лапки и хвост.— Прохор замолчал, посидел, подумал, не упустил ли чего, и добавил: — У состоятельных людей все же серебро имеется, в таких продолговатых кусках.— Он показал руками размер кусков.— Куски эти называют еще гривнами. Когда нужно русичу расплатиться, от гривны отрубается кусок — рубль, режут и поменьше кусочки — ногаты, резаны. О деньгах вроде все,— Прохор хлопнул себя по коленям.

— Итак, запомните,— повторил Митя.— «Иванка кузнеца есвѣ сыны. Послалъ есть насъ отець въ Новъгородъ соли купити да заблудилѣ ся есвѣ и куны истерялѣ».

— А почему мы должны говорить «есвѣ», ведь правильно будет сказать «Иванка кузнеца есмъ сыны»,— Васька хорошо запомнил схему, которую рисовал в блокноте Митя.

— Нет,— строго сказал Митя,— нужно ответить «Иванка кузнеца есвѣ сыны». «Есвѣ» — это форма настоящего времени от глагола «быти», только форма двойственного числа.

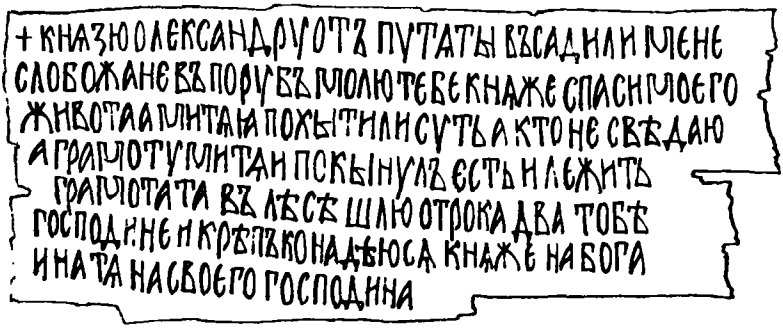
— Какого-какого? — изумился Васька, удивление его было понятно, до сих пор он пользовался лишь понятиями единственного и множественного числа.

— Двойственного,— повторил Митя.— Так устроено в древнерусском языке, что предметы, которых

по два, называют формами двойственного числа. Скажешь: нозѣ, руцѣ, очесѣ, ушесѣ, ланитѣ, и сразу ясно, что речь идет о паре ног, рук, глаз, ушей, щек и не больше. Вас с Васькой двое, вот и о вас надо сказать в двойственном числе — сыны. Во множественном числе было бы «сынове». И глагол при существительном «сыны» тоже должен иметь форму двойственного числа: «есвѣ сыны». Итак, повторите: «Иванка Кузнеца...»

Ванька и Васька покорно забубнили вслед за Митей.

— Теперь о грамоте.— Дождавшись, когда ребята уверенно, ни на одном слове не сбиваясь, стали бойко проговаривать нужную фразу, Митя протянул им исписанную русичем бересту.— Отдадите ее князю.

— Понятно ли что?

— Вроде понятно,— отвечал Ванька.— «Князю Александру от Путяты. Посадили меня слобожане в тюрьму. Прошу тебя, князь, спаси мой...— Ванька замялся, еще раз сверился с берестой,— живот. А Митяя схватили, а кто — не знаю. А грамоту Митяй бросил, и лежит грамота та в лесу...» У него что,— Ванька кивнул на русича,— живот болит? Почему он просит князя «спаси моего живота»?

— Да нет,— довольный успехами ребят, улыбнулся Митя,— он жизнь свою молит князя спасти. «Животь» по-древнерусски означает «жизнь». В летописях часто рассказывается, как, отправляясь на

битву, воевода или князь говорил воинам: «Положимъ животы свои за землю русьскую». Это он их жизни отдать призывает за спасение Отечества.— Митя вздохнул и прибавил: — А наши с вами животы в порубе ни за что, ни про что погибают. Выручайте, ребятки.

Васька и Ванька разом поднялись на ноги. Путята неторопливо, чтобы дети поняли, стал объяснять путь к княжескому стану:

— Ити надобѣ лѣсъмь до рѣкы. На деснои сторонѣ рѣкы князь станъмъ стоить. На шуеи сторонѣ рѣкы слобожане рыщуть. Переправита ся на десну сторону да ступаита къ Вышатѣ-тысяцкому. Онъ васъ ко князю приведеть. Вышатѣ и грамотъку мою даита. Розумѣита? — переспросил он.

— Кажется, да,— нерешительно качнул головой Ванька.— Вот только что значит «на деснои сторонѣ», «на шуеи сторонѣ»?

— «На деснои» — на правой, значит, стороне реки,— подсказал Митя,— находится княжеский стан, а «на шуеи» — на левой стороне реки, слобожане рыскают. Десный и шуий — означает правый и левый.— И не удержался Митя, добавил по-учительски: — Следы этих слов можно найти на географической карте России. Помните реки — Десна, Шуя, это русичи их называли, когда приходили селиться на новые земли.— Он похлопал ребят по плечам, как бы напутствуя их.— А теперь спрячьте грамоту хорошенько и в путь.

ПОБЕГ

Вдруг криком занялся Микулин двор. Путята вскочил на ноги и в два прыжка приблизился к стене. Пленники прислушались. Надрывно плакал ребенок, причитала женщина, где-то истошно кричали: «Ико-

ИТЬ

В ЛѢСѢ
КРѢПЬКО
НАДѢЮСА

+ КНАЗЮ ОЛЕКСАНДРУ ОТЪ ПУТАТЫ ВЪСАДНИ И МЕНЕ
СЛОБОЖАНЕ ВЪ ПОРУБѢ МОЛЮТЕБЕ КНАЖЕ СПАСИ МОЕГО
ЖИВОТА И ПИТАНИЯ ПОХЫТИЛИ СУТЬ А КТО НЕ СВѢДАЮ
А ГРАДУ ТУ ПИТАН ПОКЫ НУЛЪ ЕСТЬ И ЛЕЖИТЬ
ГРАДУ ТОТА ВЪ ЛѢСѢ ШЛЮ ОТРОКА ДВА ТОБѢ
ГОСПОДИНЕ И КРѢПЬКО НАДѢЮСА КНАЖЕ НИ БОГА
И НАТА НА СВОЕГО ГОСПОДИНА

ны выносите! Иконы!» Дымом не пахло, но отчетливо слышался нарастающий треск горящего дерева. Пленники заметались. Прохор схватил в охапку Ваську, подсадил его вверх к уже затянувшемуся смрадным дымком проему под крышей.

Пожар разом охватил Микулин двор, огненным кольцом полыхал частокол, вспыхнули дворовые амбары, занялся, видно, и дом, коли понесли из него иконы. Скоро огонь подберется и сюда, в дальний угол двора — к порубу.

Васька, забравшись на плечи Прохора, выцарапав между верхними бревнами слежавшийся мох, хорошо видел бедствующий двор, но дотянуться с Прохоровых плеч до заветной щели он не мог. Тогда цепкий маленький Путята, ссадив Ваську, влез на сильные Прохоровы плечи, Митя передал Путяте Ваську, и тот, подтолкнутый вверх Путятой, в одно мгновение исчез в дымящемся проеме. Следом парни выставили упирающегося Ваньку, слезно глянувшего в последний раз на обреченных сгореть заживо пленников.

Протиснувшись сквозь щель, Ванька посмотрел вниз. Прижавшись спиной к неприступной стене поруба, стоял Васька и пугливо крутил головой. Шум пожара, треск, истошный вой погорельцев слышны были отовсюду, но поразительное безлюдье бросилось в глаза мальчишкам, сторожа, приставленные охранять пленников, кинулись спасать Микулино добро. Что же до поруба, то к нему уже подкрадывался, слизывая перестоявший сухой бурьян, огонь. Занялась от разбрызгиваемых всюду искр крыша. Ванька с Васькой на мгновение замерли и тут же разом, словом не обмолвившись, кинулись к тесовой двери поруба. Только бы хватило сил сдвинуть кованый засов! Мальчики отчаянно вцепились в тяжелое витое замочное кольцо. Узорочье кольца сдирало кожу с ладоней, но они, не чувствуя боли, тянули и тянули неподдающийся засов.

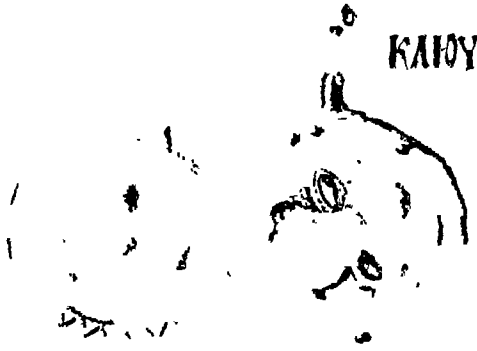
Уже скрипела под жадным злым пламенем прочная тесовая крыша, из щелей между бревнами ва-

ЗАМЪКЪ

ЗЕМЛЯ

КЛЮЧЬ

ЗМЕЕВИКЪ

ЗѢЛО

ОГЪ ЖЕ
ЛѢТА
БЫСТЬ ПОЖАР
ЗОРЪ

лил черный дым. Только бы успеть! Размазывая по лицу бегущие от бессилья слезы, Ванька вдруг заметил валяющийся в траве рядом с брошенными сторожами топориками железный прут, изогнутый на конце. Может, это ключ от поруба?!

В одно усилие, приладив прут к узорному кольцу, они выдернули засов из гнездовища в замке и рванули на себя легко поддавшуюся дверь. Из дымного проема, часто глотая воздух, вывалились пленники.

Митя и Прохор схватили мальчишек за руки и вслед за бесшумно поманившем их Путятой кинулись в выгоревшую дыру частокола.

В зарослях густого ивняка, ввиду полыхающей огнем Чудиновской слободы беглецы отдышались. Путята с заметно помягчевшим лицом похлопывал Ваню и Васю по плечам, приговаривал:

— Съвѣдоми кмети будуть князю, како рече бо Вѣщии Боянъ: «подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, коньцьмь копья въскормлени, пути имъ вѣдоми, яругы ими знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють, акы сѣрыи волци въ полѣ, ищучи себе чести, а князю славы».

Ваня, встав на цыпочки, шепнул Мите:

— Чего он толкует, не разберу.

На что Митя, еще не веря спасению, радостный и запыхавшийся, обнял ребят:

— Это он вас с Васькой хвалит. Будете «съвѣдоми кмети» — знаменитые воины, такие, говорит Вещий Боян, «под трубами рождены, под шлемами взращены, концом копья вскормлены, пути им ведомы, овраги ими знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли изострены, сами скачут, будто серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы».

— Красиво сказал этот Боян,— понравилось Ване. Он улыбнулся Путяте. А тот, доверившись наконец странным и неведомым галичанам, заговорил:

— Нынѣ слобожане много добра истеряють, не послушали ся бо добраго слова, яко не годѣ летось

жировати въ домъхъ, а жити по полю. Я, княжь гридь, измлада помьню, яко погорѣло Зарѣчье въ Новѣгородѣ. Бысть пожаръ золъ. Кто вбежалъ есть в камяны церкви съ имениимь, и ти вси изгорѣли суть съ добръмь своимь. Въ Варяжьскои божьницѣ съгорѣлъ есть весь товаръ немечьскыхъ купець, церкви изгорѣли суть пять на десяте деревяныихъ. Плачь великъ бысть.— Путята вздохнул.

Прохор толкнул локтем Митю:

— Это он говорит об известном по Новгородской летописи пожаре в Заречье 1217 года.

В перелеске раздалось тревожное ржание. Это искали пристанища распуганные пожаром чудиновские лошади. Путята, подав спутникам знак подождать, скрылся в зарослях ивняка. Через минуту он появился, ведя под уздцы невысокого гнедого коня, следом послушно тянулись еще две лошадки.

— Поѣдемъ ко князю въ станъ — сказал Путята.

— Зачем?— Прохор положил руку на шею Путятиного коня.— Сначала надо разыскать грамоту.

Прохор хитрил. Его как магнитом тянуло в княжеский стан, но прежде он хотел отправить ребят домой. Там, на полянке, мог представиться случай незаметно втолкнуть их в заросшую травой дыру подземного хода. И мальчишки будут спасены.

Путята непонимающе глянул на Прохора:

— Не розумѣю,— пробормотал он, дивясь про себя странной непохожести речи его знакомцев на его собственную речь. Митя, угадав Прохоров маневр, стал терпеливо объяснять:

— Друже Путято, первее наидемъ грамотицю ту да дѣло управимъ. А управлячи дѣло, ко князю поидемъ.

Путята согласился и повернул гнедого к лесной просеке, что вела к заветной круглой полянке.

Ехали верхом. Впереди Путята, за ним Прохор, который усадил перед собой Ваньку, а Васька сел позади Мити, обхватив его руками за пояс. Кони ступали тихо. Путята, не торопясь, выведывал путь, боялся наткнуться на слобожан. Васька, которому

страшновато было ехать замыкающим, стал допытывать Митю:

— А почему это Путята говорит «на дорозѣ» вместо «на дороге»?

Митя похвалил заметливого мальчишку:

— Это ты молодец, что такие вещи подмечаешь. Видишь ли, отроче Василие, в разные времена один и тот же язык подчиняется разным законам, они-то и диктуют говорить: «собака», но «о собацѣ»; «другъ», но «друже». Дело в том, что согласные К, Г, Х были в древнерусском языке всегда твердыми, и вот когда после этих согласных следовал какой-либо из гласных звуков Ь, или Е, или И, или Ѣ, или Ѧ, которые обязательно смягчают соседние согласные, то К, Г, Х твердыми уже оставаться не могут, но и нетвердыми они быть не могут, что им делать? Приходится на время искать замену, для этого случая каждый из них имел собственного мягкого заместителя. Если выражаться грамотно, то замена твердых согласных К, Г, Х мягкими согласными звуками перед гласными Ь, Е, И, Ѣ, Ѧ называется смягчением. Остатки древних смягчений есть и в нашем русском языке. Вспомнитѐ-ка: рука — ручка; бег — бежать; тихо — тишина. Это Г, К, Х нашли себе в замену мягкие шипящие согласные, каждый — своего: К — Ч'; Г — Ж'; Х — Ш'. А вот в случае, который тебя заинтересовал, «дорога — на дорозѣ», твердый согласный Г нашел себе в замену мягкий свистящий звук З'. Мягкие свистящие согласные тоже могут заменять К, Г, Х; и здесь у каждого твердого звука свой мягкий заместитель: К — Ц', ученикъ — ученици; Г — З', другъ — други; Х — С', муха — о мусѣ.

— Ну, как, отроче Василие? — спросил Митя и оглянулся на озадаченного Ваську.— Не запутался?

Тот засопел за Митиной спиной.

— Значит, я — «отроче Василие»...

— Нет, не так,— перебил его Митя.— Сказать «Я отроче Василие» нельзя, как нельзя сказать «Отроче Василие пошелъ есть въ лесѣ». «Отроче Василие» в именительном падеже вообще не используется, это

форма особого звательного падежа, форма обращения. Запомни хорошенько!

— Значит, обращаясь ко мне, говорят «отроче Василие»,— поправился Вася,— а говоря обо мне: «объ отроцѣ Василии»?

— Хорошо, молодец! — от души порадовался Митя.

— Запутаешься,— вздохнул польщенный похвалой Васька,— хорошо, что эта путаница до нашего времени не дошла.

— Кое-что дошло,— засмеялся Митя.— Мы просто этого не замечаем и принимаем как должное: луг—лужок, друг—друзья, крик—кричит, мох—мшистый.

С полчаса ехали молча. Васька пережевывал услышанное, старался накрепко запомнить: дорога, но на дорозѣ, собака, но о собацѣ. Понимал мальчишка, что тут учеба не ради утехи или оценки, а ради жизни, без языка они точно пропадут.

— Митя, а Митя,— тихо окликнул Вася своего учителя.— Ты сказал, что К, Г, Х уступали свое место мягким согласным, да разве Ж и Ш — мягкие? Разве Ц — мягкий звук?

Митя оглянулся и с уважением посмотрел на Васю.

— В древнерусском языке эти звуки были только мягкими. Ты заметил, наверное, как пришептывает, мягчит эти звуки Путята. «Вижю» — говорит он, а не «вижу». Так до четырнадцатого века говорили все русичи. Потом лишь начнется отвердение звуков Ш и Ж. А звук Ц стал твердым только в XVI веке.

Прохор тем временем неторопливо объяснял Ване, сидевшему впереди него на лошади:

— В страшное время попали мы на Русь, друг Ванюша. По нашим с Митей догадкам, это середина тринадцатого века, точнее, если верить цифрам на крышке подземного хода,— 1240 год. Русь на части раздирают враги. Немцы и шведы подступают с запада, с востока грозят монголо-татарские орды. Да и в своем дому не все ладно у русичей. Каждый удел, каждая земля имеют своего князя, своего пра-

вителя. Князья между собой ссорятся, а пахарям — беда. Видишь, у слобожан с князем «разлюбье». Слобожане платят князю «истужники» — дань по силе, кто сколько сможет, да, видно, мало стало князю той дани.

— А сюда, в Новгород, Батый приходил? — с тревогой спросил Ваня.

— Летопись говорит, что ста верст не дошел Батый до Новгорода. Дело ведь как было. В декабре 1237 года на реке Воронеже, притоке Дона, появились войска Батыя. По льду ставших рек, как по гладкой наезженной дороге, они двинулись на Русь. Первой на их пути оказалась Рязанская земля. Посольство Батыя потребовало с рязанцев дани — десятины со всего, с князей, с простых людей, с коней. Рязанский князь Юрий Игоревич в ответ на это сказал: «Когда никого из нас не будет, тогда все будет ваше». И вышло русское войско город оборонять. Названия деревень по сей день хранят память о тех событиях. Неподалеку от Рязани есть село Засечье. Чуть выше — деревня Добрый Сот, на высокой горе — деревня Иконино. Подалее — села Шатрище и Исады. Засечье — это лесной завал на пути ордынской конницы, в местечке Добрый Сот когда-то стояла засада рязанцев. У Шатрища раскинул Батый свои шатры, обложив Рязань, там, где ныне пристань Исады, Батый высадился на берег Оки. На высокой горе у деревни Иконино могла стоять дружина князя, выставив иконы и древнерусские знамена, хоругви. Разбив русское войско в поле, шесть дней и ночей осаждал Батый Рязань и взял ее приступом. Рязанский князь, его семья, дружина, многие жители Рязани погибли. Рязанский боярин Евпатий Коловрат крикнул клич ударить на супостатов, отомстить за убиенных и растерзанных жен и детей. Сохранилась древнерусская повесть о разорении Рязани Батыем. В этой повести про Евпатия сказано: «И собра мало дружины — тысячу семьсот человекъ, которых Богъ съблюде, быша внѣ града и внезапу нападоша на станы Батыевы и начаша сѣчи безъ

милости. И смятоша ся вся полкы татарскыя...»

Прохор замолчал. Молчал и Ваня, да долго не выдержал, поторопил:

— А дальше что?

— Дальше-то,— вздохнул Прохор.— Да не хватило у русичей сил для обороны. Стремительное и жестокое войско Батыя в четыре дня взяло штурмом Владимир, уничтожило Суздаль. В марте на реке Сить татары разгромили ополчение владимирского князя Юрия Всеволодовича. Сам князь был убит. И вот затем Батый устремился к Новгороду. Но здесь, как пишет летописец, не доходя 100 верст до Новгорода, «они безбожници вспятиша», повернули, значит, вспять, «осташа бо ся новгородьци отъ Батыя не воеваны и не пленены». А двинулись татары на Козельск, штурмовали его семь недель, ибо ратные люди Козельска оставались в городе, не выходили в поле. Летописец рассказывает, будто бы Батый потерял под Козельском около четырех тысяч воинов, за то запретил даже имени Козельска упоминать, а звать стали Козельск татары «злым городом».

Вот мне, друг Ванюша, и удивительна нынешняя тишина в Новгородской земле, будто бы нет кругом ни татар, ни шведов с немцами. Знай себе князь со слобожанами не мирятся. Чудно! Потому и важно нам точно с нынешним годом определиться. С 1236 года в Новгороде княжил Александр Ярославич. Во дни Батыева нашествия он стоял во главе новгородских и псковских полков, готовил оборону Новгорода. Узнав о вторжении шведов, он не стал ждать их под Новгородом, а с дружиной и новгородскими полками поспешил навстречу врагам и 15 июля 1240 года в битве на Неве разгромил шведского герцога Биргера, за что и наречен был Александр Ярославич Невским.

— Я про это читал и кино видел,— без хвастовства сказал Ваня,— только никогда не думал, какая фамилия у князя Александра Ярославича была до того, как его Невским назвали.

— А фамилий в Древней Руси, Ваня, вообще не было, ни фамилий, ни отчеств.

— Как не было фамилий? — изумился Ванька.— Тот Иван и этот Иван, да одних Иванов небось тысячи на Руси было, как же их отличить?

— А это мы сейчас Митю спросим, он толковее объяснит, на то он и филолог. Слышишь, Митя,— окликнул Прохор,— мы тут с Иваном в Иванах запутались.

— Что, Ваня, трудно поверить, как люди без фамилий жили? — Митя с Васей подъехали ближе.

— И мне трудно,— признался Вася.— У нас в классе двадцать восемь человек, и четыре Ивана, и четыре Алены, как тут без фамилий разберешься.

— Иванов действительно на Руси всегда было много, недаром говорится, на Иванах Русь держится, только Иван Ивану рознь. Каждый Иван прозвище имел, а для верности еще и добавлял — «Иван Федоров сын». От прозвищ да прозваний по отцу и пошли нынешние фамилии. Самые-то простые из них от отцовских имен образованы. От имени Павел, например, целый ворох фамилий: Павлов, Паншин, Панаев, Панютин, Пашутин, Павлищев, Палин. А теперь скажите-ка, от какого слова фамилии Коняев, Конов, Кононов, Конаков, Коншин, Конашев?

— От слова «конь»,— усмехнулся простоте вопроса Васька.

— Вот и нет,— засмеялся Митя,— если б от слова «конь», я бы и не спрашивал. А произошли они от имени Конон, было такое имя в Древней Руси. Забытые ныне имена много фамилий дали: и Кирсанов, и Зотов, и Протасов, и Сазонов, и Меркулов, и Уваров. Но еще занимательней разгадывать фамилии, рожденные прозвищами. Прозвища на Руси давали по разным случаям. Посмеялись соседи над Степановым толстым брюхом — вот и стал Степан прозываться Брюханом, а дети и внуки его Брюхано-

БЫ ДИТИ ВѢСТО ЯКО ПРИДЕ НА НЕВУ БИРЬГЕРЪ
РАТЬЮ И ХОЩЕТЬ ВОЕВАТИ НОВЪГОРОДЪ
А КНАЗЬ ОЛЕКСАНДРЪ СЪБИРАЕТЬ ВОИСКО А
ТЕБЕ ОТЬЦЕ ИГУМЕНЕ ПРОСИТЬ ПРИШЛИ
ПОДЪВОДЫ СЪ ЖИТОМЬ И МЕЦИ И КОЛЬЦЮГЫ

выми. Белобрысого кликали Беляком, беззубого — Щербаком, а рябого — Шадрой. Их потомки — Беляковы, Щербаковы, Шадрины так и несут в своих фамилиях поминание о щербатом или рябом предке.

— Интересно как! — воскликнул Ваня.

— А если интересно, то вот вам загадка: что за прозвища такие, если от них пошли фамилии Глазунов, Ушаков, Голованов, Хлудов, Росляков, Коротыгин, Карташов, Беспалов?

— Глазуном звали глазастого,— уверенно начал Ваня.— Ушаком — ушастого.

— С оттопыренными ушами,— вставил Вася.— У нас такой в классе тоже есть. Мы его Чебурашкой зовем.

— Голован, видно, имел большую голову,— продолжил Ваня,— Росляк был длинным, а Коротыга — низеньким.

— А Хлуд, Карташ и Беспал,— напомнил Митя и, не дождавшись ответа, оглянулся на Васю.— Помогай своему другу.

— Нету таких слов в русском языке,— пожал плечами Васька.— Разве что Карташ — это который картавит...

— Правильно,— кивнул Митя,— а Хлуд — шибко худой, а Беспал — где-то палец потерял.

— А моего предка как прозывали? — нетерпеливо выглядывая из-под руки Прохора, спросил Ваня.

— Для начала хорошо бы знать, как тебя прозывают? — засмеялся Прохор.

— Базанов.

— Звали твоего прапрадеда Базаном, видать, крикливым был в детстве,— объяснил Митя.

— Да и праправнучек у него не очень-то смирный, весь в дедушку пошел,— не удержался Васька, высунувшись из-за Митиной спины.

Ванька решил в долгу не оставаться:

— А фамилия Сухотин от чего?

— Сухота — недужный. Болезненный, видно, был

человек, иссушенный болезнью, — ответил Митя и услышал за спиной обиженное сопение, не очень-то обрадовался Васька сведениям о своем предке.

Кони мерно ступали по лесной дороге. В тишине, наполнявшей лес, слышно было, как похрустывают под копытами тонкие опавшие ветки, скрипит тяжелая сырая хвоя. День клонился к закату. И хотя солнце стояло еще довольно высоко, ощущалась собирающаяся в лесных болотистых низинках зябкая вечерняя влага.

Полянка открылась неожиданно, она оказалась за редеющим на краю дороги ольховником.

— Ваня, Вася,— тихо и строго сказал Прохор, как только слезли с лошадей, и Митя с Путятой тут же принялись за поиски грамоты.— Подземный ход приметили? — Он глазами указал на желтеющие головки зверобоя.— Как только я дам знак, ныряйте в лаз и ходу домой.

— А вы? — в один голос жалобно проговорили Ванька и Васька.

— Мы уйдем позже, надо у князя в стане побывать, раз уж случилось чудо попасть сюда.

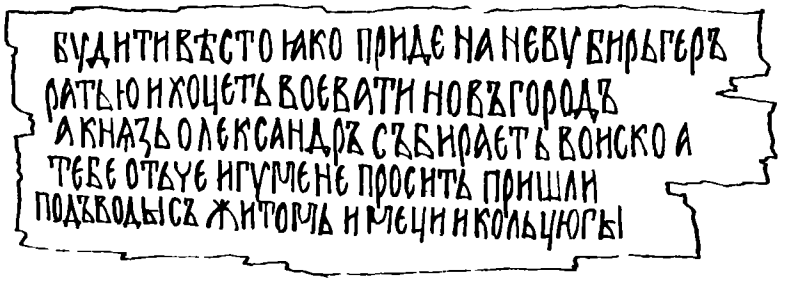
Глядя в молящие глаза мальчишек, Прохор добавил:

— Домой, и немедленно. Поймите, ребятки, без вас мы выберемся, а с вами точно пропадем.

Последние Прохоровы слова прозвучали как приказ. Мальчишки молча уселись на краю поляны, где от спасительного хода их отделяла лишь поросль зверобоя, но близость дома не радовала.

Митя и Путята тем временем разглядели в траве жестяной бок нагретого на солнце — точь-в-точь как на Путяте — воинского шлема, под которым и сыскалась наконец скоробившаяся ленточка вытряхнутой утром из мешка второй половинки берестяной грамоты.

Путята торопливо разгладил ленточку.

— Слышали есте? — Путята прочел грамоту вслух.

— Цокает, ну, точно как моя бабушка,— заметил Васька.— Она тоже вот так говорит: «Цто, Васенька, хочешь на завтрак?»

— Угу,— согласился с ним Митя, принимая от Путяты берестяную полоску,— цоканье в новгородских говорах сохранилось с древности. Цоканье — это когда люди не делают разницы между звуками Ц' и Ч', произносят их одинаково как мягкий Ц': цисто, цясто, нацяло, цело́. Ну-ка, отгадайте, что я сказал? — подбодрил он настроившихся на разлуку и потому поникших ребят.

— Чисто, часто, начало, це́ло,— уныло ответил Ванька.

— А вот и не угадал,— неестественно оживленно обрадовался Митя. Ему тоже было жаль расставаться с ребятами.— Я сказал «чело́», по-древнерусски это значит «лоб».

— И в княжеском войске есть «чело»,— добавил Прохор, разглядывавший грамотку через Митино плечо.— Так называется передовой полк, принимающий на себя первый удар противника.

И рассматривая грамоту, и обдумывая сказанное в ней, Прохор между тем внимательно следил за Путятой, который, убедившись, что драгоценное послание уцелело, не попало в руки недруга, с тревогой осматривал найденный ими шлем.

— Митяя есть шеломъ,— скорбно проговорил Путята.— Погыблъ есть нашь Митяи.— Путята снял с

себя шлем, склонил голову и перекрестился. Помолчали. Вздохнув, гридь махнул рукой в сторону перелеска, где паслись лошади, и, не оглядываясь больше на ребят, направился туда.

Прохор, схватив за руки мальчишек, тотчас метнулся к подземному ходу, быстро обнял и расцеловал их.

— Ну, ребятки, с Богом! — торопливо напутствовал Прохор.

Черный зев подземелья дохнул на них памятной еще с утра холодной сыростью.

ОШИБКА

После яркого солнца густая темнота каменного коридора ослепила ребят, они долго стояли молча, прислушиваясь и присматриваясь к темноте. Изредка слышно было, как разбивались о камни срывавшиеся с потолка капли воды, и снова в глухую тишину погружалось подземелье. Ребята двинулись вперед, помнили, что где-то здесь неподалеку Митя с Прохором оставили привязанный к веревке зажженный фонарик, и старательно вглядывались в темноту, надеясь уловить отблески света. Некоторое время они пробирались молча, потом Ванька заговорил:

— Вась, ты понял, о чем в грамоте было написано? Шведы пришли на Неву, и князь Александр собирает войско. Невская битва скоро! Эх, в какое время они нас домой отправили!

— Тебе же Прохор русским языком сказал, что с нами они пропадут,— отвечал Васька, но и он жалел о возвращении домой.

— Не гухой. тоже небось слышал,— сердито заворчал Ванька.— Только уж не такие мы малень-

кие, чтоб из-за нас пропадать. Языка не знаем, так выучили бы, небось не безголовые.

Но долго сердиться он не умел и уже скоро, окончательно смирившись с мыслью о возвращении домой, Ваня, как бы извиняясь перед Васей за то, что еще минуту назад был рассержен на него, первым вступил в прерванный разговор:

— Слушай, друже Василий, а чего это князь у монастыря просит оружие?

— Не только оружие, но и жито,— уточнил Вася.

— Жито — это понятно, во всех монастырях и хлеб растили, и скот разводили, а вот оружия столько откуда у монастыря?

— Оружия? — переспросил Васька и тут же охнул, наскочив на большой камень.— У-у-ух!— застонал он, схватившись обеими руками за ушибленное колено.— Ты лучше скажи, откуда тут этот чертов валун взялся?

Действительно, откуда? Тут было над чем подумать, да подумать им было уже некогда, впереди пробивался свет, и тотчас, забыв обо всем, ребята припустили бегом, тут же и поняв за крутым поворотом, что не фонарик осветил им путь. Впереди, шагах в тридцати от них, там, где свод подземного хода круто падал вниз, заставив ребят невольно пригнуть головы, была приоткрыта маленькая, толстая, кованым железом обитая дверь, которая легко и мягко отворилась от Ванькиного толчка, не скрипнув, выпустила ребят из подземелья.

Настороженно и с любопытством кладоискатели наши огляделись. По правую и левую руку от них вздымались высокие крепостные стены, а прямо перед ними в розовых лучах закатного солнца стояла нарядная вся («как именинница»,— ахнул Ваня, «ишь ты!» — выдохнул Вася), величавая церковь о трех маковках. Белокаменная, стройная, она тянулась ввысь, к небесам. Несущие золоченые кресты, высокие главы ее, напоминавшие формой воинские шлемы, в закатном свете казались зажженным трехсвечником. Сошел со звонницы долгий мелодичный

мыслете

младенець
детиць • до седмь лѣтъ

отроча •• до двою седмиць лѣтъ

отрокъ ∴ до трехъ седмиць

юноша ⁘ до четырехъ седмиць

моужь ⁙ до осми седмиць

и отъ толе
старець

седмица

недела
понедѣльникъ
вътоpьникъ
сpѣда
четвьpгъ
пятокъ
соубота

звон колокола,— от неожиданности наши ребята вздрогнули,— и поплыл над лугом, на котором стояла дивная церковь, над деревянными с узкими прорезями окон домами, что лепились к крепостным защитным стенам. И вслед за первым колокольным звоном, вслед ему, нагоняя, зазвучал колокольный перезвон — благовест, сливаясь в торжественный, сердце сжимающий колокольный оркестр. На дорожках, ведущих в храм, появились люди в длинных темных одеждах.

— Монахи! Да много! — прошептал пораженный Васька.

Ваня кивнул ему в ответ. Говорить он не мог. Большой шершавый ком застрял в горле, на глаза навернулись слезы. Они были в Юрьевом монастыре! Ваня сразу это понял, но не в том Юрьевом, куда они с бабушкой, Верой Васильевной, и Васей третьего дня ходили на экскурсию, где давно уже, много лет как музей. Они были в Юрьевом монастыре, куда не доехал пропавший Митяй с грамотой от князя, где готовили жито и оружие для предстоящей битвы с Биргером. Они по ошибке, пройдя другим коридором подземелья, так и не сумели покинуть тревожный тринадцатый век, но остались здесь теперь уже без Мити и Прохора, а, значит, без языка и малейшей надежды на возвращение отсюда. Ваня крепко сжал Васино плечо, тот повернулся, и Ваня увидел две светлые дорожки, пробежавшие от глаз к подбородку друга, и понял Ваня, что и Вася все понял. Не сговариваясь, словом не обмолвившись, крутнулись друзья на месте, чтобы метнуться к спасительному подземному ходу, но дорогу им заступил высокий худой человек с реденькой русой бородкой. Как и все на этом монастырском дворе, он был в темной одежде.

— Отколѣ сде отрока два? — прогудел он громогласно. Подождал ответа, с удивлением взирая на немо застывших перед ним ребят. Взял их за руки.— Поидѣта къ игумену отъвѣчати.

Что им оставалось делать? Пришлось идти, и по пути Ваня все оглядывался, все усиленно соображал, что предпринять. Понятно было — надо бежать. Но куда? К подземному ходу дорога отрезана, на толстые стены монастыря им с Васькой не взобраться. Поймают. Может быть, притвориться немыми? А может, честно признаться, что они пришельцы из двадцатого века? Вот ведь и одежда на них сильно отличается от здешней. Ваня глянул на свои джинсы и обмер. В пылу бегства из поруба, когда они не разбирая дороги, продирались сквозь лесные заросли, Ваня не заметил, как в клочья разодрал и джинсы, и синюю в клеточку рубашку. А потом в подземном лабиринте разодранная и прожженная одежда покрылась глинистым рыжим налетом. Васькины серые штаны и майка с красным спасательным кругом на груди были не в лучшем виде. Попробуй теперь докажи, что это одежда будущего. Так что же делать? Все кончилось для них. Ничего сделать они уже не могли.

Монах подвел мальчиков к высокому крыльцу деревянного дома, легонько подтолкнул их вперед и вслед за ними вошел в чистую горницу с приземистой глиняной печью, лавками и большим столом, застеленным белой вышитой скатертью. Монах с поклоном перекрестился на иконы. Ваня и Вася неловко повторили вслед за ним поклон.

Возле окна стоял и глядел во двор седобородый человек в такой же темной, как у их монаха, одежде, и был крест на его груди, да не простой, с грубой медной зернью, а богатый, украшенный витой серебряной нитью.

Приведший их монах почтительно, но сдержанно поклонился:

— Приими, отче игумене, отрока два, яже обретохъ я у ходьбища на Чудиновьскую слободу. Да роспроси отрока, молю тя, отче.

Ясные спокойные глаза игумена с минуту пристально рассматривали незадачливых беглецов. Мягко и напевно игумен спросил:

— Отколѣ пришла еста отрочата?

Васька, пригнув голову, спрятался за Ванькину спину. Ванька заморгал глазами, соображая, что ответить, и вдруг выпалил затверженное совсем недавно:

— Иванка кузнеца есвѣ сыны,— он запнулся, но тут же добавил: — Чудиновьской слободы кузнеца сыны.

— Како звати тя? — продолжал расспросы игумен.

— Иванъ,— с готовностью ответил Ваня. Он напрягся, чувствуя, что больше сказать по-древнерусски ни слова не может.

— А тебе, отроче, како звати? — обратился игумен к Ваське.

Васька, опомнившись и испуганно глянув на игумена, пробормотал:

— Василии, отче.— И вдруг, собравшись с духом и с мыслями, зачастил: — Изгорѣла есть слобода и домы изгорѣли суть и имѣние все.

Он остановился, лихорадочно припоминая Путятины слова, и вновь пустился в объяснения:

— Нынѣ слобожане много добра истеряли суть, не послушали бо добраго слова, яко не годѣ летось жировати въ домъхъ, а жити по полю. Плачь великъ бысть.— Васька судорожно вобрал в себя воздух, и, понимая, что это все, что они могли сказать, всхлипнул от бессилия: — А я съ братомь бѣжалъ изъ пожара, да въ монастырь, отче, пришелъ.

В горнице воцарилось молчание. Игумен продолжал испытующе рассматривать оборванных, вымазанных копотью и глиной мальчишек.

— А кто есть вамъ ходьбище показалъ?

— Митя,— растерявшись от непредвиденного вопроса, нечаянно обронил Ванька.

— Митяи? — быстро и встревоженно переспросил игумен и наклонился к детям.— Кдѣ нынѣ есть Митяи? Везеть ли мнѣ грамоту отъ князя?

— Погыблъ есть Митяи,— вспомнил последнюю речь Путяты Ванька и добавил, старательно подбирая слова: — А грамоту истерялѣ есвѣ.

Игумен перекрестился, тяжело вздохнул:

— Вѣдаета ли словеса сеѣ грамоты?

Ванька поспешно кивнул, затараторил врезавшиеся ему в память слова грамоты:

— Поклонъ игумену Арсению отъ Вышаты. Пришли книгы князю съ Митяемь. Князь идеть брати дань въ слободу. Буди ти вѣсто, яко приде на Неву Бирьгеръ ратью и хоцеть воевати Новгородъ. А князь Олександръ събираеть воиско. А тебе, отче игумене, просить: пришли подъводы съ житомь и меци и кольцюгы.

Ванька оторопело замолчал, он сам не верил, что смог вспомнить грамоту слово в слово.

Игумен помолчал, еще раз горестно вздохнул, положил ребятам руки на головы:

— Отче Феодосие, накорми отрочата и одежю даи. Да веди къ брату Сергию.

В узкой комнатке, куда привел ребят отец Феодосий, которая по-монастырски называлась кельей, стояли две широкие лавки, застеленные чистым рядном, да маленький столик, притиснутый к углу. Над столиком висела икона с горящей лампадкой.

— Омоита ся. Облацѣта ся въ одежю нову. Худою одежею не годѣ одѣвати ся,— проговорил монах и указал на кувшин с водой, стоявший на полу у двери, здесь же лежали чистые холщовые порты и рубахи.

Ополоснувшись, сняв с себя изодранную одежду, мальчики облачились во все чистое, проглотили по куску ржаного хлеба, запили его холодным молоком и, свернувшись калачиком на лавках, тотчас уснули. Тревоги этого удивительного дня наконец отступили от них.

УРОКИ ОТЦА СЕРГИЯ

Мальчиков разбудил протяжный настойчивый звон колокола. Ваня вскочил первым. В узко прорубленное окошко кельи пробивался тусклый свет. Было еще очень рано. Но во дворе, куда любопытствующий Ванька постарался скосить глаза из окошка, толпились люди в длинных темных одеждах — рясах. Ваня затормошил друга, открывшего было глаза, но тотчас же отвернувшегося к стене и натянувшего для верности на голову рогожку, которой укрывался.

— Все во двор спускаются, айда и мы.

Они скатились с высокого крыльца на лужайку, где их окликнул вчерашний монах отец Феодосий и сделал им знак присоединиться к стайке мальчишек в таких же, как у наших ребят, полотняных одеждах.

Ваня и Вася встали позади всех. Семеро мальчиков, с интересом на них оглядываясь, заподталкивали друг друга:

— Чудиновьскоѣ слободы кузнеца сыны... Изгорѣла есть слобода, а отрочата уцѣлѣла, да умомъ помрачила ся и речета гугниво... отець Феодосии тако сказаеть...

Услышанное обрадовало Ваню.

— Пусть так и думают,— шепнул он другу.— Но дозрений меньше — кто, да чьи, да почему так плохо по-древнерусски говорим.

Кудрявый, дочерна смуглый мальчик продолжил. верно, прерванный появлением Вани и Васи рассказ:

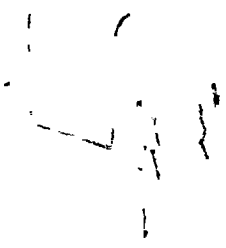
— Не вѣдаете, яко же въ Резани было, егда татарове напали суть на Русь. Резаньци въбѣгли въ церквь и затворили ся въ полатѣ, погании же татарове отъбивъше двери, зажьгли церквь, и вси людие изгорѣли. Бѣда была, яко не мочно мнѣ вамъ всего и сказати.

Ребята наши замерли, вспомнили Прохоровы

АЗЪ ВѢ ГЛАГОЛЬ ДОБРО

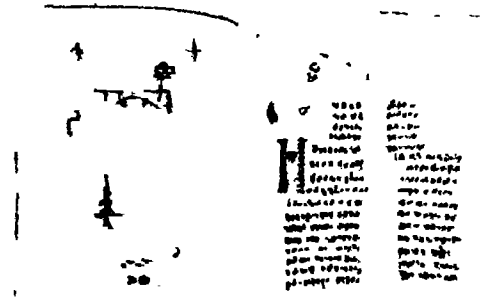
БВГД

АНАЛОЙ

ЛЪЖИЦА ДЕРЕВЯНА

ВЕЛИКА БЫВАЕТЪ ПОЛЬЗА ОТЪ ОУЧЕНЬЯ КНИЖНАГО

ЄѴАНГЕЛИЄ

слова о страшном Батыевом нашествии, дохнуло на них жаром близкого рязанского пожарища. «Не уцелеем, пропадем...» — подумалось обоим сразу, и они крепко взялись за руки, сознавая друг в друге надежду на спасение.

Неожиданно Ваньку дернул за рукав беловолосый мальчик, чуть пониже его ростом, с задиристым вздернутым носом, сплошь покрытым веснушками:

— Ты еси Иванко?

Ваня кивнул, не зная, что отвечать.

— А тотъ Василько есть? — продолжал интересоваться мальчик. Васька застенчиво пожал плечами, как бы подтверждая, что именно он и есть тот самый «Василько».

— Зовуть мя Онфимъ,— мальчик дружески похлопал Ваську по плечу.— Не боита ся. Никто сде васъ не приобидить. Отець Сергии васъ грамотѣ научить. Будита грамоту добрѣ свѣдити. Отець Сергии есть ученъ и премудръ мужь, книгы пишеть. Отьци наши даяли суть насъ ему на ученье книжьное.

Онфим помолчал, не дождавшись ответа от робевших вымолвить слово мальчишек, добавил:

— А отець Феодосии научить насъ, како люди исцѣляти. Оже кто въпадеть въ недугъ, отець Феодосии цѣлить его отъ немочи. Отець Феодосии цѣлѣбьны травы съвѣдаеть, събираеть ихъ: и беленъ, и ковылу, и кропиву, и куколь свѣрѣпицю, и лебеду, и осотъ, и папороть. Да зелие варить. Оже кто въпадеть въ черную кручину, али въ гортаньную печаль, али въ трясцю, али в сухоту, зелие се тому человѣку цѣльбы творить.

Снова не получив ответа от дичившихся «погорельцев», Онфим решил и отступиться от них, да вспомнил про азбуку, которую отец Сергий наказывал передать новичкам. Онфим встряхнул холщовый мешочек и, мотнув белобрысыми вихрами, протянул Ваньке золотистую, правильной формы липо-

вую дощечку. На дощечке с обеих сторон были аккуратно вырезаны буквицы азбуки.

Из церкви выглянул маленький белобородый старичок, это и был отец Сергий, и махнул рукой сбившимся на поляне ребятишкам, те привычно и спешно двинулись на его зов. У входа мальчики чинно перекрестились, низко поклонились иконе, висевшей над дверью. Ваня и Вася, запоминающе приглядываясь — что им еще оставалось делать? — старательно повторили их движения, осенили себя крестным знамением, метнув «двоеперстие» правой руки — сложенные вместе указательный и средний пальцы — со лба на живот и с правого плеча на левое.

В церкви было светло и празднично от зажженных возле икон свечей, от яркими светляками горящих лампад. Монахи стояли лицом к небольшому возвышению, как потом узнают ребята, место это в восточной части церкви называется алтарем. Алтарь был отгорожен от средней части храма иконостасом — выстроенными в несколько ярусов рядами икон.

Уже знакомый ребятам игумен Арсений, непонятно, но красиво выпевая слова, читал лежавшую на столе в алтаре книгу. И что стол этот называется «престол», а книга, лежавшая перед Арсением,— Евангелие, и что игумен Арсений потому и зовется игуменом, что старший в монастыре, глава его, настоятель,— и это Вася и Ваня узнают потом, на уроках отца Сергия. А сейчас глаза торопились разглядеть и запомнить все вокруг.

— Служьба церковьная ведеть ся тако,— подсказал ребятам Онфим, вставая рядом с ними у северной стены храма, сбоку от алтаря, сюда привел своих учеников отец Сергий. Вася и Ваня запрокинули головы. Стены церкви были расписаны фресками, с них строго и тревожно глядели лики святых, их темные фигуры были облачены в ниспадающие мягкими складками одеяния. Казалось, что добрые, высокие люди с фресок со всех сторон

обступают молящихся, ограждая их от напастей сомкнутым надежным кругом.

— Красота! — похвалился Онфим «погорельцам», робко стоявшим в стороне от остальных мальчиков.— Христолюбивый князь украсилъ есть церкъвь всякыми красотами, добрѣ церкъвь украсилъ и иконы на золотѣ добрымь писаниемь устроилъ, яко же подобаеть церкъви на красоту.

Ни Ване не доводилось прежде бывать на церковной службе, ни Васе, но обоим представлялась она чем-то темным, давящим, тревожным, где грустные лица у всех и покорно опущенные головы. Здесь же оказалось все не так. И радостно-праздничный свет свечей и лампад, и добрые лики святых на фресках, и лица у всех осветленные, и покойные напевные голоса, и общий хор такой теплый, такой искренний, что все тревожившее ребят, пугавшее неизвестностью вдруг освободило их. Впервые на древнерусской земле им стало покойно, и подумалось вдруг, что все будет ладно, все будет хорошо. Не заметили ребята, как служба прошла, как произнесено было последнее «аминь».

Выступил вперед игумен Арсений. Каждое его слово старались понять ребята, не все разобрали, но в главное вникли.

— Многу печаль в сердьци своемь вижю васъ ради, чада,— говорил игумен Арсений.— Не тако скорбить мати, видящи чада своя боляща, яко же язъ, грѣшьныи отець вашь, видя вы боляща безаконьными дѣлы. Молю васъ, братье и сынове, премѣните ся на лучьшее, обновите ся добрымь обновлениемь. Страшьно есть, чада, въпасти въ гнѣвъ Божий. Какие казни отъ Бога не восприяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша гради наши? Не вскорѣ ли падоша отьци и братья наша трупиемь на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша въ плѣнъ? Не порабощени ли быхомъ оставшеи горкою си работою отъ иноплеменникъ? Се уже колико лѣтъ продолжаеть ся томление, и мука, и голоди, морове животъ нашихъ, и въ сласть хлѣба

своего изъѣсти не можемъ, и въздыхание наше и печаль сушатъ кости наша. Кто же ны до сего доведе? Наше безаконье, наши грѣси, наше непослушанье, наше непокаянье. Доколе не отступимъ отъ грѣхъ нашихъ? Пощадимъ себе и чадъ своихъ. Азъ бо, грѣшныи вашь пастухъ, повеленое Господомь творю, слово его вамъ предаю. Убоите ся, въстрепещите отъ зла, сътворите добро!

Послышались возгласы:

— Господи, вижь смѣрение наше, отпусти вся грѣхы наша, възврати ярость свою отъ насъ!

Горькие слова проповеди отца Арсения заставили задуматься Ваню с Васей. Ведь им отныне здесь жить, видеть, как терзают Русь иноплеменники — татары, шведы и немцы, а быть может, и погибнуть под их мечом.

Монахи в смиренном поклоне подходили к игумену под благословение. Он возлагал им на головы свои руки и отпускал с благодатными словами молитвы.

Ваня заметил вдруг, что Онфим, прислонясь к стене, тонким металлическим стерженьком старательно выцарапывает на голубом поле фрески какие-то буквы. Делал он это украдкой, постоянно оглядываясь. Присмотревшись, Ваня сложил написанные буквы в слова, получилось странное заклинание: «Господи, помози рабу твоему Онфиму!»

— Ты зачем стены портишь?! — Ваня возмущенно дернул Онфима за рукав и даже забыл подумать, что Онфим по-русски не понимает.

В ответ Онфим покачал белобрысой головой и протянул стерженек Ване:

— И ты тако напиши!

Ваня, сам не зная почему, послушно взял стерженек, мягко, как карандаш, легший в его ладонь, и тоже склонился над фреской.

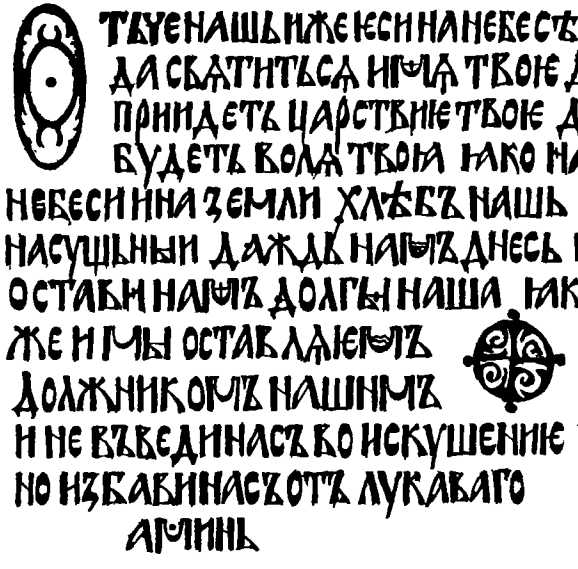
Нижнее, свободное от росписей лазурное поле фрески оказалось почти сплошь исчерчено надписями. Здесь на разные голоса жалобно взывали к Богу чужие беды, горести, страхи:

...«Семенъ писалъ въ бѣдѣ»... «Охъ душе грѣшьнои»... «О пресвятая Богородица, избави мя отъ бѣды»... «Охъ, охъ, тъшьно, владыко, нѣту поряда»...

«А что, если это поможет спастись?» — с надеждой подумалось Ване, и, минуту помедлив, он процарапал на еще не исписанном голубом пятачке: «Господи, помози...» Больше слов сюда не уместилось, но и этой коротенькой молитвой Ваня немного укрепился, отпустил давивший сердце неутолимый страх.

После службы отец Сергий повел своих подопечных через монастырский двор в низенькое бревенчатое здание, в просторной горнице которого стояли лавки. Мальчики быстро заняли свои места. Новеньких усадили на последнюю, стоявшую у стены скамью, здесь же примостился опекавший их Онфим, привычно разложив на коленях кусочки бересты.

Урок начался с молитвы. Стоя, мальчики хором повторяли за отцом Сергием знакомые Ваньке по бабушкиным чтениям слова молитвы Господней:

Ваня и Вася шевелили губами, делали вид, что повторяют молитвенные слова, но губы боялись непонятных слов. Это не ускользнуло от внимательного взгляда отца Сергия, который, решив, что погорельцы еще не оправились от пережитого горя, не поставил им этого в укор.

После молитвы начался урок истории, как поняли мальчишки, прислушавшись к размеренному чтению толстой в обтянутых кожей досках книги:

— Володимеръ же князь сѣдяше въ Кыевѣ и служьбы дѣяше идоломъ Перуну, Хорсу, Дажебогу, Мокоши. В лѣто 6496 иде Володимеръ съ вои на Корсунь градъ гречьскыи. И затвориша ся корсуняне во градѣ. Людье изнемогоша водною жажею и предаша ся. Вьниде Володимеръ въ градъ и дружина его. И посла Володимеръ къ царю гречьску и рече: «Сеи градъ славьныи възяхъ, даи же сестру твою за мя, аще ли не даси, сътворю граду вашему, яко же и сему сътворихъ». Царь же гречьскъ глагола: «Не достоитъ хрестияномъ за поганыя даяти. Аще ся крестиши, то и се получиши, и царство небесьное приимеши, и съ нами единовѣрьникъ будеши». Рече же Володимеръ: «Прииди съ сестрою и крести мя». Сестра же не хотяше ити: «Яко въ полонъ, рече, иду, луче бы ми сьде умьрети». И едва принудиша царицю ту. Она же сѣдъши в кубару, целовавъши ужикы своя с плачемь, приде чрезъ море. И приде она къ Корсуню, и изидоша корсуняне съ поклономь, и въведоша царицю въ градъ, и посадиша въ полатѣ. В се время разболѣ ся Володимеръ очима и не видяше ничтоже. И рече къ нему царица: «Аще хощеши избыти болѣзни сия, то въскорѣ крести ся». И Володимеръ повелѣ крестити ся. И егда крести ся, ту и прозрѣ. И приде Кыеву, повелѣ идолы огневи предати. По семь же посла по всему граду, глаголя: «Аще не обрящетъ кто заутра на рѣцѣ богатъ ли, убогъ или нищь ли работьникъ, противенъ мнѣ да будетъ». Наутрия же сниде ся безъ числа людии крестити ся на Днѣпръ. Вълѣзоша въ воду и стояху инии до шеи, а друзии до персии,

друзии же младенци держаша, попове же молитвы твориша. И нача Володимеръ ставити по градомъ церкви и люди приводити на крещенье, и нача поимати у нарочитыя чади дѣти и даяти на ученье книжьное».

Отец Сергий замолк и, поглаживая белую бороду, добро глянул на притихших мальчиков. С минуту в горнице стояла удивительная тишина. Потом Онфим нерешительно спросил:

— Отче, а кто повесть сию написалъ есть?

— Чернець написалъ книгы сия, именемь Несторъ,— неспешно ответил отец Сергий.— И книгы сия именуютъ ся: «Повесть временьныхъ лѣтъ».

Он закрыл книгу и бережно положил ее в небольшой сундучок, стоявший позади него у стены. Начался опрос, и, пока отец Сергий укорял за незнание вихрастого мальчишку: «Лѣность всему мати, еже отрокъ умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, тому не учить ся», Ванька наклонился к задумавшемуся Васе:

— Ты все понял, что он читал?

— Не-е,— помотал головой Васька.— Идолам каким-то князь Владимир поклонялся, а потом их огню предал. А что за идолы и к чему им кланяться?

— Это славянские языческие боги,— зашептал Ваня.— Перун — бог-громовержец, Даждьбог — бог солнца, Мокошь — богиня земли. Мне мама про них читала,— Ваня судорожно вздохнул, но объяснения продолжил: — А после принятия христианства, после крещения, этих старых богов Владимир приказал сжечь.

— Слушай, Вань,— обрадовался подсказке Вася,— а чего это греческий царь отдал Владимиру свою сестру в плен?

— Да не в плен,— охотно отвечал ему Ваня,— а в жены. «Даи за мя сестру». Это и у нас в русском языке сохранилось: отдать невесту замуж, за мужа, значит, а если жених невесту просит, то он говорит: «Отдайте за меня невесту». Понял?

Вася кивнул.

Увлеченные беседой, они не замечали, как Онфим удивленно слушает непонятный ему разговор, и, идя вслед за Ваней и Васей во двор после урока, Онфим все качал головой, дивясь услышанным словам.

Выйдя на луг, они расположились в тени невысокой надвратной церковки.

— А отець Сергий есть учитель вашь? — медленно, боясь, что натворит ошибок, выговаривал Васька.

— Отець Сергий есть чернець, наставляеть насъ ученью книжьному, сказаеть намъ, откуда есть пошьла русьская земля, и како русьская земля стала есть, и кто первее нача на Руси княжити,— принялся разъяснять Онфим.

На крыльцо вышел отец Сергий и махнул рукой ученикам: пора! Ребята поднялись с травы и охотно побежали в свой «класс».

— Нынѣ,— отец Сергий поднял вверх указательный палец,— реку вамъ, чадьци мои, како книжьная словеса отъ некнижьныих различают ся. Книжьная словеса суть — глава, страна, власть, градъ, храмъ, а по-русьску нарекуться — голова, сторона, волость, городъ, хоромъ. Розумѣете ли? — остро взглянул он на своих малолетних слушателей. Те дружно кивнули.

— По-книжьному мы речемъ: «Князь Ондрѣи **прия** власть въ градѣ семь», а по-русьску: «Князь Ондрѣи **приялъ есть** волость во городѣ семь». По-книжьну сказаютъ: «Отьци и дѣди наши **взяша** въ плѣнъ плъкы половецькыя», а по-русьску: «Отьци и дѣди наши **взяли суть** въ полонъ полкы половецькыя».

«Так вот что означают так удивившие его в повестях отца Сергия, странно звучавшие слова,— думалось Ваське.— «Поплѣниша», «прия», «постави», «съкрушиша». Так, оказывается, о прошедшем времени в книгах говорится. В жизни русичи говорят: «пришелъ», «приишли», а в книгах пишут совсем подругому: «Приде», «придоша». Как бы это получше запомнить...»

— Василько,— услышал Васька шепот Онфима,— держи!

Он протянул Васе клочок бересты, на котором была выцарапана подсказка. Васька стал разбирать два ряда слов, а разобрав, подписал к ним еще один ряд — то, как переводились эти слова на его русский язык:

— книжное —	— древнерусское —	— русское —
азъ поставихъ	поставилъ есмъ	я поставил
ты постави	поставилъ еси	ты поставил
онъ постави	поставилъ есть	он поставил
мы поставихомъ	поставили есмъ	мы поставили
вы постависте	поставили есте	вы поставили
они поставиша	поставили суть	они поставили

С такой подсказкой в кармане Ваське зажилось веселее. Он вновь прислушался к словам учителя, который, хитро прищурившись, задал вопрос Онфиму:

— Глаголи, сыне мои, како руська словеса: полонъ, воронъ, воробьи, корова, шеломъ, молоко — напишеши въ книзѣ.

Онфим вскочил и бойко выпалил:

— Та словеса прѣмѣнена будуть яко: плѣнъ, вранъ, врабии, крава, шлѣмъ, млѣко.

— Добро,— вымолвил отец Сергий.— А ты, сыну,— обратился он к впитывавшему каждое слово Ваньке,— рьци ми, како словеса книжьная по-русьску прѣмѣнена будуть: врагъ, брань, срамъ, злато?

Ванька вздрогнул и, напрягшись как струна, выговорил: ворогъ, боронь, соромъ, золото.

При каждом Ванькином слове Вася обмирал и, как только Ваня закончил говорить, облегченно вздохнул. Вдруг отец Сергий, ласково погладив Ваню по голове, повернулся к нему:

— А ты рьци ми, чадо, како будеть книжьными словесы: «Ходили суть князи наши воевати городъ Царьградъ».

— «Ходиша,— вспоминая шпаргалку-подсказку Онфима, неуверенно начал Васька,— князи наши

воевати градъ Царьградъ».— Поняв, что справился, он откинулся к стене и прикрыл глаза. Постепенно рассеивался страх выдать себя нечаянной оговоркой.

Отец Сергий согласно покивал головой, он медленно прохаживался между лавками. Ученики провожали его почтительными взглядами.

— А нынѣ,— продолжил урок монах,— реку вамъ, чадьци мои, книжьная словеса: дощи, свѣща, одежда, нощь, виждь, даждь. Помьните ли, како та книжьная словеса по-русьску нарекуться? — И он погладил по голове рослого увальня Тимошку, сидевшего на передней лавке.

Тимошка растерянно заморгал и забубнил, подбадриваемый доброй улыбкой отца Сергия:

— По-русьску словеса прѣмѣнена будуть: дочи, свѣча, одежа, ночь, вижь, дажь.

— А ты,— потряс отец Сергий за плечо соседа Тимошки — Степку, осоловело уронившего голову на грудь, видно, разморило его долгое сидение в учебной горнице,— рьци, отроче, како напишеши въ книгахъ русьска словеса: язъ, ягня, осень, озеро.

Степка испуганно встряхнулся, с минуту таращился на учителя, но ответил правильно:

— Напишю, отче, в книгах тако: азъ, агнець, есень, езеро.

«Так, значит,— старательно раскладывал услышанное по полочкам в голове Васька.— В книгах некоторые слова пишутся иначе, чем произносятся. Говорят: одежа, вижю, ворогъ, золото, озеро, ягня, а пишут — по-книжному: одежда, вижду, врагъ, злато, езеро, агнецъ. Но зачем говорить так, а писать по-другому? Эх, Митю бы сюда, он бы все объяснил!»

Урок закончился, и мальчики за отцом Сергием гуськом потекли к знакомому уже Ване и Васе высокому крыльцу игуменовых палат, где довелось им вчера выдержать строгие расспросы отца Арсения. Здесь располагались поварня и трапезная.

Через открытую дверь ребята увидели в трапезной обедавших монахов. Мальчиков же повели в поварню, где на огромной печи кипели котлы с варевом, а на столе, накрытые чистым рядном, стояли уже готовые пышные караваи хлеба. Дети, помолившись перед едой, уселись с краю длинного дощатого стола, на котором дымилась одна широкая и глубокая миска с густыми щами. Онфим раздал каждому по ломтю душистого ржаного хлеба и по деревянной ложке. Хоть и проголодались ученики, а черпали щи из миски не торопясь, степенно, никто не норовил опередить соседа, как никто не следил ревностно, не большой ли кусок достался другому. Потом Онфим поставил на стол глиняную расписную кружку и, наливая в нее желтое топленое молоко из коричневой с блестящими боками кринки, попеременно протягивал каждому.

Сытная еда разморила ребят, хотелось спать. Но в дверях поварни уже стоял отец Феодосий.

— Сѣно посѣчено надобѣ сушити,— строго распорядился он.

Ребятишки сонно поплелись из поварни во двор и через Воскобойную башню, в ней монахи делали воск, вышли за монастырские ворота на луг, где под летним июльским солнцем млела скошенная трава. Деревянными грабельками подкидывали, теребили, тормошили, трясли мальчишки легкое подвяленное душистое сенцо. Куда и сонливость делась. Веселыми звоночками звенели их голоса. Не упускали случая подтолкнуть зазевавшегося товарища в копешку сена. Отец Феодосий ребят не одергивал. Работали они справно. Уже с десяток ладных копен стояли на лугу. А что до шуток, то какая без них работа, тягло, а не работа.

— Вась,— окликнул Ваня, когда вокруг никого не было,— надо бы нам Митю с Прохором отыскать, тогда не пропадем. А здесь я слово боюсь выговорить.

— Где их сейчас найдешь? — тоскливо отозвался Васька.— А отсюда уходить никак нельзя. Кругом

татары, шведы, помнишь, что Прохор рассказывал. Да и русичи слободские не лучше, поймают, опять в поруб посадят. А за язык ты не бойся. Вон как бойко на уроке отвечал. Скоро совсем освоимся...— и осекся Вася. Рядом стоял неслышно подошедший Онфим и сочувственно слушал чудные в его понимании Васькины слова. Онфим пришел помочь «чудиновским погорельцам» грести сено, заметил, что дело подвигается у них не так споро, как у других.

Стараясь отвлечь сироток от их печалей, Онфим стал рассказывать:

— Скоро имуть рожь жати, нынѣ будеть хлѣба много. А въ то лѣто бысть голодъ хлѣбьныи. Тои осени много зла створило ся. Побилъ морозъ обилье по волости, и рожь не роди ся. И бысть голодъ великъ, кадь рьжи купляли по 10 гривенъ, а овса по 3 гривьне, а рѣпѣ возъ по 2 гривьнѣ, яли люди сосновую кору, и листъ липовъ, и мохъ. О горѣ, по търгу трупие, по улицам трупие, по полю трупие, не могли пьси изъѣдати чловѣкъ. Туга, бѣда на всѣхъ. Отець мене дасть в монастырь, да бы не умрети ми голодомь.

Онфим замолчал. Былое лихо так и встало у него перед глазами, но, встряхнувшись, он грустно улыбнулся, махнув рукой:

— Поидѣмъ дому.— И, по-хозяйски оглядев аккуратно сложенные копны сена, поторопил ребят догонять уже двинувшихся с луга других мальчиков.

И вновь покойно зажурчала речь отца Сергия в горнице:

— Добро, чадьца мои, и зѣло полезьно розумѣти божественныхъ писании учение. А реку вамъ, чадьци и сынове, слово о Иисусѣ Христѣ, Сынѣ Божии. Иисусъ Христосъ приде на землю и учи люди истинѣ и благодати, цѣли недужьныя, слѣпыя, глухыя, расслабленыя. Слово истины изрече Иисусъ: възлюби Господа Бога своего всемь сьрдцьмь твоимь, и всею душею твоею, и всею крѣпостию тво-

ею, и всемь розумѣниемь твоимь, възлюби ближьняго твоего, яко самого себе.

Въ оно врѣмя присла за Иисусъмь Мария рече тако: умерлъ есть братъ мои Лазорь, приди, Господи, попечалуи ся съ мною. И приде Иисусъ въ домъ ея и увѣда, яко умерлъ есть Лазорь, и рече: въстани, Лазоре. И въста Лазорь, оживе, и сверши ся чюдо великое. И много народа увѣроваша, яко Иисусъ есть Сынъ Божии. И тако Иисусъ твори чудеса. Жрьци и старѣишины жидовьскыя исполниша ся зависти и искаху убити Иисуса. И упросиша Иуду Искариотьскаго, ученика Иисусова, да бы предалъ имъ Сына Божия, и даша ему тридесяте сребрьникъ за предание Иисуса. И преда Иуда Иисуса старѣишинамь жидовьскыимь.

И распяша жиды Иисуса Христа на крестѣ въкупѣ съ двѣма разбоиникома. Бысть тогда тьма по всеи земли отъ шестаго часа и до девятаго, и при девятомъ часѣ испусти духъ Иисусъ. И егда умре, бысть знамение великое на земли, удари громъ и мълния, и земля трепета. И положиша люди жидовьстии тѣло Христово въ гробъ и привалиша камень великъ дверьмъ гробу, да быша не украли тѣло ученици его. Мария же Магдалыни и Мария Иаковля видеста, кдѣ его полагаху. И утрѣ идяста къ гробу, и видеста двери гроба отворены, и гробницю пусту, и Ангелъ сѣдящь краю гроба. И рече Ангелъ: «Не ищѣте рекомаго Иисуса. Иисусъ въскресе изъ мертвыихъ».

И яви ся Иисусъ ученикомъ въскресъ изъ мертвыхъ, и рече: «Заповѣди мои съблюдѣте и проповѣдуите ихъ народомъ, идѣте во вся языкы и научите вся страны, крестяще во имя Отца и Сына и Святаго Духа». И разидоша ся ученици его по вселенѣи и проповѣдаша учение Христово, учаще и крестяще люди.

И вѣрьнии Христу люди зовуть ся христиани. И мы зовемъ ся христиани. Иисусу Христу бо служимъ, а не Роду и рожаницамъ, и не Перуну жертвы творимъ. Перунъ бо и Дажебогъ и Мокошь суть

поганыхъ бози. А нашь Богъ есть Иисусъ Христосъ. Онъ вси наши грѣхы своею смертью искупи, за ны пострада, и намъ путь правьды показа.

Отец Сергий перевел дух и оглядел притихших учеников. Тимошка робко приподнялся со своей лавки:

— Отче, а кто суть погании?

Отец Сергий сдвинул брови:

— Погании суть иже во Иисуса Христа не вѣрують, а вѣрують въ идолы, въ огнь и въ воду. А мы тѣхъ зовемъ окаянии безбожьници погании.

Он открыл сундучок, извлек из него плотные кусочки бересты и раздал ученикам. Ваня и Вася недоуменно рассматривали квадратик, на котором ровными рядами без пробелов между словами выстроились буквы.

Вася заглянул в берестяной квадратик Онфима:

«Отче нашь, иже еси на небесѣхъ...»,— разобрал он начало молитвы Господней, с которой начался их сегодняшний день. Но Онфим, начавший было переписывать молитву в свою бересту, остановился на полуслове и, лукаво поглядев на ребят, вытягивавших шеи, чтобы увидеть его писание, принялся рисовать. На бересте появилось диковинное чудище с закрученным, как у собаки, хвостом, с разинутой пастью, из которой высовывался похожий на еловую ветку язык. Чтобы у Вани и Васи не оставалось сомнений в достоверности нарисованного, Онфим сбоку приписал: «Я звѣре».

Ваня на это пожал плечами, Вася хихикнул, а Онфим взял с лавки новый берестяной лоскуток и продолжил свои упражнения в рисовании. Теперь на бересте явился лихой всадник на неукложей лошади и с длинным копьем в руке. Он на полном скаку пронзал опрокинутого навзничь врага, который в отчаяньи взмахивал руками.

Онфим торопился закончить рисунок, и потому на руках у всадника и его поверженного врага недоставало пальцев, а ноги росли у них прямо из головы. Отважный всадник на лошади был, конечно,

сам Онфим, что и подтверждалось красовавшейся рядом с рисунком надписью: «ОпѲиме».

Услышав сердитое покашливание учителя, мальчики вспомнили о задании. На лавке лежало еще несколько чистых берестяных кусочков. Васька потянул один из них, отдал Ваньке, взял кусочек себе и, сжав в руках на манер карандаша тонкую костяную палочку, принялся разбирать слова в доставшейся ему бересте: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвъ ради Прѣчистыя Твоея Матере и всѣхъ святыхъ помилуи насъ. Аминь».

Васька весь вспотел, пока вычерчивал угловатые буковки молитвы, однако заметил при этом, как внимательно следит за его рукой отец Сергий.

Череда уроков длилась до вечера. Отец Сергий неторопливо вел свою спокойную речь:

— Добро есть, чадьца, почитанье книжьное. Что глаголють книгы. Красота воину оружье и кораблю вѣтрила, тако и правьднику почитание книжьное.

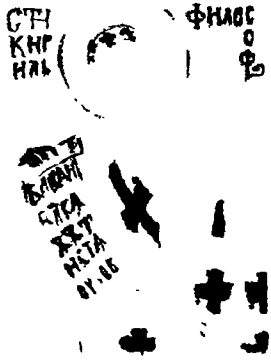
Аще ли въпросите о словеньскыя букваря: кто письмена сътворилъ есть? Кто книгы переложилъ? Реку вамъ: святыи Константинъ Философъ, нарицаемый Кирилъ, та письмена сътвори и Мефодии, братъ его.

Аще въпросите: въ кое врѣмя? Реку вам: яко въ врѣмена Михаила, царя гречьска, и Бориса, князя болгарска, и Растица, князя моравьска...

Учитель говорил, а Вася, глядя в небольшое сводчатое окошко горницы, думал. Древнерусские слова легко ложились на память. Вставали перед глазами не виденные им никогда прежде, но все же откуда-то знакомые образы. Вот Кирилл Философ с братом своим Мефодием — образованные, ученые греки — едут в славянские земли, в княжества Великой Моравии. Они едут туда проповедовать христианство. Но греческий язык, на котором написано Евангелие, чужд славянам. Тогда Кирилл переводит с греческого на славянский язык Священное Писание и записывает свой перевод совершенно новыми — славянскими! — буквами. У каждой буквы свое имя. Это чтобы легче их запоминать. «Азъ» —

кто словеньска
писмена
сътворилъ есть

святыи
КОНСТАНТИНЪ ФИЛОСОФЪ
нарицаемыи КИРИЛЪ
те писмена сътвори
и МЕ-О-ОДИИ
братъ его

кто наоучилъ
православнѣи
вѣрѣ
рогъеьскую
землю

святыи
ВОЛОДИМѢРЪ КЪНАЗЬ
наоучи вѣрѣ
христьаньскои
люди
своя

имя буквы А, «букы» — имя буквы Б, «вѣди» — так зовут букву В. А когда учились читать славянские дети, и моравские, и болгарские, и русские тоже, то составляли из этих букв «склады»: «букы» «Азъ» — БА, «вѣди» «Азъ» — ВА...

Вася очнулся от своих мыслей, как от видения, встряхнул удивленно головой. Воображение унесло его так далеко, что усыпило осторожность. Он снова подобрался весь, напрягся, вслушался с вниманием в рассказ отца Сергия.

Вечером, когда закончилась церковная служба и мальчики плескались во дворе в большом деревянном корыте, куда подливал воду приглядывавший за ними монах Феодосий, отец Сергий подошел к беглецам и тихо позвал их с собой. Ваня и Вася, испуганно переглянувшись, двинулись за монахом.

Отец Сергий привел их в чистенькую узенькую келейку в одно окно, к которому была придвинута скамья, рядом на подставке стояли глиняные баночки с черной, красной, золотистой, голубой красками, лежали тонко заостренные палочки для письма. На скамье небольшой стопкой были сложены широкие и плотные, как картон, листы. Листы были желтоватые, как пенка на молоке, не всегда ровные по краям, с редкими мелкими дырочками. Ваня пощупал лист рукой. Вот это да! Он-то думал, что это бумага, а тонкие твердые листы оказались из кожи!

— Я в «Детской энциклопедии» читал, что такие листы называли пергамент,— зашептал Вася,— их выделывали из телячьей кожи. А дырочки эти не от того, что плохо делали, шкур без дырок не бывает.

— А как на них книжки печатают?

— Ты что, забыл в каком мы веке? Книги печатные еще не скоро появятся, они здесь рукописные. Смотри,— Вася показал глазами на отца Сергия, задумчиво перебиравшего исписанные рядами черных букв листы. Верхняя, начальная страница была украшена затейливым узором, а самая

первая, заглавная буква «В» свивалась из красных с золотом колец гибкого драконьего хвоста, сам же дракон с доброй улыбающейся мордой восседал рядом.

— И отец Сергий от руки книги пишет,— продолжил Вася.— С двух сторон листы испишет, потом сложит их в тетрадки, тетрадки сошьет в книгу, приделает к ней переплет — деревянные доски, обтянутые кожей, и готово,— дошептал Вася все, что хранила его память из прочитанного когда-то в энциклопедии.

— А помнишь в церкви книгу в металлической оправе с цветными камушками? Онфим сказал тогда, что это Евангелие в серебряном окладе с «камениемь и жемьцюгомь». И в музее мы видели, помнишь? Красотища какая!

Отец Сергий по-прежнему тихонько стоял у окошка, перебирал исписанные листы и, казалось, поглощенный этим, не слышал шепота ребят, но это было не так, отец Сергий напряженно прислушивался к разговору погорельцев. Кто эти дети, те ли, за кого себя выдают? Что-то не припоминал отец Сергий в Чудиновской слободе Ивана-кузнеца. Говорят с трудом, не очень связно. И, кажется, понимают не все, что им говорят, не отошли горемыки от потрясения? Но друг друга-то они понимают отлично, говорят между собой бойко и свободно, но говорят по-чудному, вроде и по-русски, и не по-русски, на очень странном языке. Уж не лазутчики ли? Господи! Прости мою душу грешную! Сколько врагов кругом! Проклятые татары, шведские рыцари... Уже и дети подозрительными кажутся. На самом ли деле Ванятка с Васяткой? А может, подосланы разведать, как укреплен монастырь, чем будем защищаться? Надо еще попытать их расспросами, горько заключил свои мысли отец Сергий и, оглянувшись, подозвал к себе ребят.

— Знаета ли, чадьца, како книгы пишуть въ монастыри?

— Не,— мотнул головой Ваня. Он предпочитал высказываться покороче.

— Чернець Несторъ написалъ есть «Повесть временьныхъ лѣтъ»,— продолжал отец Сергий, внимательно наблюдая за мальчиками,— повѣдал намъ, откуду есть пошла русская земля. Азъ же, многогрѣшьныи рабъ Божии, написаю, како Новъгородъ живеть и чимь богатить ся, и какы напасти приемлеть, и како народъ князя ставить, и како изгонити его велить. И тако же написаю, како ворози землю русьскую погубляють и въ полонъ крестиянъ беруть.

Отец Сергий снова метнул настороженный взгляд на зачарованно слушавших мальчишек и открыл недописанную страницу. Вытянув шеи, ребята следили, как неторопливо скользит его рука по строкам:

— «В лѣто 6746 придоша народи незнаеми, проклятии татарове на землю русьскую. И много людии поплѣниша. И князь русьскыхъ убиша. И кто суть и отколе приидоша, того не свѣдаю. А вписахъ сде памяти ради князь русьскыихъ и бѣды иже створиша татарове Руси. И бысть плачь и туга в Руси».— Отец Сергий прикрыл страницу ладонью и продолжал говорить, горестно глядя на иконы:

— «Наведе на ны Богъ народъ немилостивъ, языкъ лютъ, языкъ не щадящь красы уны, немощ старець, младости дѣтии. Разрушени божественьныя церкви, осквернени быша съсуди священии и честьные кресты и святыя книгы, потоптана быша святая мѣста. Кровь и отець и братья нашея, аки вода многа, землю напои, князии нашихъ, воеводъ крѣпость ищезе, храбрии наша страха наполниша ся, бѣжаша, гради мнози опустѣли суть, сѣла наша лядиною поростоша, и вѣличьство наше смѣри ся, красота наша погыбе, земля наша иноплеменникомъ въ достояние бысть!»

Монах горько вздохнул и сурово продолжил:

— «Нъ Богъ великыи въложить ужасъ великъ в

татаръ проклятыихъ, и страхъ нападетъ на нихъ и трепетъ отъ лица русьскыхъ вои».

— Триста лет еще игу татарскому быть,— прошептал Ваня, жалея отца Сергия, пребывающего в неведении, жалея себя с Васей, затерявшихся в гибельном времени.

Чужой выговор слов укрепил отца Сергия в тревожных подозрениях. Он отпустил погрустневших мальчиков, те, так и не поняв, зачем их звал в свою келью отец Сергий, присоединились к мальчишкам, укладывавшимся спать.

Ночью Васе приснилось, что стоит он перед отцом Сергием и тот Ваську строжайше допрашивает:

— А глаголи, чадо, како по-русьску наречеть ся : власы, древо, езеро, елень, есень, елена.

Он, Васька, топчется на месте и бубнит:

— По-русьску се наречеться: волосы, дерево, озеро, олень, осень, олена.

— А по-вашему како? — хитро подмигивает ему отец Сергий.

— И по-нашему так,— растерянно отвечает Васька. Осознав, что разоблачен, кричит: — Домой меня пустите, домой хочу!

От собственного крика проснулся Вася в холодном поту. Показалось ему в тусклом свете чуть забрезжившего утра, что мелькнула ряса в приоткрытых дверях кельи. Неужели следят? Вася подбежал к соседней лавке, растолкал приятеля, рассказал ему и свой сон, и крик, и про приоткрытые двери кельи, которые уже были плотно закрыты, и про мелькнувшую в дверях рясу.

— Надо бежать,— немедля заявил Ваня,— им ничего не стоит гонца в слободу послать, про нас узнать. Что мы им тогда скажем? Чего доброго еще за шпионов примут.

Решили дождаться удобного случая, чтобы вернуться подземным ходом на заветную лужайку и там, в зарослях зверобоя, в малине, отсидеться и дождаться возвращения студентов.

БЕГСТВО ИЗ МОНАСТЫРЯ

После утренней службы отец Сергий оставил учеников в опустевшей церкви и стал рассказывать об иконостасе. Много в его объяснениях было еще непонятного для Вани с Васей, и это не ускользнуло от отца Сергия, но и другое отметил он — похвальное внимание мальчиков. Ваня, так тот весь урок простоял с открытым ртом. И опять засомневался монах в укрепившейся было догадке, уж слишком простодушны были эти ребята для вражьих лазутчиков. А Ваня и Вася по-настоящему искренне были поглощены уроком.

Оказалось, что иконостас — это не просто собрание икон, а выстраиваются они здесь по чину, в определенном порядке. В центре нижнего ряда — царские врата с изображением Благовещения, момента, когда Пресвятая Дева Мария получила от Ангела Благую весть о рождении у нее сына Иисуса Христа. Справа от царских врат располагалась храмовая икона — лик святого — покровителя храма, в честь которого строилась церковь. Это была икона Святого Георгия, поражающего копьем огнедышащего змея. Змей щерил страшную пасть, а Георгий в воинском одеянии вонзал в его чешуйчатое тело острую пику.

В следующем ряду прямо над царскими вратами большая икона называлась «Спасъ на престолѣ». Иисус Христос сидел на троне с книгой в руке, на страницах книги начертаны слова заповедей Божьих, завещанных Господом миру: «Не судите, да не судими будете, в ню же мѣру мѣрите, възмѣрить ся вамъ».

По левую руку от «Спаса на престолѣ» стояла, скорбно опустив голову, Пресвятая Богородица. Лицо ее было печально и ласково. Она в молебном поклоне протягивала руки к Богу. По правую сторону от «Спаса» низко склонялся пред Богом Иоанн

РАСПОЛОЖЕНИЕ ИКОН В ИКОНОСТАСЕ

Праздничный чин

Иконы двунадесятых праздников

Деисусный чин

В центре:
«Спас на Престоле»

Справа:
св. Иоанн Креститель
Архангел Михаил
Апостол Петр

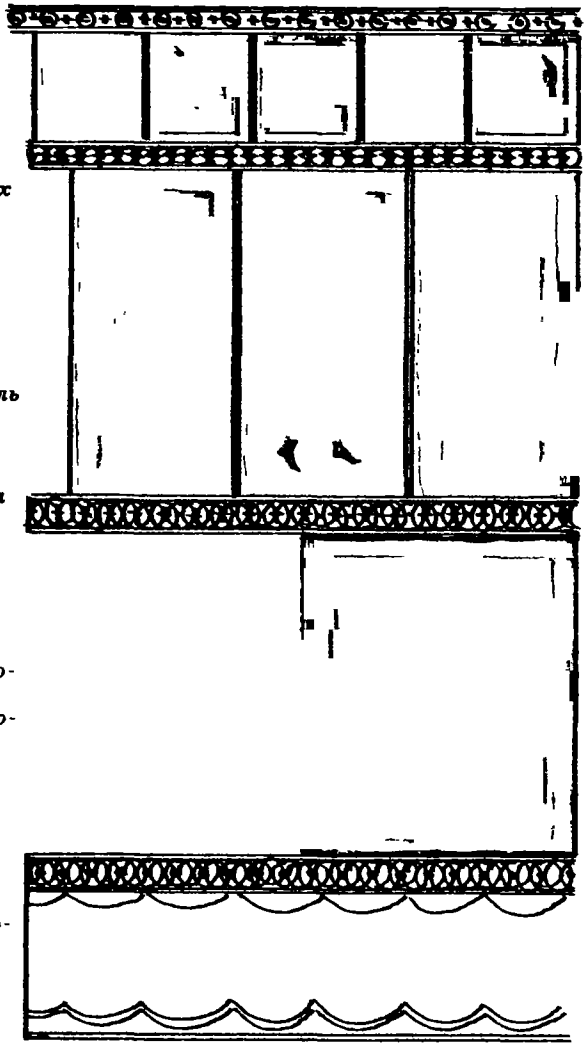
Слева:
Пресвятая Богородица
Архангел Гавриил
Апостол Павел

Местный чин

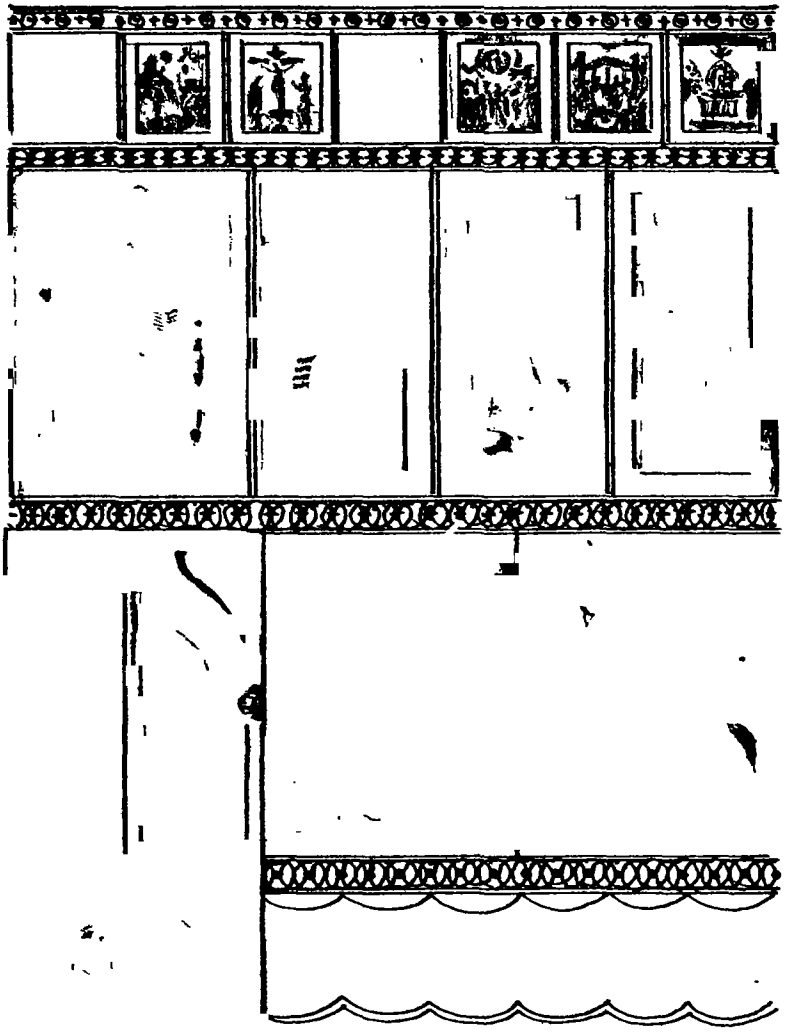
В центре:
Царские врата с изображением Благовещения Пресвятой Богородицы и четырех евангелистов

Справа:
икона Спасителя
Храмовая, местная икона

Слева:
икона Пресвятой Богородицы.

Предтеча, возвестивший народам о пришествии Христа, высокий, кудлатый человек с суровым и мрачным лицом. Рядом с ними, осененные легкими крылами, стояли архангелы — главные Ангелы Божьи, Добрые Духи, созданные Богом. Слева в красных одеждах Архангел Михаил — небесный военачальник-архистратиг. Справа в золотистом одеянии архангел Гавриил, Божий посланник, принес-

ший Благую весть Марии. Дальше, за архангелами, любимые ученики Иисуса Христа — апостолы Петр и Павел — низко склоняли головы.

Голос отца Сергия в пустынной церкви возлетал высоко под купол, и вслед за голосом тянулись ввысь мальчишечьи головы. Старались маленькие ученики разглядеть верхний, праздничный чин. То были иконы с изображением главных событий из жизни

Иисуса Христа и Богородицы. Их называют «двунадесятыми праздниками» и празднуют в церкви каждый год.

Праздников «два-на-десять», то есть двенадцать: Вход Господень в Иерусалим, Рождество Христово, Крещение Господне, Сретение Господне, Благовещение Пресвятой Богородицы, Преображение Господне, Рождество Пресвятой Богородицы, Успение Пресвятой Богородицы, Воздвижение Креста Господня, Введение во храм Пресвятой Богородицы, Вознесение Господне, День Святой Троицы.

Ваня был так увлечен рассказом отца Сергия, что не удержался от вопроса, как только монах закончил урок.

— А сде? — запинаясь произнес он, привстал на цыпочки и показал рукой на настенную фресковую роспись.

— Ти вси русьстии мужи и жены святии, заступници Руси,— охотно пояснил отец Сергий.— Князь Володимеръ, креститель Руси, святии мученици Борисъ и Глѣбъ, покровители дружины княжьея, Борисъ подобиемь русъ, волосы мало съ ушеи, борода не велика, на головѣ шапка, опушька соболья, ризы на нем княжьи, въ руцѣ крестъ, в другои — мечь въ ножнахъ. Глѣбъ подобием молодъ, лицемь бѣлъ, на головѣ шапка, опушька кунья, въ руцѣ крестъ. А позьри, чадо, се княгыни Ольга — святая русьская. Вижь: подобиемь стара, лицемь морщиновата и бѣла, на головѣ вѣнець царьскыи, платокъ, ризы на неи княжьи, в руцѣ свитокъ, а въ немь написано есть: «Попрахъ идолы и познахъ истиннаго Бога Иисуса Христа». Они за насъ и нынѣ моляться, дабы не быти намъ полоненымъ отъ проклятыихъ татар и немьцевъ.

После урока отец Сергий передал учеников под догляд отца Феодосия, который напоил ребят квасом, дал каждому по большому ломтю хлеба и оставил отдыхать в кружевной тени деревянного крыльца игуменовых палат.

Мальчишки есть мальчишки, и что от того, что

они из монастырской школы. Уже через минуту устроили кучу малу, да выглянувший с крыльца монах Феодосий строго прикрикнул, и усмиренная ватага прибилась под дальние крепостные стены.

Ваня и Вася, чуждавшиеся пока общей компании, побрели следом. На вытоптанной, покрытой серым песком площадке возле деревянной стены они увидели рассыпанные зачем-то крупные кости, похожие на коровьи надкопытные суставы. Такие кости, вспомнил Вася, бабушка вынимала из только что сваренного холодца и приговаривала с сожаленьем: «Вот бы сейчас в бабки да поиграть!» Бабками бабушка называла кости. А Вася тихонько посмеивался тогда — бабка в бабки хочет играть! И здесь, выходит, ладилась игра в бабки! Такой же костью-битой, только увесистой, залитой для пущей тяжести оловом, каждый игрок должен был сбить — повалить набок или перевернуть — как можно больше бабок.

Мальчишки стали кружком, до Вани и Васи донеслись слова считалки:

Перепелъка паре въ дуброве,
Постави кашу,
Постави пироге,
Ту иди.

Ну, и считалка,— не понравился Васе стишок.— Ни складу, ни ладу! На нашу «сороку-белобоку» похожа, но «сорока» лучше.

— Какая сорока? — рассеянно переспросил Ваня, все думавший, как улучить время для побега, и карауливший глазами ту укромную нишу в крепостной стене, где была спасительная дверца.

— А вот какая:

Сорока-белобока
Кашу варила,
На порог скакала,
Гостей созывала, —

беспечно выговорил Вася свою считалку: — Похожа! Да?

Но Ваня вновь не услышал его слов. Он во все глаза смотрел, как какой-то сурового вида монах навешивает на заветную дверцу подземного хода прочный кованый замок. Путь к бегству был отрезан!

Онфим скоро оставил игру. Обиженный чем-то, он, сердито надувшись, уселся на травке рядом с «чудиновскими погорельцами». Здесь бы обиде и конец был, да озорная ватага не упустила случая подурачиться вволю, побросав ради такого дела и бабки, и биты.

Долговязый, на голову выше остальных, Чурила под дружный гомон мальчишек приблизился к Онфиму и с нарочитой торжественностью вручил ему нацарапанное на бересте послание.

Берестяное письмо Онфим взял, строчку из кое-как расставленных букв прочел. Нос его, веснушчатый и курносый, покраснел от гнева, из глаз брызнули слезы обиды. Он сжал в руке письмо так, что оно разломилось пополам, отбросил легкие обломки и... кинулся на Чурилу — на косолапого великана Чурилу! — с кулаками.

Вася удивленно взглянул на порхнувшую, словно перышко, и упавшую рядом с ним бересту. Вот оно что! Дразниться вздумали! Мальчишки в XIII веке, оказывается, тоже дразнились: «Невежя писа, недума каза, а хто се чита...», здесь береста обломилась, но Вася догадался, что было написано в конце. Он сразу вспомнил, как школьные шутники подбрасывали ему в классе дразнилку, каждый день не ленились новую настрочить: «Кто писал, не знаю, а я, дурак, читаю!» Давнишняя школьная обида подняла Васю в бой. Он птицей налетел на Чурилу, уже небрежно уронившего маленького Онфима на землю.

Вмиг, к всеобщему изумлению, признанный силач Чурила оказался ловко повергнутым Васей, не отличавшимся с виду особой крепостью. Чурила обиженно засопел и ухватил своей лапищей Васю за левое плечо. Вася тут же перехватил его руку, рванул ее на себя и, подставив колено, бросил через

него Чурилу на землю. Обиженно шмыгая носом, Чурила выставил вперед свои ручищи и медленно, по-медвежьи переваливаясь, двинулся на Васю. Мальчишки потеснились, давая Васе место для отступления, но Вася не пошел на попятный, наоборот, пригнувшись, метнулся он вперед к Чуриле, сгреб в кулаки его рубаху на плечах и стал падать назад, увлекая за собой противника. И уже у самой земли, когда всем казалось, что Чурила сейчас всей тяжестью падет на Васю и подомнет его под себя, Вася выставил ногу и ловко бросил Чурилу в сторону. Перекувыркнувшись через голову, он уже сидел верхом на побежденном Чуриле. Дружным восхищенным криком мальчишки приветствовали победителя. Благодарно сжал руку Васе счастливый Онфим.

Отец Сергий, вышедший на крыльцо игуменовых палат, видел мальчишечью схватку и сразу заметил поразительную ловкость Васьки, его натренированность и сноровку в борьбе. «Нѣсть чудиновьская се чада»,— уверился в своем подозрении отец Сергий и решил, что пришло время окончательного дознания.

Тем временем отец Феодосий нарядил мальчикам работу: кому дрова в поленницу складывать, кому воду с речки носить, троих ребят отправил ворошить и догребать вчерашнее сено. Ваньке с Васькой и Онфиму выпало перетащить стопку высушенных и гладко обструганных досок по узкой лесенке в надвратную церковку, где работал монах-иконописец.

Отец Антоний, маленького роста худой чернец, волосы его были забраны под круглую черную шапочку, расположился у окошка не законченной еще плотниками церкви. Он покрывал густым желтым клеем точно такую же липовую доску, какие втащили по крутым ступенькам лестницы мальчишки, но только на доску эту был наклеен холст — паволока.

— Добро,— не сразу обратился к ним отец Ан-

ПИСАНЫЕ
УСТЬНЫХЪ
ИКОНЪ

ВАПЫ

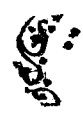

ЛАЗОУРЬ

КИНОВАРЬ

ЧАРЬ-МЕДАНКА

ЦИНА

КВАСЪ

тоний и показал, куда складывать доски. В три ходки мальчики принесли и сложили порученный им груз и присели на деревянном полу церковки среди заготовок — прямоугольных дощечек с полукруглым верхом и с «плечиками» по бокам, глиняных чашек с водой и груды каких-то камушков.

— Отрочата,— подозвал отец Антоний Ваню и Васю,— надобѣ вапы терти.

Ванька и Васька оглядели все иконописное хозяйство, стараясь угадать, что же такое им требовалось тереть. Доски, глиняные черепки, камушки и кувшинчики, тонкие хорьковые кисти... Что же может здесь называться «вапой»? Ванька подтолкнул Онфима, укладывавшего принесенные доски друг на друга:

— Что суть вапы?

— Вапы? — удивился Онфим Ваниной растерянности.— Вапами иконы пишуть.

Он принес ребятам по коричневому камушку и показал, как растирать, разминать их деревянным пестиком в глиняной чашке, «творити вапу». Работа была не из легких, пестик с трудом крошил гладкие края камушков, получался бурый порошок — охра.

— Добро,— похваливал ребят отец Антоний. Доска для будущей иконы в его руках была расчерчена пополам, и на каждой из половинок значились едва заметно начертанные слова: «Бориса ту написати», «Глѣба ту написати».

Иконописец перебирал глиняные чашки с уже готовыми красками.

— Лазури ли възяти? — приговаривал он, как бы испрашивая совета у мальчишек и опуская кисть в ярко-голубую краску.— Али киновари? — Он мазнул по доске кистью из другой чашки, получился алый след.— Ярь-медянъка нынѣ добра,— похвалил отец Антоний, размешивая ярко-зеленую краску.

Его помощники усердно растирали бурые камушки в ровный сыпучий порошок, а Онфим доливал в их глиняные чашки квасу из небольшого узкогорлого

кувшинчика и выкладывал в них ложкой крупные яичные желтки. Так готовилась «вапа»— краска, которой исполнялось «писанье честьныхъ иконъ».

— Отче,— подал голос Онфим,— а что имеши писати нынѣ?

— Два брата Борисъ и Глѣбъ,— ответствовал отец Антоний.— Вѣдаете ли, яко Борисъ и Глѣбъ быста сыны Володимѣра князя, крестивъшаго землю Русьскую. Володимѣръ же умре. И Святополкъ, сынъ старѣишии, сѣде въ Кыевѣ по отци своемь. Борисъ же плака ся по отци, и рече ему дружина Володимѣря: «Се дружина у тебе и вои. Поиди сяди Кыевѣ на столѣ отьця своего». Он же рече: «Не буди ми възяти рукы на брата своего старѣишаго». Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отаи призъва вышегородьскыѣ болярьцѣ и рече имъ: «Не повѣдуче никому же убиите брата моего Бориса». И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша копьи и прободоша Бориса и слугу его. И положиша тѣло его принесши отаи Вышегороду у церкве святаго Василья. Окаяньнии же си убиици придоша къ Святополку. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, Талець, Еловитъ, Ляшько, отець же ихъ сотона. Святополкъ же окаяньныи помысли въ собѣ: се убихъ Бориса, како бы убити Глѣба? И посла Святополкъ къ Глѣбу съ лестью, глаголя сице: «Поиди въборзѣ отець тебе зоветь, не сдравить бо вельми». Глѣбъ же въборзѣ всѣдъ на конь съ малою дружиною поиде, бѣ бо послушьливъ отцю. И посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: «Не ходи, отець ти умерлъ, а братъ ти убиенъ отъ Святополка». Се слышавъ, Глѣбъ възъпи, плача ся по отци и по братѣ: «Увы мнѣ, Господи! Луче бы ми умрети съ братомь, нежели жити на свѣтѣ семь». Се вънезапу придоша послании отъ Святополка на погубленье Глѣбу и повелѣша вборзѣ зарѣзати Глѣба. Поваръ же Глѣбовъ именем Торчинъ зареза Глѣба, акы агня непорочна. Борисъ же и Глѣбъ еста нынѣ святая мужа, даета цѣлебныя дары Русьстѣи земли: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящимъ цѣльбы, печальнымъ

утѣху. И еста заступника Русьстѣи земли молящася къ Богу о своихъ людехъ.

Рассказывая, отец Антоний легкими штрихами набросал на доске фигуры святых Бориса и Глеба. Святые явились на иконе в полный рост, держа в руках щиты. По краям отец Антоний расчертил икону на ровные квадраты, надписал их: «Ту Святополкъ убиваетъ Глѣба», «Ту Борисъ станомь стоить»— и объяснил, оборотясь к мальчикам: «Се икона съ житиемь».

Мальчики поняли так, что «икона съ житиемь» как книга с картинками, в ней будет выписана вся история жизни и подвигов святых Бориса и Глеба, та, что поведал им отец Антоний.

Выполнив порученную работу, Онфим побежал к отцу Феодосию сказать о сделанном и испросить, что делать дальше, а Ваня с Васей вскарабкались на высокую галерею под сводами церкви. Здесь было прохладно и сумрачно. Сладковато пахло смолой и свежей стружкой, которая тихо шуршала под ногами. Из окошка, прорубленного в галерее, Васька увидел, как в монастырские ворота въезжают пустые телеги, устланные сеном и серыми кусками рогожи. Рослый крестьянин, ведший под уздцы первую лошадь, завидев игумена Арсения, ступившего из палат на крыльцо, остановил обоз, с поклоном подошел под игуменово благословение, подал ему небольшой кусок бересты. Пока игумен читал послание, гонец смиренно ждал, игумен согласно кивнул, и весь обоз втянулся в монастырь к амбарам, откуда монахи стали выносить наполненные мешки и грузить их на телеги. Закончив носить мешки, выкатили из погреба-ледника несколько бочек с солониной и рыбой и тоже погрузили на телеги. Отец Феодосий долго возился с запором одного из высоких амбаров и, отперев его наконец, один за другим вытаскивал оттуда мечи, копья, кольчуги. Все это укладывали в сено, таили под серой рогожей.

— Гляди, обоз снаряжают,— первым догадался Ваня.— И оружие тут, и еда.

— Постой! — спохватился Васька.— Да ведь это та самая помощь, о которой говорилось в княжеской грамоте. Помнишь: «Пришли жита и меци и кольцюгы».

— Значит, повезет он все это,— Ваня показал пальцем на кряжистого краснолицего мужика,— к князю, к которому наши студенты собирались. Вот за кем надо бежать!

— Да как же мы за ним побежим? — удивился Вася, но досказать он не успел, позади скрипнула половица галереи, зашуршала стружка. Рядом с ними, счастливо улыбаясь, стоял Онфим:

— Отець мя зоветь дому, грамотъку прислалъ есть.

Он протянул ребятам коротенький листок бересты, на котором было выцарапано: «Поклонъ отъ Ивана къ отьцю Сергию. Пришли ми сынъ Онфимъ. Нѣсть бо кому сѣно косити».

Онфим был очень рад возвращению домой:

— Тамо и мати увижю, и сестру.

Сказав это, он (вот добрая душа!) жалостливо посмотрел на пригорюнившихся мальчишек, понимая, как больны им, погорельцам, мысли о родном доме, и добавил:

— Добро бы было и вамъ ѣхати, просилъ есмь отца Сергия, да не пущаеть, а васъ въ дворъ зоветь.

Онфим выглянул в окно, показал на стоявшего внизу отца Сергия, тихо беседовавшего с незнакомым ребятам священником.

— Отець Сергии сказаеть, яко пришелъ есть изъ Чудиновьскоѣ слободы попъ и хочеть васъ видѣти.

От такого известия Ваньку и Ваську прошибло холодным потом. Что делать? Беда! Хорошо, что Онфим, торопясь, уже сбегал с лестницы, выкрикнув на прощанье:

— Просите отца Сергия пущати васъ съ мною въ Новъгородъ.

Ничего не оставалось нашим ребятам, как бежать, и бежать немедленно. Вслед за обозом выйти к княжеской дружине, разыскать студентов, а с ними уже не страшно. Бежать! Но как? Ваня пока-

зал другу на пристроенные к церковке леса, это плотники довершали ажурное резное убранство деревянной маковки. Через окно Ваня первым выбрался на покатую крышу надвратной церковки с противоположной стороны от монастырского двора и, стараясь не смотреть вниз, покарабкался к ее краю. Вася неотступно следовал за ним. К краю крыши тоже крепились леса. Обдирая руки на плохо обструганных досках, беглецы спустились на землю за монастырской стеной. Спрятавшись в густом придорожном кустарнике, они стали ждать обоза.

Княжеский посланец очень спешил. Нагруженные хлебом, солониной и оружием телеги в сопровождении нескольких верховых уже через час были выведены за монастырские ворота. Впереди, все так же держа под уздцы лошадь, шел виденный уже ребятами крестьянин, а на последней телеге безмятежно полеживал Онфим.

Ваньке вдруг в голову пришла замечательная идея!

Он дернул за рукав Ваську и, когда телега скрылась за поворотом лесной дороги, выскочил из скрывавших их зарослей и бросился вдогон проехавшему обозу. Вслед за ним побежал недоумевающий Вася. Едва телеги замаячили впереди, Ваня радостно закричал:

— Онфимъко, пожьди насъ, Онфимъко. Отець Сергии пустилъ есть насъ въ Новъгородъ съ тобою.

Ребятишки взобрались на последнюю телегу, устроились на мешках с зерном. Обозный, к которому сбегал Онфим и рассказал о разрешении отца Сергия ехать Ваньке и Ваське с обозом, согласно закивал в ответ. Наконец-то ребята перевели дух.

Лошади исправно тянули воза, но обозный то и дело понукал их, беспокойно оглядываясь по сторонам. Что и говорить, тревожное было время, немало лихих людей бродило по дорогам в эту пору. Понаехало проклятых чужеземцев, да и свои баловали, бродники да ушкуйники — бродячие шайки, грабившие кого ни встретят.

— С подъводами не ходила еста? — спросил Онфим, заметив, как неловко сидит Васька на телеге, не зная, куда лучше приладить ноги.

— Не,— мотнул головой Ванька, который сидел верхом на мешке, того и гляди съедет вниз,— мы дома сидимъ.

— А отець мя береть,— приподнялся Онфимка на локте и кивнул на изукрашенную упряжью лошадку, тянувшую их телегу:— У отьца моего быстрии кони и велици. Отець мене наряжаеть кони паствити.

Какое-то время мальчики ехали молча. Онфим вспоминал, как хорошо ехать с отцом с сенокоса на подводах, доверху груженных сеном. Отец сажает Онфима на самый верх воза. Дух захватывает от высоты, и так сладко и душисто пахнет подвяленной травой...

Вася размышлял о том, что, видно, не придется им уже кататься на велосипедах и на машинах уже не поездить. Будут они с Ваней учиться ездить верхом, да вот так на телегах путешествовать. А дома не ведают, жив ли он, плачут, наверное...

Ваньке же думалось, что разыскать студентов будет, верно, нелегко. Кто знает, что с ними за это время приключилось...

В КНЯЖЕСКОМ СТАНЕ

Когда в темноте подземного хода исчез и Вася вслед за Ваней, Прохор облегченно вздохнул, хотя и давила сердце горечь разлуки, и бросился догонять Митю с Путятой, спешивших к лошадям. Митя оглянулся, Прохор кивнул ему, мол, все в порядке, и, чуть ускорив шаг, они оказались у лошадей вместе с Путятой. И тут сделали вид, что хватились

ребят, заоглядывались, закричали. Путята первым метнулся обратно на поляну, плачуще приговаривая:

— Пропадуть чада! Пропадуть!

И нашел бы, верно, Путята тайный ход, кабы Митя вовремя не отвлек его криком, показывая в сторону. В один миг вскарабкался Путята на одиноко стоящую сосну почти без сучьев у основания, далеко с нее было видно, да сколько ни высматривал с высоты Путята, ничего не увидел.

Он съехал по стволу вниз, как будто себя коря, проговорил:

— Жаль дѣтии.

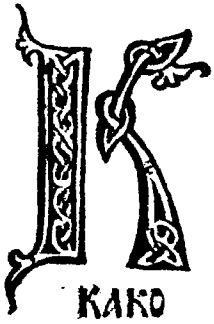
Показав рукой на садившееся солнце, виновато добавил:

— Ѣдемъ къ князю.

Путята так искренне и так болезненно переживал потерю мальчишек, что в какой-то момент Мите показалось, что он сейчас не выдержит и скажет Путяте всю правду. Прохор догадался об этом и сердито посмотрел на Митю, а, может, просто сердит был Прохор и на себя и на Митю за разыгранный перед Путятой спектакль, но как могли они иначе спасти ребят?

Путята спешил, он все время поторапливал лошадь, поддавая ей каблуками в бока, оглядываясь на Митю с Прохором, поторапливая их, и студентам не удавалось перекинуться и парой слов, а ведь им надо было договориться, что скажут они князю, но на скаку этого не обсудишь, да и подозрительным может показаться Путяте, начни они шептаться за его спиной.

Вдруг Путята насторожился. Остановил лошадь, слез с нее. Жестом приказал спешиться Мите с Прохором, передал им поводья своего коня, велел уходить с тропы в лес, а сам крадучись двинулся на разведку. У Мити и Прохора наконец появилась возможность перемолвиться. Договорились выдавать себя за дружинников галицкого князя Ярослава, мол, едут наниматься на службу к князю Алексан-

КАКО

КЪНАЗЬ

ДРОУЖИНА ПРИСЛОУГА

БОЯРЕ ГРИДИ ОТРОЦИ

ОРОУЖИЄ

ЛОУКЪ

СТРѢЛА

ТОУЛЪ

ТОПОРЪ

КОПИЄ

МЄЧЬ

КОЛЬЧЮГА

дру, дошла до них весть, что князь Александр собирается в большой поход.

— Как же мы от одного князя к другому переметнемся? Не подозрительно ли? — усомнился Митя.

— Нисколько,— успокоил его Прохор.— Обычное дело для Древней Руси, когда князь набирает в дружину умелых воинов, которым платит, дает им землю, а они сопровождают его в походах, воюют вместе с ним, однако людьми остаются свободными, вольными выбирать, у какого князя служить!

— А мы справимся? — продолжал сомневаться Митя.— Я ведь лука в руках не держал, хоть бы для начала попробовать.

— Тут пробами не обойдешься,— «успокоил» его Прохор.— Этому искусству древнерусский воин двадцать лет обучался, сызмала. Да и меч в руках держать тоже, наверное, непросто. Но ведь и нам же не завтра в бой. Нам сейчас главное — не вызвать подозрений в княжеском стане, согласен?

Эх, знать бы, состоялась уже Невская битва или нет! Посуди сам. В 1240 году, пользуясь ослаблением Руси от татар, на нее двинулись рыцари-крестоносцы. Немецкие и датские рыцари собирались нанести Руси удар с суши, из своих ливонских владений. Шведы же решили напасть с моря. Большой шведский флот двинулся к устью Невы. Пять тысяч человек войска было на шведских кораблях. Шведы были уверены в успехе. Они знали, что не придут на помощь Новгороду другие князья. Истерзана, обескровлена Русь татарами. Надеялись шведские рыцари и на неожиданность нападения.

— Но неожиданности не получилось,— заметил внимательно слушавший Прохора Митя.— Новгородская сторожевая застава, стоявшая в устье Невы, заметила шведские корабли.

— Да, неожиданности не получилось,— подтвердил Прохор,— старейшина Пелгуй послал гонца в Новгород с вестью о незваных гостях. Князь Александр Ярославич решил скорым маршем выйти

навстречу врагу со своей конной дружиной и теми пешими полками, которые были в городе, под рукой.

Русское войско застало шведов на привале. Вражеские корабли стояли при впадении Ижоры в Неву, перекинув на берег мостки. Рыцари ночевали в шатрах. Опершись на копья, дремала стража. Остальные воины спали на кораблях. Шведов было гораздо больше, чем русских. Но князь Александр Ярославич рассчитывал на внезапность нападения. В сомкнутом строю княжеская дружина выехала из леса и ударила в центр спящего шведского стана. Пешцы под командованием новгородца Миши бежали вдоль берега, рубили мостки, отталкивали суда. На берегу шла жестокая сеча.

— Сам князь Александр Ярославич сошелся в рыцарском поединке с Биргером, так? — уточнил Митя.— В житии Александра Невского сказано, что князь «возложи Бирьгеру печать на лице острыимь своимь копиемь».

— И летопись о том же свидетельствует. А победа тогда была полной,— закончил Прохор,— причем достигнута малой кровью: в сражении пало всего 20 ратников Александра Ярославича. Битва же произошла 15 июля 1240 года. А сегодня какое число? Как думаешь?

Ответить Митя не успел и высказать свои еще многие сомнения тоже. С тропы раздался тихий свист, вернулся Путята.

Теперь они ехали медленно, то и дело останавливались, прислушивались. Прохор вспомнил, как объяснял Путята мальчикам в порубе дорогу к князю: «Ити надобѣ лѣсомь до рѣкы, на деснои сторонѣ рѣкы князь станомь стоить, на шуеи сторонѣ рѣкы слобожане рыщють. Переправита ся на десну сторону да ступаита къ Вышатѣ-тысяцькому. Онъ васъ ко князю приведеть». И вправду ехали они левым берегом реки, а на другом, правом берегу вился дымок, слышалось конское ржание.

Искали место от чужого случайного глаза, чтобы

переправиться на другой берег. Река была широкая, многоводная, быстрая. Путята свою одежду благоразумно привязал к шее лошади, Митя и Прохор держали ее над головой, уже у самого берега сил им стало не хватать, и они, отчаянно сопротивляясь сильному течению, выпустили одежду из рук. Скорая вода тут же ухватила, закрутила, потащила вниз добычу — диковинные для русичей Прохоровы джинсы с майкой и с ними заодно Митину, ничем не подозрительную одежду. Мокрые и озябшие, под осуждающим взглядом Путяты, парни забрались на своих коней.

Под княжеский стан в лесу была вырублена большая поляна, огородили поляну частоколом, внутри раскинули шатры и полстницы. За частоколом под присмотром сторожей паслись расседланные кони. Здесь же, разведя костер, свежевали огромную лосиную тушу охотники. Сидели полукружьем собаки, дожидаясь своего куска свеженины.

Из ворот княжеского укрепления вышел высокий человек в наброшенном на плечи плаще и направился было к сторожам, но, заметив подъезжающих путников, двинулся к ним. Глубокий шрам, протянувшийся от глаза к уху, делал его властное лицо суровым и даже свирепым.

— Здраво, Вышато,— сойдя с коня, Путята почтительно поклонился воеводе. Студенты поклонились тоже.

Вышата на приветствие не отвечал, стоял молча, пристально разглядывая прибывших. Путята стал торопливо докладывать:

— Былъ есмь я въ Гюргевѣ. Съвѣдалъ есмь, яко пропалъ есть Митяи, въ Гюргевъ не доѣхалъ. Грамотъку княжю я нашелъ въ лѣсѣ и шеломъ. И самъ я много перетерпѣлъ отъ недругъ. Не виделъ бо есмь зла на пути ни отъ поганыхъ татаръ, ни отъ звѣря лютаго. А слобожане по путьмъ сторожи поставиша и мене похытили. А я волею Божьею избылъ бѣды тоя.

Путята протянул воеводе мешочек с берестяными полосками. Вышата вытряхнул грамотки из мешоч-

ка, прочитал, зажал в кулаке, указал на Митю и Прохора:

— Кто суть?

— Чюжеземьца два,— отвечал Путята, покаянно опустив голову, понял гридь, что нельзя было ему приводить чужаков в княжеский стан.

— Отколѣ и почто нази? — спросил Вышата, хмуро оглядывая раздетых чужеземцев.

— Одежю истопила еста въ рѣцѣ,— объяснил Путята виноватою скороговоркой.— А отколѣ — не съвѣдаю.

Митя и Прохор, поеживаясь от вечерней прохлады и недоброго ожидания, топтались за Путятиной спиной.

— Вышато,— решил вступиться за себя Митя,— почто намъ не вѣриши? Мы вашеи братии не обидѣлѣ, ни грабилѣ товара силою, безъ правьды, насилия не дѣялѣ никому же. Пусти насъ, Вышато.

Вышата не отвечал, хотя и не спускал с них жесткого пристального взгляда, затем крикнул сторожам:

— Блюдите ихъ.

И ушел воевода в шатры, приказав следовать за ним Путяте. Митю и Прохора подвели к костру, кинули им холщовые порты да рубахи, да по куску печеного лосиного мяса, вот и все снаряженье, вся еда, весь кров. Но и этому были рады изнемогшие за день путники, они без сил привалились к высокой толстостволой сосне и мгновенно уснули.

На рассвете Прохор открыл глаза, огляделся и снова смежил веки. Он понял, что все происшедшее с ними вчера не сон, а самая что ни на есть действительная явь. И как ни мечталось когда-то историку увидеть собственными глазами время, о котором он знал только по раскопкам да древним летописям, нынешнее их положение представлялось ему отчаянным. Их не выслушали даже, сразу заподозрили в них врагов, отдали под стражу. Из-под полуприкрытых ресниц Прохор разглядывал охранявших его дружинников. Один ворошил угли зату-

хающего костра, другой вострил деревянную стрелу, рядом на траве лежали лук с ослабленной тетивой, она натягивалась лишь в бою, и расписной колчан со стрелами. Митя шевельнулся во сне, вскрикнул. Тотчас вскочивший на ноги стражник подошел к нему, низко наклонился, убедившись, что Митя спит, вернулся к костру. Бежать отсюда немыслимо, надо стоять на своем, думал Прохор, мы — дружинники князя Ярослава. Ярослав княжит в дальней Галицкой земле. Путь до него неблизкий, русская речь там отличается от здешней. Митя уверяет, что в ту пору русская земля говорила по-разному. Отличался выговор отдельных слов, произношение звуков. Вот в Новгороде, к примеру, «цокают» — одинаково произносят Ц и Ч, да и то не все, а во Владимире цоканья как не бывало. Да и одинаковые предметы в далеко отстоявших друг от друга древнерусских княжествах могли называться по-разному. Скажем князю, не по душе нам пришлось Ярославово княжение, захотелось попытать счастья в Новгородской земле под рукою князя Александра. Вот и двинулись мы в путь, в дороге встретили Митяя.

Он грамоту в монастырь вез, обратной дорогой обещал нас к князю проводить. Да на пути нас ограбили бродники, а Митяй вырвался, они его вдогон и убили, а грамота и шлем в руках наших остались. Да тут слобожане подвернулись. Похватали нас и в поруб вместе с Путятой посадили. Ну а дальше-то история известная, ее Путята доскажет.

Прохор перевел дух. Вроде складно получалось. Он глянул на Митю, тот лежал с открытыми глазами и думал.

— Скажешь князю все как договорились,— тихо молвил Прохор. Митя понимающе кивнул. Он перебирал в памяти древнерусские слова, искал подходившие для его речи.

В княжеском шатре, куда привели студентов их сторожа «судъ оправливати», как пробасил один из них, было темно, но вслед за ними вошедшие воины откинули полог, и весь шатер осветился ровным ро-

зовым утренним светом. Откуда-то из-за полога вышел и быстро сел на невысокое возвышение человек в красной одежде с шитыми золотом оплечьями, в красных мягкой дорогой кожи сапогах, на голове у него была отороченная собольим мехом небольшая шапочка. Это и был князь Александр Ярославич. Князь был голубоглаз, с русыми, коротко подстриженными кудрями и такой же русой короткой бородкой. Он спокойно, внимательно осмотрел стоявших перед ним пленников, разрешил говорить.

Митя рассказывал неторопливо, боялся ошибиться словом, но от того каждое слово его звучало весомо, уверенно. И закончил Митя хорошо:

— Тобѣ, княже, предълагаемъ животъ нашь весь.

Но не князь изрек слово, а Вышата. Чуть ступив вперед, он наклонился к князю и громко выговорил:

— Они, княже, лъжуть тобѣ. Достоино есть тобѣ, княже, еже бы ты тыя люди казнилъ, тъгда и инии людие быша бояли ся, кто лихую думу на тобѣ думаеть.

Князь дернул плечом, отмахиваясь от лихого Вышатина слова, с непонятной усмешкой кивнул пленникам:

— Слышали есте?

— Княже,— Митя услышал свой дрожащий в мольбе голос и выпрямился, стараясь говорить тверже: — Княже, въ тобѣ есть власть: или жити намъ, или умрѣти. Не прѣдаи же насъ въ смерть. Будем тобѣ, княже, служити, не щадя головы своея.

— Добро,— решил князь,— не забываита, еже мнѣ обѣщалѣ. Аже будета сълъгалѣ мнѣ и правьду утаилѣ, дамъ васъ въ руцѣ Вышатѣ и да творить яко же хочеть.

Князь сначала глянул на хмурого Вышату, не таившего своей враждебности к пленникам и презрительно фыркнувшего в ответ на княжеские слова, потом подозвал Путяту, оробело стоявшего в стороне, стал расспрашивать его о пожаре в слободе.

— Изгорѣла есть вся Чудиновьская слобода,— подтвердил Путята,— и люди изгорѣли вси съ домы

и имѣниимь и съ дѣтьми. И кони изгорѣли суть. Видѣхъ бо самъ, яко кони и лошади изгорѣли. Тъкмо три кони съпасли ся. Жаль лошадии,— покачал головой Путята.

Князю его слова не погляпулись.

— Дивьно мнѣ, Путято,— строго прервал он Путятины речи,— оже лошадии жалуеши. Аче начнеть орати человѣкъ, и приѣхавъ татаринъ ударить его стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в селѣ его иметь жену его, и дѣти его, и все имѣнье, то лошади жаль, а самого не жаль ли? Како можеши люди не жалѣти? — И князь запальчивым гневным движением выслал всех из шатра.

Сторожа отошли. Прохор и Митя свободными шагнули из княжеского шатра. Обрадованный Путята повел новобранцев к ключнику и потребовал для них полное воинское снаряжение. Митя и Прохор, стараясь не выказывать любопытства, примерили тяжелые кольчуги, грубые великоватые сапоги и шлемы.

— Видать, немного у нашего князя власти, коль этот Вышата взял такую смелость, фыркает да глазами сверкает,— страх перед Вышатой не отпускал Митю.

Еще бы,— подтвердил Прохор.— Вышата — тысяцкий князя, боярин именитый. Его непросто переспорить. Князь к мнению тысяцкого всегда прислушивается. Не впору нам с тобой этакий недруг. Надо держать ухо востро.

— А Путята кто в дружине? — поинтересовался Митя.

— Путята — молодшей дружины гридь,— ответил Прохор и, поняв, что сейчас окончательно запутает Митю, решил объяснить все по порядку.— Окружение князя состоит из войска — дружины и прислуги. Дружина делится на старейшую, в нее входят бояре, и молодшую, ее воинов называют «молодь», «гриди». Из старейшей дружины для управления войском назначаются князем тысяцкие, а из молодшей дружины выбираются князем посадники для

управления городами, в которых сам князь не сидит. Прислуга князя многочисленна, в нее входят отроки, детские, пасынки. Из прислуги выделяется ключник — человек, назначенный следить за имуществом князя. Но для военного похода князю одной дружины да прислуги мало, в помощь ему собираются полки — временные войска из горожан и поселян. Большую силу имеют такие полки. Вот, скажем, в Невской битве новгородский полк...— Прохор остановился и хлопнул себя по лбу.— Верно мы все рассчитали! Князь собирает силы для похода на Биргера, оттого и нас не прогнал, ему дружинники нужны. Славно! — вмиг забыв об опасности, обрадовался Прохор.— Значит, будем участниками Невской битвы. Представляешь, какую книгу потом можно написать, скажем, так: «Воспоминания и размышления участника Невской битвы 1240 года». Каково?

Но Митя на шутку друга не откликнулся, промолчал, думая о своем. Он вспомнил сказанное в «Житии Александра Невского»: «Князь Александръ побѣжая непобѣдимъ».

— Слушай, Прохор, а как историки оценивают личность Александра Невского?

— Ну, пока что он еще не Александр Невский,— отвечал Прохор,— а просто Александр Ярославич, сын Владимирского князя Ярослава Всеволодовича, внук знаменитого Всеволода Большое Гнездо. Родился Александр Ярославич в Переяславле-Залесском в 1220 году. Так что ныне — в году 1240-м — ему всего лишь двадцать лет!

Уже трехлетним он покинул хоромы своей матери княгини Феодосии и был передан на руки боярину-воспитателю, дядьке Федору Даниловичу. Учил его дядька письму и счету, книжной мудрости, а главное, учил молодого княжича ратному делу.

В те времена князь-военачальник сам вел за собой дружину в бой, первым бросался в сечу. Потому и не обойтись князю без воинских умений: конем управлять, сражаться в конном и пешем строю, вла-

деть тяжелым копьем, мечом, дротиком, кистенем, булавой, боевым топориком. Искусства и сноровки требовала стрельба из лука, учиться которой начинали с детства. Зато опытный лучник успевал сделать в минуту шесть выстрелов, а стрела его летела на 200 метров.

Учили княжича и особым ратным уменьям: построить полки для сражения, знать, когда выгоднее ударить тяжелой конницей, куда поставить сомкнутые ряды пеших полков. В походах надо позаботиться о дозорах, на стоянках — о сторожевых заставах подумать. Нужно уметь водить полки по незнакомым землям, чутьем угадывать путь, расставляя потаенные засады, уберегаясь от вражеских засад... Научиться всему этому можно было только в деле. И Александр уже в пятнадцать лет вместе с отцом Ярославом Всеволодовичем ходил войной на немцев... С 1236 года посажен он был отцом княжить в Новгороде. Новгородцы любили видеть Александра в челе своих дружин, но недолго могли ужиться с ним как с правителем, он часто ссорился с жителями Новгорода. Глянь-ка,— прервал рассказ Прохор,— кто-то едет.

Действительно, к стану приближалось несколько всадников, одетых не по-воински, в кафтанах и чудных шапках с перьями. Сторожа преградили им путь, послали гонца известить князя о прибытии гостей.

Приезжие спешились невдалеке от Прохора и Мити, которые с интересом разглядывали их. На руке у одного, пучеглазого, с тонким горбатым носом, Митя заметил золотой перстень-печатку, на которой был вычеканен орел, держащий в клюве палицу.

— Искусная работа,— восхитился Митя,— богатый человек приехал, княжеского роду, должно быть. Да и одет наособицу от всех, богато и вычурно.

Но прибывший со свитой богач оказался не князем, а чужеземцем, немецким купцом. Митя сразу понял это, едва немец заговорил. Древненемецкий

язык, конечно, сильно разнился с тем немецким, который изучал Митя в университете, но суть речи немца он понял. Да и как не понять, если каждое слово его подхватывал, переводил вышедшему из шатра князю толмач:

— Немечьскыи купець Фредрикъ продалъ чловѣку мѣхъ соли, и онъ шелъ съ темь чловѣкомь соли весити, а твои отроци стояли ту въ дворѣ. У Фредрика взяли силою ключь клетьныи и пошли прочь, потомь твои дѣтьскыи Трифонъ пришелъ и реклъ Фредрику: «Поиди ко князю». И онъ пошелъ къ тобѣ по твоему слову съ Трифономъ. Нъ Трифонъ не велъ есть его къ тобѣ, княже, нъ къ собѣ въ истобъку и ту портъ с него снялъ есть, за шию оковалъ, и рукы и ногы, и мучилъ его такъ, как то буди Богу жаль. А потомь ты, княже, дѣтьскыѣ своѣ послалъ на его подворие и велелъ еси товаръ его розграбити. И нынѣ Фредрикъ молить тебе, абы тыи товаръ отдалъ ему.

Немец важно кивал вслед каждому слову, выговариваемому толмачом, потом еще что-то добавил, указав рукой на навьюченных лошадей. Толмач, угодливо улыбаясь, перевел:

— Немечьскыи купець Фредрикъ привезлъ есть тобѣ, княже, въ коробьяхъ дары — сребро, паволокы и овочь.

Князь прихмурился и покачал головой:

— Почто безмытьно торгуеши, Фредриче? Новъгородьци обиду имуть на тя, яко не платиши мыто Новугороду, а товаръ возиши.

Замахал руками немец и заговорил так быстро, что Митя уже ничего не мог понять.

— Упомни, княже, яко есмь платилъ сребро передъ тобою посадьнику Степану,— перевел толмач.

— А за поставъ полотна да за рукавици перстовые платилъ ли еси мыто? — прищурился князь, заглянув в поданную Вышатой берестяную грамоту, донесение новгородских купцов о неуплате мыта немецким купцом Фредриком за последнюю пар-

тию товаров, привезенных им для продажи в Новгород.

Поняв, что князь знает об утаенном от пошлины товаре, купец растерялся, зло и досадливо сверкнули его выпученные желтые глазки.

— Нынѣ,— строго промолвил князь,— отпущаю тебе дому да велю исполняти грамоту ту. Како писано бысть, тако и будеть: «А воли надъ нашими купчинами немечьскымь купьцемь не давати». А иныхъ грамотъ у насъ нѣтуть.

Князь отвернулся от гостей, а те поспешили убраться из негостеприимного стана.

НОВОБРАНЦЫ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА

Стали собираться и дружинники. Детские складывали шатры и полстницы, заливали водой костры. Гриди седлали лошадей. Подвели коня князю. Хорош был гнедой жеребец, сильный, высокий, с коротко остриженной черной гривой, мощную спину его покрывал богато расшитый чепрак с парядным седлом. Князь вскочил на коня, и спустя минуту княжеское войско неспешно потянулось по лесной дороге.

Митя и Прохор ехали на своих не столь красивых, но сильных лошадках, отловленных им еще Путятой. Митя обратил внимание, что за войском плотным табуном, голова к голове, следовали неоседланные кони. Их подгоняли легко снаряженные, без кольчуг и мечей, всадники-коноводы. Прохора это нисколько не удивило.

— Таково древнее правило конных походов,— объяснил он Мите,— иметь воину запасного коня, а то и двух. Русские полки всегда выступали в поход «о двуконь», держа в обозе свежих коней под при-

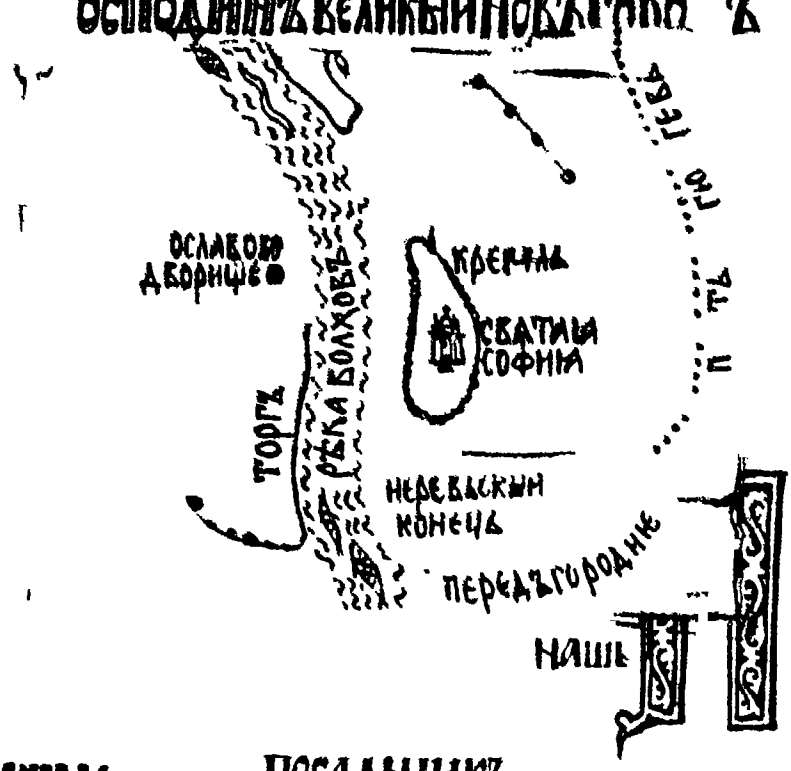
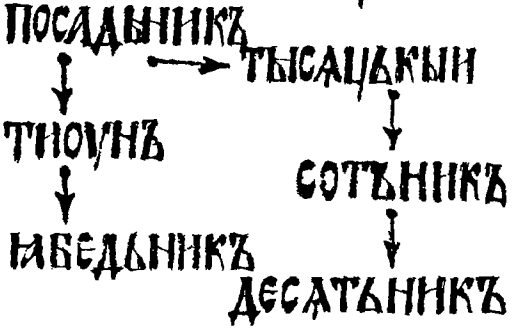

СХЕМА ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

смотром коноводов. А татары ходили даже «о триконь». Вообще,— добавил Прохор,— коней на Руси различали по назначению: были кони поводные, ходившие в поводу, для верховой езды; были кони товарные — для возки товаров их впрягали в телегу; еще были сумные кони, они возили навьюченный на спину груз — сумы. А уж сколько конских мастей различали русичи! Гнедые, вороные, сивые, каурые, бурые, голубые...

— Голубые? — переспросил Митя, ему показалось, что он ослышался.

— Ну, да,— подтвердил Прохор.— Конь голубой масти — светло-серый, отливающий белизной. Очень ценились такие кони. В одной берестяной грамоте прямо так и сказано: «А конь мои голубыи пусти въ поле, дать сохъ на него не кладе». Хозяин просил поберечь коня, не впрягать его в соху. Так-то.

— А что, все полки у древних русичей были конные? — снова спросил Митя, оглянувшись назад. За ними тянулась длинная вереница княжеского войска.

— Нет,— Прохор тоже оглянулся.— Были и пешие полки, состоявшие из горожан и поселян. Но профессиональные воины из дружины сражались верхом. Русичи за сотню лет выработали свои искусные приемы военного ремесла. Войско устроено было так. В разведку высылался «передъ» — передовой полк, «передъ» чаще всего принимал на себя и первый удар противника. Следом выступал сильный большой полк — «чело», во главе которого шел обычно сам князь. За большим полком шли два конных полка — правое крыло и левое крыло. Был еще в русском войске сторожевой полк — «сторожье» для предупреждения неожиданных нападений с флангов.

Ладно устроено было войско, действовало умело, слаженно, потому и побеждали русичи своих врагов. Первый достоверно известный по летописям древнерусский полководец князь Святослав повоевал многие земли, ходил на хазар, победил ясов и

касогов, волжских болгар. Перед сражением говаривал он дружине: «Не посрамимъ земли русьскоѣ, но ляжемъ костьми, мертвыя бо срама не имуть».

«Интересно,— подумал Прохор,— куда направляется княжеская дружина? Вряд ли на Биргера. Не готовы воины к сражению, нет у них припасов да снаряжения. К тому же летописи говорят об участии в сражении новгородских полков. Значит, князь Александр Ярославич идет на соединение с этими полками, должно быть, в Новгород».

Прохор наклонился к Мите:

— Вероятнее всего, мы едем в Новгород, собирать ополчение на шведов.

Лес постепенно начал редеть, стали попадаться выкошенные лужайки, на которых стояли небольшие, прикрытые еловым лапником стожки. У края дороги паслось стадо коров и овец, завидев войско, пастух поторопился отогнать их подальше. Потом пошли огороды, засаженные капустой, луком. Густо зеленела ботва репы и морковки. Глянцем отливали ярко-зеленые листья свеклы. Но не было на огородах привычной глазу наших студентов картошки, не росли здесь помидоры и огурцы. Когда еще их завезут на Русь! Вдалеке, возле впадающей в небольшое озерцо речушки, высилось несколько ветряных мельниц, растопыривших свои четырехпалые крылья. Наконец появились и первые дома. Дружина въезжала в Плотницкий конец Новгорода.

Митя и Прохор во все глаза смотрели на Древний и Великий Город. Ладно и красиво стоял он на берегах Ильмень-озера у впадения в него реки Волхов. Река разделяла город на две части, на левом берегу возвышались стены крепости-кремля, где сиживали новгородцы во времена осад и набегов вражеских. Здесь была уже строена белокаменная София — главный новгородский храм.

Кремль был виден издалека, его легко и уверенно приподнимала надо всем широкая ладонь холма. Полноводный Волхов омывал подошву холма и с за-

пада делал кремль неприступным. С других сторон под крепостными стенами угадывались глубокие наполненные водой рвы.

Митя смотрел и не узнавал Новгородский кремль. Он его хорошо запомнил иным, красно-кирпичным, с многочисленными сторожевыми башнями. Здесь же насыпанные земляные валы, замкнутые в кольцо, были сцеплены между собой приземистыми, неуклюжими башнями—проездами, сделанными из камня. Не узнать было и деревокаменный детинец — сердцевину городской власти в кремле,— здесь творил суд и расправу посадник.

— Что, брат, не узнал Новгорода? — заметил Митину растерянность Прохор.— Этот и некрасив, и не столь надежным кажется. Да только с виду. Города на Руси всегда строились под руководством опытного градодельца. Выбор места для крепости точно рассчитан, все принято во внимание: и близость дорог и воды, и укрытость места. Видишь, со всех сторон к кремлю не подступиться: река защищает, рвы огораживают. А стены какие толстые — два-три метра — не меньше. Так просто не прошибешь. Не забывай, что земляные стены — валы насыпали на специальные деревянные каркасы. Вон они как вознеслись, метров на десять-двенадцать, самое малое. С ходу такую крепость не взять!

— Так ведь татары брали, иначе бы и Русь не покорили,— возразил Митя историку.

— Осадой брали, измором,— откликнулся Прохор.— Кончались припасы в осажденном городе, и выходили русичи в поле сражаться. И не только измором брали. Даже самая мощная крепость не могла устоять, когда штурмовали ее таранами и пороками.

Заметив недоумение в Митиных глазах, Прохор продолжил объяснение:

— Это были такие камнеметные машины — «пороки», камни метали в осажденных, а «тараны» — это стенобитные машины, ими били и разрушали стены.

— Стены трехметровой толщины разрушали? — не поверил Митя.— Что за машина такая?

— Хитроумное это сооружение,— усмехнулся Прохор.— Между двумя скрепленными бревенчатыми стойками подвешивалось огромное бревно. Бревно с одного конца оковано железом. Бревно раскачивали и ритмично ударяли им по стене — таранили. Таранами пробивали бреши, да такие большие, что всадники проскакивали. Именно так войска Батыя в 1240 году захватили Киев.

Митя и Прохор по-прежнему ехали бок о бок посередине длинной цепочки растянувшегося в узких новгородских улочках войска. Вокруг них пестрело резными крышами, маковками церквей, зеленело садами передгородие, разделявшееся на концы — Плотницкий, Неревский и другие, в них селился мастеровой люд — плотники, гончары, кожевники, кузнецы. Были еще каменщики, серебряники, огородники. Каких только умельцев не водилось в Новгороде! Иные селились улицами, из улиц складывались концы. Были улицы, где жили только ювелиры, или только оружейники, или же одни купцы.

Втянувшись в плотницкий конец, на бревенчатую мостовую, княжеская дружина попала в шумное и суетливое передгородие. Надо ли говорить, как жадно всматривались Митя с Прохором во все, что их окружало. Вот большая ватага плотников рядится на промысел. Завидев князя, плотники низко поклонились ему и снова, оборотясь, принялись спорить с заказчиком о предстоящей работе. Вглядевшись в чернобородого заказчика, Митя вздрогнул, то был Микула, староста Чудиновской слободы. Это он подряжал плотников поставить слободу в «один стук топора», разом поднять крыши над пепелищем. Митя низко пригнулся к лошади, стараясь не попасться Микуле на глаза. Прохор же беспечно вертелся в седле, одетый в воинские доспехи, он не мог быть узнан своим вчерашним заточителем. Микуле недосуг глядеть по сторонам, надо избывать беду, постигшую слобожан. Да и не Прохору с Митей прятаться от Микулы, это теперь Микуле надо осте-

регаться встречи с княжескими дружинниками, которых он сажал в поруб.

Миновав плотницкие дворы, конница стучала копытами по таким же бревенчатым улицам Гончарского конца, и Митя не удержался от новых расспросов.

— А как в городе власть распределяется? Кто правит, князь?

— Новгород был вольным городом, не терпел он единовластия князя, правил общим народным собранием, вечем. Князя же призывал к себе Новгород для военных походов да для вершения международных дел. С князем решали и важные торговые споры. Потому, чужак для новгородцев, и селился князь наособицу от города. В нескольких верстах от Новгорода стояло постоянное княжеское укрепление — городище.

В нестольном городе,— Прохор отвечал замедленно и чуть рассеянно, разговор мешал ему внимательно оглядывать все вокруг,— правит посадник, которого избирает князь или само вече. Посадник назначает тысяцкого, тысяцкий управляет новгородским ополчением, которое делится на сотни. А в сотнях на каждый десяток воинов есть свой десятник. Полки новгородские и сильны благодаря такой вот строгой организации. А для городского управления назначаются старосты концов, им подчиняются старосты улиц, а иногда старосты целых промыслов. Суд вместе с посадником вершит тиун, для мелких поручений назначается ябедник. Управление, как видишь, простое, но очень строгое.

Княжеское войско остановилось на берегу Волхова. Дружинники спешились, привязали коней к коновязи — положенному на высокие столбы бревну с вбитыми в него железными кольцами, на которые крепили конский повод.

Вышата, отдавая распоряжения воинам, искоса поглядывал на неловко слезавших с коней новичков. Не нравилось тысяцкому их появление в княжеском стане. Неспроста пришли неведомые дружинники к

князю, это в нынешнее-то смутное время. Гляди, как настороженно вокруг оглядываются, словно волки в чужой стае. Откуда пришли, как выведать?! Точно ли из Галицкой земли, что под началом славного князя Ярослава? Да и дружинники ли это на самом деле? Неладно, непривычно носят они вооружение, ступают тяжело, будто к земле их кольчуги пригибают. Выведаю, дознаюсь! — додумал Вышата свой осторожный план и подошел к Прохору.

Историк навязывал на железное кольцо коновязи тонкие ремешки поводьев. Услышав за спиной шаги Вышаты, он медленно выпрямился и осторожно глянул ему в лицо.

—Укупи мнѣ паволоку,— жестко приказал Вышата, ткнув в Прохорову ладонь, точно кошель с деньгами, связку куньих шкурок, и повторил громко: — Паволоку в долготу три сажени, а в ширину два лъкъта. У Нѣздилѣ укупи, онъ на торзѣ лавъкою торгуеть.

Хитро придумал тысяцкий. Нездила — купец галицкий, сродников своих — галицких людей — узнает, а коли не узнает...

Отпустив Прохора, Вышата оглянулся и жестом подозвал к себе гридя Путяту:

— А тобѣ велю тыя люди чюжи стеречи! Послалъ есмь ихъ къ Нѣздилѣ-галичанину паволокы купити. А ты пытаи Нѣздилу, знаеть ли сихъ людии или нѣтъ.

Путята хмуро поклонился и долго еще глядел вслед уходящему тысяцкому. Недобрый приказ Вышаты точно камень лег на сердце. Гридь потрогал узел конского повода на кольце, проверяя его надежность, и, тяжело вздохнув, пошел отыскивать галичан.

Из плотного конского ряда, хоронясь Путяты, осторожно выбрался Митя. Он слышал речи тысяцкого, понял злой его умысел. Тень смертельной опасности вновь стояла рядом, цепко держала, ни на шаг не отпускала. Избавления от нее Митя найти не мог.

Воины, оставив сторожей, разбрелись по городу.

Путята подошел к Прохору, который, усиленно потирая затылок, все пытался понять, чего от него хотел Вышата.

— Бывалъ ли къгда въ Новѣгородѣ?

Прохор хотел кивнуть, но вовремя вспомнил, что тот Новгород, в котором он действительно бывал, и не раз, очень не похож на этот древний город. Историк отрицательно покачал головой.

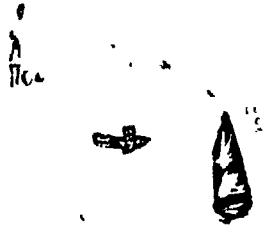
— Тъгда идемъ. Показати хочю вамъ Господинъ Великыи Новъгородъ.

ОРЕЛ НА ЗОЛОТОМ ПЕРСТНЕ

Путята привел их на просторный двор, со всех сторон окруженный церквами. В шумной торговой площади Прохор едва узнал Ярославово дворище. Повсюду теснились лавки, крытые навесы с широкими полками, купцы выставляли товар.

Какого добра тут только не было! Мечи с чеканенными на них надписями, острые ножи-засапожники с затейливыми костяными ручками. Рукояти у таких ножей в виде плотно сбитого тела рыбы с легкими выступами прижатых плавников, с коротким широким хвостом. На показ и продажу выставлены были во множестве луки и колчаны для стрел. Костяная накладка одного из таких колчанов изображала дракона, запутавшегося в извивах своего тела и яростно кусавшего собственный хвост. Прохор с Митей долго не могли оторваться от оружейных лавок, пока Путята не подхватил и не увлек их дальше, к гончарным рядам. Глиняной посудой заставлен был весь дворик Никольской церкви. «Святой Никола на Руси почитался как покровитель торговли»,— шепнул Прохор Мите. Глаза разбегались от обилия разноцветных разрисованных гор-

СВАТЫИ
НИКОЛА

КОУВШИНЪ

УБРУСЪ

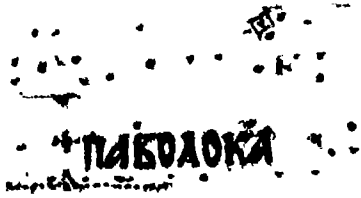
СКОРЫ

ГОРШЬКЪ

КРИНЪКА

СОРОКЪ

шков и кринок. Торговали здесь и серебряными тонкой чеканки блюдами, высокими с узкими горлышками медными кувшинами, привезенными из дальних восточных стран.

В толпе сновали мальчишки, предлагали покупать костяные «копоушки» — тонкие стерженьки с лопаточкой на одном конце и с дырочкой на другом.

— Сквозь дырочку продергивается шнурок, на котором копоушка подвешивается к одежде,— попутно объяснил Прохор Мите и отмахнулся от назойливого маленького торговца, упрямо предлагавшего купить с десяток копоушек.

Суета и праздничность новгородского торга так увлекли Прохора, что он забыл, из виду выпустил строгий наказ тысяцкого. Прохор кидался от лавки к лавке, гладил холодный металл рукояти ножа, перебирал щедро рассыпанные на прилавке теплого сияния янтари, рассматривал резные, из заморского самшита выточенные гребни. Митя едва поспевал за неугомонным историком.

Наконец студенты остановились у лавки серебряника, где Прохор принялся выбирать, будто для покупки, серебряные перстни с самоцветами, старался запомнить форму, узор, огранку самоцветного камушка. Митя же, заметив, что Путята от них отстал, напомнил:

— Тысяцкий тебе что приказал?

— Совсем забыл! — Прохор выпустил из рук перстень.— Вышата паволоку велел купить: три сажени в длину и два локтя в ширину.

— А какие это меры — сажень и локоть,— ты знаешь? — У Мити перехватило дыхание.

— Да кто же этого не знает? — удивился Прохор.— «Локоть» — это длина руки до локтя, «сажень» — длина рук в размахе. Эта мера зовется «сажень маховая». А есть еще «сажень косая», это длина от носка ноги до пальцев поднятой вверх руки. Ну а совсем малая мера — «пядь» — длина растянутой кисти — от большого пальца до указательного.

— Постой, постой, как же это,— перебил его Митя.— Люди и росту разного, и руки у всех разной длины, неужели у русичей нет единой меры — чего-нибудь вроде метра или сантиметра?

— Нет,— Прохор высмотрел в рядах лавку с тканями, хозяин которой в это время ловко накручивал на локоть — вымерял — кусок грубого портища.— Видишь,— показал глазами Прохор в сторону лавки.— Хозяйский локоть, хозяйская сажень да хозяйская пядь — это для русича самая что ни на есть надежная мера. Пойдем, купим Вышате паволоку.

— Стой! — вскрикнул Митя.— Там Путята!

Путята приценивался к тканям. Ткани были раскинуты на широких столах, купец встряхивал ими перед Путятой, приговаривал:

— Позри, друже, се сукно, а се полотно, се же,— нежно провел он рукой по алому переливчатому шелку,— паволока, а се,— ткнул он ногой большой серый рулон, сваленный прямо на земле,— дерюга. Колико надобъ, друже, порта, рубъ али поставъ?

Но Путята отвернулся от тканей, не требовался ему, видно, ни кусок — «рубъ», ни тем более сверток — «поставъ». Выбрал себе среди навалом лежавших ковров, полстей, скатертей тонко тканный с затейливой вышивкой убрус, расплатился с хозяином лавки и, склонившись к его уху, стал тихо что-то нашептывать.

— Надо уходить,— крепко сжал Прохорову руку Митя.— Этот купец — гость галицкий Нездила. Тысяцкий велел Путяте вести нас к нему. Коли Нездила признает в нас своих земляков, то добро, а коль не признает...

Они нырнули в толпу и торопливым шагом вышли к *пряслам*, к которым были привязаны лошади, волы, коровы. Здесь торговали скотом. Бойкий человек в пестрой рубахе наседал на неторопливого слобожанина и частил:

— Даю за кобылу шесть десять кунъ, а за волъ гривьну, а за корову четыре десять кунъ, а за борана — ногата, а за жеребя — пять ногатъ.

Слобожанин качал головой и басовито выговаривал:

— Мало, друже, мало.

Прохору тоже захотелось приценяться к скоту, выведать истинные цены, да Митя уже ходил среди меховых лавок, и Прохор не решился от него отстать.

Что за богатство тут было, какая выставка мехов, каких только не было — и собольи, и куньи, и барсучьи, и лисьи, и бобровые... А многим Прохор и названия не знал. Торговцы расхаживали между рядами, увешанные связками беличьих шкурок.

— Сорокъ, сорокъ,— беспрестанно повторяли они.

— Слышал? — схватил Митя Прохора за рукав. Хоть и торопились они, да как может филолог пропустить такую находку.— Вот так родилось на свет слово «сорокъ», которое обозначает число «40».

— Как? — не понял Прохор.

— Слово «сорокъ» родственное слову «сорока» — рубашка, значит. Первоначально оно означало связку шкурок или мешок с четырьмя десятками беличьих шкурок, необходимых для пошива одного платья...

Митя заметил вдруг, что Прохор перестал его слушать, а исподлобья наблюдает за проворным человечком в красной шапке, раскладывавшим свой товар на дощатых скамьях. Товар был богатый — тонкое, хорошей выделки полотно, перчатки, или, как их здесь называли, «рукавицы перстовые», сорочки и мятли. Все выглядело красиво и добротно. Еще выгружал продавец из корзины мешочки с солью, изукрашенные коробочки с пряностями. Только разложил, как вокруг собрался народ, вещи разглядывают, травы понюхивают. Да только не товар привлек внимание Прохора, узнал он в том человечке давешнего толмача немца Фредрика. Узнал его и Митя и стал искать глазами толмачова господина.

И впрямь Фредрик был здесь, важно ходил между рядами, разглядывал, щупал чужой товар. Про-

бился Митя через толпу к Фредрику поближе да притерся рядом. Интересен был ему древненемецкий выговор чужеземного купца. Вертя в руках какой-то берестяной туесок для ягод, как бы приценяваясь к нему, и услыхал Митя разговор Фредрика с хозяином соляной лавки, тоже немцем.

Не стесняясь, разговаривали немцы на родном языке, уверены были, что здесь их никто не поймет. А велел Фредрик соляному купцу Албрахту ехать на Неву к Биргеру да сказать, что князь собирает большой полк новгородцев да дружину против шведов. А чтобы вера была у Биргера к посланнику, дал ему Фредрик свой перстень с золотым орлом. Выговорив все это, Фредрик двинулся к своей лавке и замер там, презрительно поглядывая на кричащее, весело торгующее многолюдье.

Митя вернулся к Прохору, заглядевшемуся на змеевик-амулет, по поверью, хранящий хозяина ото всех бед. Был змеевик особого устройства. С одной стороны начертан на нем православный крест, и фигурки святых Бориса и Глеба выдавлены на бронзовой поверхности медальона. С другой стороны страшный змеище, знак поганой языческой веры, разевал огненную пасть. У Прохора руки затряслись от радости, когда увидел он на торге такое сокровище. В музейных хранилищах ему, конечно, попадались древние змеевики, да все какие-то плохонькие. А здесь загляденье! Он как раз сторговался с хозяином лавки поменять на змеевик свой нож-засапожник, выданный ему княжеским ключником, и обмен был уже почти свершен, да тут Митя, взяв историка за локоть, отвел в сторону.

— Прохор,— Митя понизил голос,— ты видел, что купец Фредрик тоже здесь торгует?

— Видел,— кивнул Прохор, не выпуская из рук своей находки.— Он, наверное, уже заплатил мыто за свой товар.

— Я слышал, как Фредрик только что поручил одному торговцу-немцу скакать на Неву и предупредить Биргера о приходе русских полков. Смот-

ри.— Митя показал через плечо, как суетливо складывает свой товар в большие короба посланец Фредрика, на пальце у него сверкал золотой перстень с орлом.

Прохор задумался. Такого поворота событий он не встречал ни в одной летописи. О бегстве теперь, хоть и велика опасность, не могло быть и речи. Надо было что-то срочно делать, а для начала не спускать глаз с посланника.

НЕДОЛГО ГОСТЕВАЛИ...

Но пора возвращаться к Ване и Васе, забыли мы их совсем, на лесной дороге из виду потеряли. А они, бедняги, только к вечеру, вдосталь натрясшись с непривычки в телеге, въехали в новгородское передгородие. По улице, на которой жили серебряники, громыхая на бревнах мостовой, обоз последовал к кремлю, а Онфим, Ваня и Вася соскочили с последней телеги и постучались в ворота просторного двора.

Из ворот выглянула сероглазая молодая женщина, словно давно ждавшая этого стука, и, радостно вскрикнув, обняла Онфима.

— Мати,— только и смог проговорить он и уткнулся в вышитый рукав ее сорочки.— Мати, прими отрочата въ домъ нашь. Изгорѣла есть Чудиновьска слобода, да чада спасли ся суть да въ Гюрьгевъ приишли. Я съ ними хочю сѣно косити.

Женщина жалостливо погладила ребят по головам и показала рукой на крыльцо, проходите, мол, дорогие гости.

Дом Онфимова отца, большой, на подклете, с резным деревянным крыльцом-теремком и высокими окнами, имел теплую и холодную избы, соеди-

ОКЛАДЪ

УЛША

РАСНЫ

БЛЮДО
ОЖЕРЕЛЬЕ

ИВАН ГРѢШ Н И
И

нявшиеся сенями. Зайдя в теплую избу, она называлась теплой потому, что в ней была большая печь, которую в зимнее время топили, и вся семья тогда жила только здесь, мальчики увидели просторную чистую комнату. В переднем углу стоял деревянный стол с лавками, над столом была устроена божница. К потолочной балке крепилась жердь, на ней покачивалась люлька, завешанная тонкой полотняной занавеской. К печи пристроены были полати — широкий дощатый настил под потолком, на полатях спала семья. На полатях сейчас стояли расписные сундуки-подголовники. Над окнами были приспособлены украшенные кружевной резьбой полицы для посуды и прочей хозяйственной утвари. Около печи — деревянная перегородка — голбец с врезанной дверью, ведущей в подвал.

Мать усадила детей за стол и пошла хлопотать об ужине, а Онфим заглянул в люльку, где тихо спала маленькая девочка.

— Сестра моя Марья,— объяснил он Ваське и Ваньке, счастливо улыбаясь.

Мать поставила на стол большую миску, полную пареной репы, щедро политой маслом, раздала мальчикам деревянные ложки и налила по кружке теплого парного молока. Васька жевал и думал, что теперь его мама не сможет вот так же поставить перед ним тарелку, налить молока и сесть, подперев ладонями подбородок, любуясь на сына. Мама была очень далеко — в двадцатом веке...

Еда разморила ребят. Заботливая молчаливая хозяйка постелила «погорельцам» в летней, холодной, избе на широких лавках и ушла, пожелав «покоинои ночи».

Оставшись одни, Ваня и Вася осмотрелись. Одна дверь в холодной избе вела в кладовую. Другая же обрывалась вниз: хозяин не успел пристроить к ней второе крыльцо. Летняя изба служила пока складом всяких хозяйственных мелочей, здесь стояли жернова, хозяйкин ткацкий стан с незаконченным полотном, прялка с приготовленной для работы куделью.

— Вань,— почему-то шепотом проговорил Васька,— где теперь Митю с Прохором станем искать?

— Утром видно будет, найдем,— как можно бодрее отвечал Ваня, хотя сам он мало верил в счастливый исход их приключений.

Проснувшись утром, Ванька и Васька быстренько натянули на себя порты и рубахи, выглянули в открытую дверь теплой избы. Оттуда доносились приглушенные голоса, это тихо переговаривались хозяева, очевидно, боясь разбудить ребят и спящую в люльке девочку.

— Поклонъ куме, свекру да свекрови. А свекрови се монисто дажь да скажи: отъ невѣстъкы то монисто, отъ Дарьи,— слышался напевный голос Онфимовой матери.

— Добро, кума,— прогудел в ответ густой бас. Хозяина баса мальчишкам разглядеть не удалось. Он сидел в «красном» углу избы под божницей и был заслонен от ребят спиной Онфимова отца.

— А блюдо сребрьно тестю и тещи моимъ посылаю,— Онфимов отец выставил на стол засиявшее голубым светом блюдо и добавил: — А шюрину глаголи, да бы шелъ въ Новъгородъ, князь бо полкы събираеть.

— Шюринъ не придеть,— хмуро ответил кум.— Сказаю вамъ. Вся Чудиновьская слобода изгорѣла есть. Васъ помочи зовуть домы ставити изнова.

— Ванька,— не обратив внимания на последние слова гостя, полюбопытствовал Васька,— это кого они там называют — кумъ, кума, свекръ да свекровь?

— Да ничего особенного,— досадливо зашептал Ванька, последние слова гостя его насторожили, а Васька слушать мешал.— «Свекръ» и «свекровь» для жены — родители мужа. А сама она им доводится невесткой. Муж же называет родителей жены — «теща» и «тесть». А они зовут его «зять».

— А «шюринъ» это кто? — не до конца понял Васька.

— Тихо,— требовательно скомандовал Ванька, но все же объяснил:— Муж зовет шурином брата жены.

Да не мешай, Васька. Про Чудиновскую слободу речь.

Они затаили дыхание.

— Прошю тебе, куме, ѣхати въ Чудиновьскую слободу ставити домы изнова,— настойчиво повторил бас.

— Да како же мнѣ ѣхати,— запротестовал отец Онфима.— Али ты не слышалъ вѣсти, яко идеть на насъ Биргеръ ратью, и нынѣ князь Олександръ Ярославичь полкы събираеть новъгородьскыя.

— А мы, слобожане, князю нѣсмъ помочьникы,— отрезал бас гневно.— Он есть ворогъ всимъ слобожаномъ, на полюдье ходить, насилие въ слободѣ творить.

— А мы, Микуло, не князю помочи идемъ. Мы за Русьскую землю станемъ да за Господинъ Великыи Новъгородъ головы сложимъ. И ты намъ, Микуло, в семь дѣлѣ нѣси съвѣтьникъ, да!

Отец Онфима в гневе привстал, поднялся и Микула, но хозяйка протянула к ним руки:

— Господь съ вами, не гнѣваи ся, куме. Како полци воротяться, тако приидемъ помочи домы ставити. А нынѣ Иванъка Чудиновьскаго кузнеца чады възьми дому.

Мальчики стояли в сенях огорошенные. Во вставшем со скамьи гневном басовитом куме оба узнали слободского старосту Микулу, того самого, что заточил их в поруб. Бежать надо, но куда? Окна теплой избы выходят прямо во двор, и их, убегающих с крыльца, сразу заметят. Ванька вспомнил про недостроенное крыльцо холодной избы. Заскочив в ее прохладный полумрак, ребятишки разом налегли на дверь и вывалились в открывшуюся дыру.

Круглый дворик, на который они попали, был мастерской Онфимова отца, серебряных дел мастера. Здесь на длинных столах были расставлены готовые заказы: оклад к иконе, серебряная чаша — потир, обложка-оклад на Евангелие. В ящичках, поставленных друг на друга, разложены были приго-

товленные к продаже бусы, серьги, подвески, крупные височные кольца, рясны.

Во дворике, однако, их могли скоро найти. Ванька взобрался на один из столов, уцепился за верхнюю кромку частокола и, подтянувшись на руках, в мгновение ока перемахнул через стену. Васька последовал за ним.

Теперь беглецы стояли на бревнах мостовой и глядели, как валит по улице народ, все направлялись через мост к кремлю, раскатисто и призывно звонил оттуда колокол.

— Князь велѣлъ есть съзвонити вѣче въ кремлѣ,— услышали мальчики разговор в толпе. — Поведеть вои на Биргера, събираеть полкы новъгородьскыя.

— Понял,— Ванька весело подмигнул Ваське.— Здесь наши студенты. Наверняка с князем в город приехали. Надо идти в кремль.

ВЕЧЕ

В кремле, куда текла, шумя и торопясь, толпа, высился отовсюду видный деревянный помост с низкими лавками. На помосте уже стояли трое богато одетых людей, смотрели на кипящее вокруг них людское море.

Ваньку и Ваську так затерло в гомонящей тесноте, что они едва не потеряли друг друга. Спасаясь от давки за спиной какого-то дюжего рыжебородого новгородца, мальчишки прибились к подножию Софии и, прислонясь к еще не нагретой солнцем шершавой стене, стали высматривать в толпе Прохора и Митю.

— Они должны быть в дружине князя,— Ванька поднимался на цыпочки и подскакивал, крутил головой.— Что-то не видно здесь дружинников!

Последние слова Ванька произнес с громким отчаяньем, так что сидевший тут же, положив руки на посох, пожилой горожанин оглянулся и жалеючи растерявшихся отрочат, хотя и не зная, для чего они ищут дружинников, объяснил:

— Дружина въборзѣ приидеть.

— И князь Александр Ярославич? — в один голос выдохнули Ванька и Васька, мало заботясь о правильном произношении слов.

— Сде князь, на верьху стоить,— указал старик посохом на стоящего на помосте высокого человека в шлеме.— А съ нимь посадьникъ Степанъ Твердиславичь и епископ Новъгородьскыи владыка Спиридонъ.

Ванька впился глазами в князя. Александр Невский! Живой! И совсем не похож на портрет из учебника. Лицо властное, но без надменности, нос вздернутый и глаза добрые, без стального блеска. Веселые даже глаза.

Князь стоял, наклонив голову, уперев подбородок в грудь, слушал, что говорит ему, разводя руками, грузный седой человек в белой рубахе, подпоясанной золоченым ремешком. Это и был посадник новгородский Степан, вершитель власти в Новгороде. Епископ Спиридон, глава Новгородской церкви, стоял в стороне и отрешенно смотрел на сходящихся «вечьниковъ».

Вечники с мечами в ножнах у поясов, с луками и самострелами за спинами выстраивались в «сотни». Колчаны с изукрашенными костяными накладками они держали у поясов. Все новгородские воины были в шлемах, с красными, «червленными», щитами. Ладное это было войско. Ванька залюбовался им. Сюда же, на площадь, вступила скоро и дружина князя. Дружинники шли пешими и выстроились по другую сторону от новгородского войска.

Когда гомон толпы утих, князь Александр Ярославич поднял руку.

— Братия моя,— начал он,— пришли суть злыя псы ворози съ Биргеромь на русьскую землю. А по-

ВѢУЕ

ВѢДИ

ПЕЧАТЬ

СТАГЪ

ШЕЛОМЪ

ЩИТЪ

зряче на Богъ, потягнемъ, братие и дружино, станемъ крѣпъко, не озираимъ ся назадъ, побѣгъше не уити. А забудемъ, братие, домы, жены и дѣти, а коли любо умирати, кто хочеть пешь, али кто на кони, умьрѣмъ, братье, за землю русьскую, за Господинъ Великыи Новъгородъ.

Зашумела, загомонила вся огромная вечевая площадь. «Добро», «Добро»,— слышалось отовсюду. Приветствуя слова князя, дружинники потрясали копьями, в новгородских полках подняли вверх шлемы.

— Положимъ головы и изомьремъ честьно за святую Софию,— раздавалось в сотнях.

Васька и Ванька, цепляясь за куцый каменный приступок стены Софийского храма и стараясь не свалиться вниз, внимательно всматривались в стоявших на площади дружинников. Разглядеть знакомое лицо в таком многолюдье, казалось, было невозможно. Но зоркий Васькин глаз вдруг заметил троих воинов, стоявших в стороне от других. Видно было, что они говорят о чем-то очень важном. В одном из воинов Васька узнал Путяту. Двое других стояли к ним спинами. Васька решил не спускать с Путяты глаз. Возможно, где-то рядом с ним Прохор и Митя.

Не ошибся отрок Василий. Рядом с Путятой действительно стояли Прохор и Митя, и разговор у них и вправду был серьезным.

— Путято,— волнуясь, говорил Митя дружиннику,— лихы вѣсти знаемъ. Фредрикъ-купець послалъ есть вѣсть Биргеру, яко князь Олександръ Ярославичь съ воискомь поидсть на Неву бити ся с нимь. А вѣсть ту Фредрикъ послалъ съ солянымь купьцемь Албрахтомь. Рьци князю, а бы велелъ того Албрахта хватати.

Разом построжевший Путята, подумав, ответил:

— Пожьдѣте мене ту.

И направился к князю.

Толпа народа постепенно истаяла. Ушли с площади дружинники готовиться к выступлению. Разошлись новгородские сотни прощаться с детьми и

женами. На помосте остались князь, владыка Спиридон и посадник Степан. Внизу у помоста топтался тиун Данила с сумой, набитой грамотами. В руках тиуна была костяная новгородская печать. Здесь же выстроились несколько жалобщиков, принесших на суд князя свои обиды. Дожидался своей череды и Путята, а с ним и подошедшие ближе студенты.

Тут их и разглядели наконец с приступка Софийской церкви счастливые мальчишки. Нашли-таки!

Князь молча, насупясь, выслушивал жалобщиков, «складывавших вину» на тиуна. Князь был недоволен Данилой. Он повернулся к стоявшему рядом с ним владыке Спиридону и, желая укорить нерадивого тиуна, спросил:

— Владыко, кдѣ быти тивуну на томь свѣтѣ?

— Кдѣ и князю! — отвечал епископ.

Князю не понравились такие слова, рассердился:

— Тиунъ неправьду судить, мьзду емлеть, люди продаеть, лихое все дѣеть, а язъ что дѣю?

Епископ с поклоном ответствовал:

— Аже будеть князь добръ, богобоязнинъ, жалуеть людии, правьду любить — избираеть тиуна или коего волостеля — мужа добра и богобоязнина, страха Божия полна, разумна, праведна, по закону Божию вся творяща и судъ вѣдуща. И князь въ раи, и тивунъ въ раи. Будеть ли князь без Божия страха, христианъ не жалуеть, сиротъ не милуеть и вдовицами не печалуеть, поставляеть тиуна или коего волостеля — человека зла, Бога не бояща ся и закона Божия не ведуща, и суда не разумѣюща, толико того ради, а бы князю товара добывалъ, а людии не щадить. Акы бѣшена чловѣка пустилъ на люди, давъ ему мечь. Тако и князь дал волость лиху чловѣку губити люди. Князь во адъ и тиунъ съ нимь во адъ! — С этими словами владыка Спиридон отвернулся от исходящего злобой тиуна.

Князь грозно нахмурился.

— Аще именемь моимь лихо дѣеши, не быти тобѣ тиуномь. Иди! — указал он бывшему судье на кре-

постные ворота и обратился к стоявшим в поклоне жалобщикам: — Добро. Нареку Новугороду иного тивуна.

Князь начал спускаться с помоста, когда к нему с поклоном приблизился Путята, следом нерешительно шагнули Прохор и Митя. Известие, с которым они подошли к князю, сильно встревожило Александра Ярославича. Князь коротко приказал, положив Путяте руку на плечо. И гридь, а за ним и Митя с Прохором, круто повернувшись, побежали с вечевой площади. В одно мгновение ребятишки слетели с приступка, с которого неотступно наблюдали за происходившим, и устремились вдогон.

ПОГОНЯ

Путята, Митя и Прохор бегом вернулись к коновязи, где были привязаны их кони, и верхами направились к Немецкому двору. Там разыскали они амбары соляного купца Албрахта. Во дворе, куда вошли дружинники, стояло четверо готовых к отъезду иноземцев. На пальце одного из них сверкал золотой перстень с орлом. Это и был сам Албрахт. Путята подскочил к нему, схватил за рукав:

— Биргеру предалъ ся еси!

— Не розумѣю,— попытался изобразить непонимание надменный иноземец, однако глаза его выдали испуг.

— Ко князю поедеши,— приказал Путята, и тут же трое дюжих немцев, разом накинувшись, скрутили Путяту, Прохора и Митю, повалили их на землю, связали и уже связанных волоком втащили в ближайший амбар. Албрахт поспешно запер ворота.

Именно такой разворот событий застали мальчишки, когда, догоняя княжеских дружинников и

увидев привязанных у ворот Немецкого двора знакомых им лошадей, быстренько вскарабкались на высокий частокол, окружавший двор. Сверху они увидели и услышали все. И как только иноземцы скрылись в доме, ребята спустились во двор. Придерживаясь тени частокола, они прокрались к амбару и, встав на цыпочки, заглянули в небольшое окошко, прорубленное в бревенчатой стене амбара.

На земляном полу, среди мешков с солью лежали наши дружинники и их неразлучный Путята. Руки и ноги пленников были туго скручены прочной пеньковой веревкой, рты заткнуты тряпками. Васька замер, с жалостью глядя на брошенных ничком пленников. А Ванька осторожно, стараясь не звякнуть, сдвинул тяжелый литой засов, шепотом позвал:

— Пошли.

Они тихо проникли в амбар и кинулись развязывать друзей.

— Отрочата! — Путята радостно узнал Ваську, который выдернул кляп у него изо рта и теперь трудился над тройным скрученным узлом.— Отколѣ еста?

Прохор удивленно вгляделся в лицо мальчика, теребившего узел его веревки, и в сумраке амбара разглядел, что перед ним Ванька.

— Вернулись! — выдохнул он. Все было в этом приглушенном вскрике: и радость встречи и освобождения, и гнев на ослушавшихся мальчишек.

— Мы нечаянно,— стал объяснять растерянным Мите и Прохору Ванька.— Понимаете, там больше нет обратного хода, дорога ведет в Юрьев монастырь.

Подавленные и хмурые, студенты сидели на земляном полу амбара. В какие бы переделки ни попадали они за эти дни, у них всегда оставалась надежда на возвращение, на то, что подземный ход рано или поздно выведет их к дому. Известие о том, что назад дороги больше нет, потрясло студентов. Прохор и Митя растирали руки, лихорадочно соображали, что же теперь делать.

А Путята, не обращая внимания на тревожные и не очень понятные ему переговоры своих друзей, думал о самом важном для них в этот момент.

— Немьци кдѣ? — спросил он у Ваньки.

— Въ домѣ,— коротко ответил тот.

— Надобѣ князю вѣсть дати,— поднявшись с земляного пола, Путята выглянул в приотворенную дверь амбара. Выглянул и тотчас прикрыл дверь. За ней послышались голоса. Не все в немецкой речи удалось разобрать Мите, но голос Албрахта он расслышал и от сказанного вздрогнул, и перевел Прохору по-русски: «Убить как собаку!», а потом пересказал Путяте приказ иноземца:

— Убити въ пьса мѣсто!

Медлить было нельзя. Сейчас немцы заметят сдвинутый засов...

Путята тут же предложил кинуться разом из дверей и опрометью бежать к воротам, а там на лошадей и долой из Немецкого двора, здесь не будет спасения русичу.

Они тихо подошли к дверям и разом вывалились из амбара. Ошеломленные Биргеровы шпионы с минуту стояли как вкопанные и тут же кинулись вдогон. Но им пришлось возвращаться за лошадьми, потому что бывшие пленники уже вскочили на привязанных у ворот своих коней, посадив прежде впереди себя мальчишек. Минута, и кони стремглав мчали их по деревянным настилам улицы к княжескому стану, в городище.

Невелик был путь от Немецкого двора до городища, но скоро понял Путята, что всем вместе, с ребятишками, почитай по два седока на лошадь, им не уйти от погони, а главное, не успеют они известить князя о предательстве.

Выбравшись в ближайшую ложбинку, укрывшую их от глаз преследователей, всадники на миг остановились. Путята распорядился:

— Прохоре и Митяе, скачите лѣсомь къ рѣцѣ, а бы немьци васъ искали. И тако блудяче по лѣсу,

много ихъ погыбнеть. Вамъ же Богъ не дасть погыбнути. А я ко князю ѣду.

Он поворотил коня и, невидимый преследователям, стал лесом выбираться из лощины к дороге, ведущей в огиб города к княжескому укреплению. Наша четверка осталась на месте. Им предстоял долгий и опасный путь, погоня, чтобы отвлечь врагов на себя, чтобы дать Путяте время добраться с известием до князя.

— Ну, держитесь, неслухи,— взволнованно выкрикнул Прохор, желая ободрить Ваську и Ваньку, да и себя с Митей заодно.— Сейчас будут скачки!

Немцы уже увидели их и с резкими гортанными криками неслись наперерез, стремясь отсечь беглецам дорогу в город. Прохор, он скакал первым, направил свою лошадь к лесу. Но густой, частый лес, сквозь дебри которого они продирались, сквозь бурелом которого ломились из последних сил кони, вдруг кончился. Всадники вошли в плотный туман, поднимавшийся от реки. Не стало слышно позади нараставшего топота, яростных выкриков, преследователи потеряли их в тумане. Здесь бы и дух перевести, да нельзя было допустить, чтобы немцы повернули назад, догадались пуститься вдогон Путяте, и потому Прохор приставил руки ко рту и крикнул:

— Э-э-эй!

И, словно аукаясь с ним, невдалеке раздались крики преследователей. Тогда Прохор и Митя во весь дух погнали лошадей к реке и, домчав до реки, спрыгнули с лошадей, приказав мальчикам оставаться в седле.

Студенты упрятали в прибрежный камыш оружие и шлемы, с трудом стащили, помогая друг другу, тяжелые кольчуги, оставшись лишь в портах да просторных до колен рубахах и босиком. «Так-то оно легче плыть»,— лихорадочно соображал Прохор, но, чуть подумав, решил от оружия вовсе не отказываться, привязал меч к седлу лошади, то же велел сделать Мите.

Взяв коней под уздцы, они бросились в воду. Беглецы едва доплыли до середины, а немцы уже вбурились в воду и азартно подгоняли своих коней.

Задыхаясь, вскарабкались студенты на крутой берег, кони взнесли на него перепуганных ребятишек, и снова началась бешеная изнурительная скачка по лесным дебрям.

Что и говорить, неравные были силы. Кони беглецов стали уставать. «Вот,— подумалось Прохору,— где нужно скакать «о двуконь». Но коней на смену у них не было.

Неожиданно земля под ногами стала пружинить. Прохорова лошадь, шедшая первой, начала упрямиться, нехотя и осторожно ставила ноги на вздыбленную круглыми мшистыми валунами землю и встала, отказываясь идти дальше.

— Топь! — в отчаянье закричал Прохор.— Дальше пути нет!

Чуть не плача, он бросил поводья, сжал Ванькины плечи и оглянулся на Митю и Ваську. Но чудо! Умная Прохорова лошадка повернулась как-то боком и пошла, пошла осторожным шагом, выбирая дорогу среди предательских кочек, за ней, не понуждаемая Митей, послушно следовала вторая лошадь. Десять, пятнадцать, сто метров прошли они по чавкающей топи, и вот уже впереди замаячил просвет, словно прорубленный в топкой лесной чаще тоннель. Лошади ускорили шаг, будто притягиваемые этим просветом, но шли все так же осторожно и бдительно. Прохор крутил головой, силясь различить голоса преследователей. Но над лесом и болотом стояла тишина, ни звука не доносилось до них. Немцы исчезли, словно провалились сквозь землю. Повернули ли они, решив, что пропадут в этой топи их недавние пленники, а может, утонули вместе с лошадьми и оружием, кто знает. Достигнув просвета, беглецы обнаружили ровный настил бревен, широкой полосой тянувшийся по всей просеке. По бокам бревна окаймляли сосновые, потемневшие на срезах пенечки.

— Гать! — выдохнул Прохор и подумал про себя: «Спасены!»

Верхушки деревьев мешали видеть, куда ведет гать — неведомая бревенчатая дорога через топь, но она скоро кончилась, уступив место ровной колее, проложенной в веселой березовой чаще.

— Отвели немцев от Путяты,— с облегчением выговорил Прохор свою главную тревогу.— И сами уцелели, вот чудо-то!

Поверившие наконец в свое спасение, всадники остановили лошадей у небольшой, проглянувшей сквозь березняк полянки, по краям густо заросшей малиной.

— Передохнем,— коротко предложил Прохор Мите и мальчикам. Те скатились с лошадей прямо в траву, распугав стайку звеневших в зелени кузнечиков. Так лежали какое-то время не двигаясь, глядя в синеющее небо, отходя от призрака недавней смертельной опасности.

— Ну, рассказывайте, что с вами-то приключилось,— после долгого молчания поднял голову Прохор.— Все как есть рассказывайте, по порядку.

— Помните, как вы втолкнули нас в подземный ход на полянке? — начал Ваня.

— Как на этой вот полянке,— добавил Васька.

— Мы постояли немного, темно там очень, со свету ничего не видно, и пошли,— продолжил Ванька, но Васька не дал ему договорить.

— Да на этой же, на этой! — закричал он, размахивая руками.— Смотрите!

Все вскочили на ноги, и точно, вот же он, перелесок на краю поляны, вот и кусты малины, поломанные маленьким Путятой в борьбе с чернобородым слобожанином. Вот, вот он, подземный ход, по-прежнему заслоненный желтыми головками зверобоя.

— Так, значит, домой хода нет,— горько пробормотал Митя. Ванька и Васька безнадежно покачали головами.

— К Юрьеву монастырю этот ход,— грустно

уточнил Васька.— А там отец Сергий,— зачем-то добавил он, хотя понятно зачем, нет им веры от отца Сергия, а значит, и дороги к Юрьеву монастырю им нет.

Никто не заметил, как тревожно и резко прянули ушами лошади, как разом повернули головы, но не к дороге, нет, а в сторону синеющей непроглядной лесной чащобы. Оттуда с гиканьем и резким пронзительным криком вылетело несколько распаленных засадой всадников. В железных рубашках-панцирях, в островерхих меховых шапках, всадники окружили нашу четверку. Прохор с ужасом вгляделся в узкоглазые и широкоскулые лица. Плоские, почти невидимые носы и тонкие, сжатые в полоску неулыбающиеся губы делали эти лица жестокими и мертвыми. «Татары!» — мелькнуло у Прохора, и подумалось вслед этому: «Какие в эту пору татары? Они же весной ушли в Орду, не должно их быть сейчас на Руси!»

Небольшие мускулистые татарские кони плотным кольцом надвигались на пятящихся, отступающих к подземному ходу русичей. Вот татарин перегнулся с седла и, хищно оскалившись, резко схватил Ваньку за руку. Ванька крутнулся на месте, завопил благим матом и вдруг впился зубами в сжавшую его пятерню. Охнув, выпустил татарин Ваньку, и тот с криком «Сюда!» впрыгнул в подземный лаз. Васька, не раздумывая, кинулся за ним.

Словно очнувшись, Митя и Прохор выхватили мечи из ножен. Никогда еще не приходилось им сражаться, они крутили тяжелыми мечами перед собой, со свистом рассекая воздух, и тем ошарашили наседавших на них татар, не привыкших к такому обращению с мечами. Кони кочевников на какой-то миг отшатывались от носившихся в воздухе мечей, но продолжали теснить студентов. Кольцо неумолимо сжималось.

— Митька, влезай! — задыхаясь, крикнул Прохор.— Я прикрою.

Митя вмиг как провалился на месте. Прохор из-

ловчился и швырнул мечом в толстого теснившего его татарина, тот от неожиданности закачался в седле, чуть не упал, а Прохор, подхватив брошенный Митей меч, впрыгнул в темную пропасть подземелья. Татары, соскочив с лошадей, ринулись догонять беглецов.

СПАСЕНЫ!

Не разбирая дороги, то и дело поскальзываясь и падая, цепляясь одеждой за осклизлые и скрюченные, свисающие со стен и потолка корни, беглецы двигались по темному коридору подземелья. Ваське казалось, что сердце его сейчас остановится, не выдержит гонки и страха, но стремительно удалявшийся глухой перестук Ванькиных шагов, самого Ваньки во тьме кромешной различить было невозможно, заставлял Ваську бежать быстрее. Спасительная мысль крепила Ваську надеждой: «Впереди Юрьев монастырь! Покаемся перед отцом Сергием, все как есть ему расскажем. Он мудрый, он поймет!» В темноте Васька с размаху налетел на остановившегося Ваньку и врезался ему головой в живот.

— Ты что, ослеп! — завопил от боли Ванька, хотя в такой темноте Васька был ничуть не лучше слепого. А может, даже не столько от боли вопил Ванька, сколько от злого отчаянья.

— Ход обвалился, понимаешь, хода нет! Дальше только земля, пропали мы теперь!

Ужаснувшись близкому их концу в страшном черном тупике подземелья, Васька в отчаянье припал головой к осклизлой мокрой стене, оплетенной узловатыми корнями, и... исчез с глухим шорохом. Ванька растерянно огляделся, присел и стал ощупью, на коленях, продвигаться туда, где пропал

Васька, надеясь отыскать яму, в которую свалился друг. Но ямы он не находил. Руки наткнулись на жесткие корни, потом еще какие-то корни, Ванька выпрямился, нога ступала все дальше и дальше в казавшуюся нерушимой, всю заплетенную корнями стену. Ванька просунул голову между корней, и глаза его зажмурились от внезапно хлынувшего потока света. На земле, привязанный к веревке, лежал круглый студенческий фонарик, а рядом всхлипывал счастливый Васька.

Шум позади них разом вернул мальчишек в действительность. Ванька велел другу сидеть на месте, а сам с выключенным фонариком вновь продрался сквозь занавес из корней.

— Митя, сюда,— тихо окликнул он задыхавшуюся и цеплявшуюся за корни стены тень, следом слышалось хриплое дыхание Прохора. Ваня включил фонарик.

Казавшийся ослепительным свет выхватил каменную кладку подземелья, толстую дубовую крепь, подпиравшую низкий свод. Крепежные стойки кое-где подгнили, по белесой древесине стекали черные капли воды. Одна из прогнивших стоек, сломавшись, видимо, обрушила земляной свод на пути в Юрьев монастырь. Размышлять беглецам было некогда, слышался шум погони.

— Бежим! — прошептал Ванька и первым кинулся по коридору, Прохор, не оставляя татарам следа, спешно сматывал веревку. Цепочка беглецов стремительно уходила вверх по черному проходу. Но их преследователи, порубав корни, быстро разобрались, куда исчезли недруги. Прохор обернулся, услыша за спиной тяжелые хрипы толстого татарина, который первым кинулся в подземный ход за беглецами и первым разгадал тайну сплетенной из корней стены. Надо было задержать врага, чтобы дать мальчишкам и Мите оторваться от погони. Прохор сжал в руке меч, но размахнуться ему не дал низкий свод подземелья. Острие меча скользнуло по потолку и протаранило одну из дубовых стоек. Подрубленная

крепь потянула за собой потолочные плиты, каменный свод стал медленно оседать, послышался шум осыпающейся земли и чей-то страшный крик. Через секунду Прохора отделяла от татарина прочная земляная преграда.

Спасены! Прохор бросился вслед за друзьями.

* * *

По пыльной проселочной дороге устало шли четыре путника, двое высоких и двое поменьше. Грязные, изможденные, они едва волочили ноги. Поднявшись на бревенчатый мостик, огляделись. Не узнать было тех мест. Река, через которую они переправлялись с лошадьми, тогда глубокая, многоводная, теперь обмелела, мутной и небыстрой стала ее вода. Густой лес, через который они скакали по вырубленной просеке, был давно сведен, и по всей округе шумели высокой, перестоявшей жесткой травой луга, перемежаемые редким бродячим кустарником. Очень далеко, за недавно образовавшимся водохранилищем, белели стены Юрьева монастыря, каменные стены, возведенные уже после того, как там побывали наши путешественники.

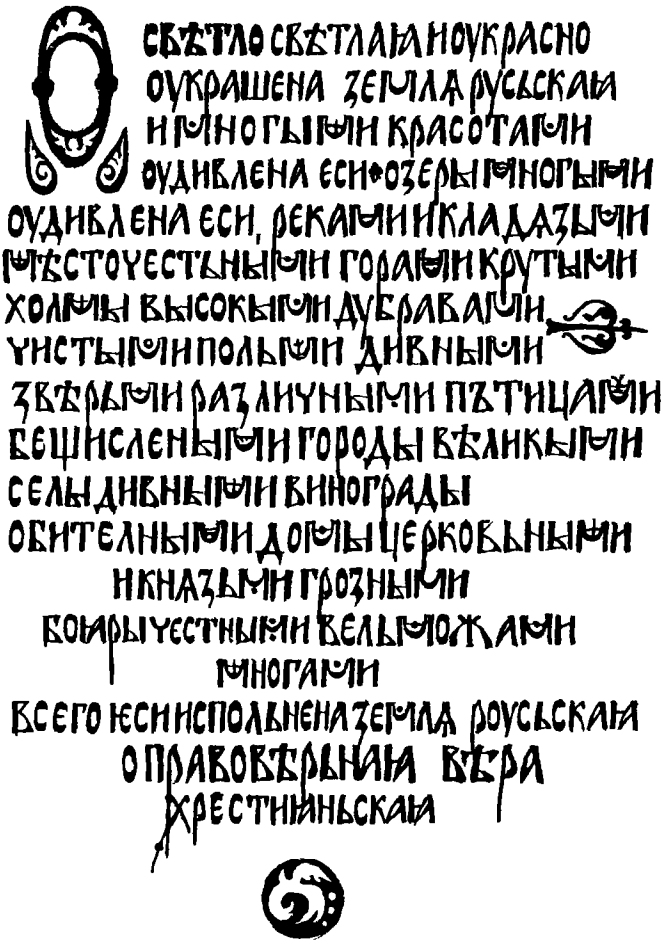
Сколько же времени прошло с тех пор? Семьсот лет или три дня? Кто из них мог ответить на этот вопрос? С трудом верилось, что все происшедшее с ними было правдой.

Взойдя на крыльцо, Ванька со страхом заглянул в сени.

— Наконец-то,— сердито встретила его бабушка.— Вецно ты к завтраку опаздываешь. А перемазался-то как! Ну цто с тобою делать прикажешь! Завтра же матери напишу! Пусть забирает неслуха!

Ворча, бабушка ушла на кухню, а Ванька, стоя в прохладе сеней, решил: «Сон это был, наваждение».

Он зашел в горницу. В красном углу под образами, на столике, лежала раскрытой древняя рукописная книга в дубовых досках. Шагнув к божнице, Ваня впился глазами в желтую истрепанную страницу с неровными, но такими красивыми буквами древнерусского устава:

Нет, это был не сон, не наваждение. Древнерусские слова легко и понятно ложились в строку, вставала перед глазами Вани увиденная им недавно Древняя Русь.

Толковникъ

Толкованье
древнерусских слов,
встретившихся Ване и Васе
в их необычайном
путешествии
в Древнюю Русь XIII века.

А

АДЪ

по учению церкви, души как праведников, так и грешников должны воскреснуть для Страшного Суда; души праведников взойдут в Царство Небесное, души грешников низвергнутся в ад. По словам Евангелия, ад представляли себе царством мрака, где грешники воют и скрежещут зубами от пожирающего их огня, который никогда не угасает, от червя, который гложет их, никогда не умирая.

АЛТАРЬ

в православном храме алтарем называется часть церкви, предназначенная для священников и отделенная от средней части церкви высоким иконостасом. В алтаре находится престо́л с положенным на нем крестом и Евангелием.

АМИНЬ

истинно, подлинно, верно и крепко.

АНГЕЛЪ
существо духовное, наделенное разумом и волей.

АНАЛОЙ
подставка для чтения богослужебных книг.

АПОСТОЛЪ
название каждого из двенадцати учеников Христа, посланных им проповедовать Евангелие.

Б

БАРМИЦА
кольчужный доспех, крепившийся к шлему и защищавший шею и плечи древнерусского воина.

БЕЗМЫТЬНО/
БЕЗМЫТНО
беспошлинно, т.е. не внося платы за право торговать на Руси.

БЕЛЕНЪ
трава белена.

БО
потому что.

БОГОБОЯЗНИНЪ
боящийся Бога.

БОРОНИТИ/
БРАНИТИ
1. мешать, препятствовать;
2. защищать.

БОРОНЬ/
БРАНЬ
1. помеха, препятствие;
2. война.

БОЯРИНЪ/
БОЛЯРЕЦЬ
на Руси в древности бояре были старшими членами княжеской дружины. Они служили князю по своей воле, свободно переходили от одного князя к другому. Они получали за службу доход с части княжеских владений.

БРОДЬНИКЪ/
БРОДНИКЪ
разбойник.

БЫВАТИ
бывать, существовать, становиться; БЫВАШЕ – бывало, имперфект, 3 л. ед. ч.

ВАПА

краска.

ВЕВЕРИЦА

белка.

ВЕЛЬМИ/
ВЕЛМИ

очень, в большой степени.

ВЕРЕДИТИ/
ВРѢДИТИ

повреждать.

ВИДѢТИ

видеть, смотреть;
ВИДѢ - он видел, аорист, 3 л. ед.ч.;
ВИДЕША - они видели, аорист, 3 л. мн. ч.

ВОИ

войско.

ВОЛОСТЬ/
ВЛАСТЬ

1.власть;
2.страна, земля, находящаяся под княжеской властью.

ВОЛОСЪ/
ВЛАСЪ

волос.

ВОРОБИИ/
ВРАБИИ

воробей.

ВОРОГЪ/
ВРАГЪ

враг, противник.

ВОРОНЪ/
ВРАНЪ

ворон.

ВЪБОРЗѢ/
ВБОРЗѢ

быстро.

ВЪЗЛЕЛѢЯТИ

взрастить, вскормить, воспитать.

ВЪЗЯТИ

взять;
ВЪЗЯ – он взял, аорист, 3 л.ед.ч.;
ВЪЗЯША – они взяли, аорист, 3 л.мн.ч.;
ВЪЗЬМИ – возьми, повелительное наклонение, 2 л. ед.ч.

ВЪЗЯТИ РУКЫ
поднять руку на кого-либо.

ВЪКУПѢ/ВКУПѢ
вместе.

ВЪЛКЪ/ВОЛКЪ
волк; ВЪЛЦИ — множественное число от слова ВЪЛКЪ.

ВЪЛѢЗТИ/ ВЛѢЗТИ
войти; ВЪЛѢЗОША — они вошли, аорист, 3 л. мн. ч.

ВЪНЕЗАПУ/ ВНЕЗАПУ
внезапно, неожиданно.

ВЪНИТИ/ ВНИТИ
войти;
ВНИДЕ - он вошел, аорист, 3 л. ед. ч.;
ВНИДОША — они вошли, аорист, 3 л. мн. ч.;
ВНИДИ — войди, повелительное наклонение, 2 л. ед. ч.

ВЪНѢ
за пределами чего-либо.

ВЪПАСТИ/ ВПАСТИ
впасть, попасть; ВЪПАДЕ ВЪ НЕДУГЪ — он заболел, аорист, 3 л. ед. ч.

ВЪСАДИТИ
посадить.

ВЪСКОРѢ
скоро, недавно.

ВЪСКРЕСНУТИ
восставать из мертвых, возвращаться от смерти снова к жизни; ВЪСКРЕСЕ — он воскрес, аорист,3 л. ед.ч.;

ВЪСПРИЯТИ
принять;
ВЪСПРИЯ — он принял, аорист, 3 л. ед. ч.;
ВЪСПРИЯША — они приняли, аорист, 3 л. мн. ч.

ВЪСПЯТИТИ
возвратить, возвратиться; ВЪСПЯТИША — они возвратились, аорист, 3 л. мн. ч.

ВЪСТРЕПЕТАТИ
вздрогнуть, ВЪСТРЕПЕЩИТЕ — вздрогните; повелительное наклонение, 2 л. мн. ч.

ВѢДѢТИ

знать;
ВѢДѢ – он знал, аорист, 3 л. ед. ч.;
ВѢДОША – они знали, аорист, 3 л. мн. ч.

ВѢСТО

известно; БУДИ ТИ ВѢСТО – да будет тебе известно.

ВѢСТЬ

известие, извещение.

ВѢЩИИ

сведущий, мудрый, знающий то, что другим не дано знать.

ВѢЧЕ

народное собрание в Древней Руси.

ВѢЧЬНИКЪ/
ВѢЧНИКЪ

русич, имеющий право голоса в вече.

Г

ГЛАГОЛАТИ

говорить;
ГЛАГОЛА – он говорил, аорист, 3 л. ед. ч.;
ГЛАГОЛАША – они говорили, аорист, 3 л. мн. ч.;
ГЛАГОЛИ – говори, повелительное наклонение, 2 л. ед. ч.

ГОДИНА

время, час.

ГОДѢ

угодно, приятно.

ГОЛОВА/ГЛАВА

голова.

ГОЛУБЫИ

светло-серый, голубой.

ГОРОДИЩЕ

крепость, укрепленное стенами место.

ГОРОД/ГРАДЪ

город, укрепление.

ГОРТАНЬНАЯ
ПЕЧАЛЬ

болезнь горла.

ГРАМОТА

письмена, азбука.

ГРАМОТА/
ГРАМОТИЦА/
ГРАМОТЪКА

письмо, деловая бумага, записка.

ГРИВЪНА/
ГРИВНА
1. денежная единица; 2. ожерелье, кольцо.

ГРИДЬ/ГРИДИНЪ
воин княжеский.

ГРОБЪ
могила, гробница, гроб.

ГРѢХЪ
поступок, противный закону Божию, вина перед Господом.

ГУГНИВО
косноязычно.

Д

ДАЖДЬБОГЪ/
ДАЖЬБОГЪ
славянский языческий бог, бог солнца.

ДАНЬ
подать, повинность, плата князю от подвластных ему крестьян.

ДАТИ
дать;
ДАСТЬ – он дал, аорист, 3 л. ед. ч.;
ДАША – они дали, аорист, 3 л. мн. ч.;
ДАЖЬ/ДАЖДЬ – дай, повелительное наклонение, 2 л. ед. ч.

ДАЯТИ
давать;
ДАЯШЕ – он давал, имперфект, 3 л. ед. ч.;
ДАЯХУ – они давали, имперфект, 3 л. мн. ч.

ДЕСНЫЙ
правый.

ДИВЬНО/
ДИВЬНѢ
удивительно.

ДОБРО/ДОБРѢ
хорошо.

ДОКОЛѢ/ДОКОЛЕ
до каких пор.

ДОСАДИТИ
оскорбить.

ДОСТОЯНИЕ/
ДОСТОЯНЬЕ
владенье, имущество.

ДРУЖИНА
ближайшие люди князю, княжеское постоянное войско.

ДЕРЕВО/ДРЪВО
: дерево.

ДЪЧИ/ДОЧИ/ДЪЩИ
: дочь.

ДЪТИНЬЦЬ/ДЪТИНЕЦЬ
: внутренняя крепость в древнерусском городе.

ДЪТЬСКЫИ
: отрок княжеский.

ДЪЯТИ
: делать; ДЪЯХУ — они делали, имперфект, 3 л. мн. ч.

Е

ЕВАНГЕЛИЕ
: учение Господа о Царстве Божием, благая весть, первая и главнейшая часть Нового Завета, состоящего из Четвероевангелия, Посланий и Деяний Апостолов и Апокалипсиса. Слово Божье о жизни, деяниях и учении Господа нашего Иисуса Христа.

ЕЖЕ
: 1. что; 2. который, которое.

ЕДИНОВЪРЬНИКЪ
: человек одной с кем-либо веры.

ЕПИСКОПЪ
: глава, начальник церкви какой-либо древнерусской земли.

Ж

ЖАЖА/ЖАЖДА
: жажда.

ЖАЛОВАТИ
: жалеть, щадить.

ЖЕНА
: женщина, жена.

ЖИВОТЪ
: жизнь.

ЖИДЪ
: еврей.

ЖИРОВАТИ
: жить, находиться, оставаться в благополучии.

ЖИТО
: хлеб.

ЖРЕЦЬ
здесь: человек, исполняющий нехристианские обряды для общения с Богом, иудейский священник.

ЖЬРТВА/ЖЕРТВА
приношение даров Богу в знак поклонения ему.

ЖАТИ ЖИТО
собирать хлебный урожай.

З

ЗАЖИТЬНИКЪ/ЗАЖИТНИКЪ
человек, заготавливающий съестные припасы для военных походов.

ЗАТВОРИТИ СЯ
запереться, скрыться;
ЗАТВОРИША СЯ - они скрылись, аорист, 3 л. мн. ч.

ЗВЪРЬЕ ДИВИЕ
дикие звери.

ЗЕЛИЕ/ЗЕЛЬЕ
лекарство.

ЗНАМЕНИЕ/ЗНАМЕНЬЕ
1. знак, указание; 2. чудо.

ЗЪВАТИ/ЗВАТИ
звать, призывать к себе.

И

ИГУМЕНЪ
настоятель монастыря.

ИДОЛЪ
изображение языческого бога.

ИЗБЫТИ
спастись, избавиться.

ИЗГОНИТИ
выгнать.

ИЗГУБИТИ
погубить; ИЗГУБИША — они погубили, аорист, 3 л. мн. ч.

ИЗНЕМАГАТИ
терять силу.

ИЗЪДАТИ
съедать.

ИКОНА

образ, изображение лика Господа Иисуса Христа, Небесных Сил и угодников.

ИКОНОСТАСЪ

стена в православном храме, отделяющая алтарь от средней части церкви; на иконостасе устанавливаются иконы.

ИМАТИ

брать.

ИМЂНИЕ/
ИМЕНЬЕ

имущество, собственность.

ИСКУПИТИ

1. купить; 2. искупить вину, получить прощение.

ИСКУШЕНИЕ/
ИСКУШЕНЬЕ

испытание, соблазн.

ИСТЕРЯТИ

потерять, погубить.

ИСТУЖЬНИЦИ

дань князю, выплачиваемая крестьянами «из туги», т.е. по силе, по возможности.

ИСТЬБА/
ИСТЪБЪКА/
ИСТОБКА

изба.

ИСЦЂЛЯТИ

лечить.

ИТИ

идти;
ИДЕ - он шел, аорист, 3 л. ед. ч.;
ИДОША – они шли, аорист, 3 л. мн. ч.;
ИДЯШЕ – он шел, имперфект, 3 л. ед. ч.;
ИДЯХУ – они шли, имперфект, 3 л. мн. ч.;
ШЪДЪ/ШЕДЪ – идя, причастие действительного залога, прошедшего времени, м.р., ед. ч.

ИЩЕЗНУТИ

исчезнуть, пропасть;
ИЩЕЗЕ – он исчез, аорист, 3 л. ед. ч.

К

КАДЬ

кадка, деревянный сосуд из досок, скрепленных обручами.

КАЗНИТИ
наказывать.

КАЗНЬ
наказание, насильственное лишение жизни.

КАКО
как.

КЕЛЬЯ
комната монаха.

КИНОВАРЬ
ярко-красная краска.

КЛѢТЬ
1. нижний хозяйственный этаж; 2. комната в доме.

КЛЮЧЬ
КЛѢТЬНЫИ
запор, засов.

КОВЫЛА
трава ковыль.

КОНЬЦЬ/
КОНЕЦЬ
1. конец; 2. часть города.

КОПОУШКА
костяной стерженек для чистки уха.

КОРСУНЬ
греческий город Корсунь.

КОРСУНЯНЕ
жители города Корсуня.

КОСИТИ
косить (сено).

КРАСОТА
украшение.

КРЕСТНОЕ
ЗНАМЕНИЕ
изображение креста жестами руки, символическое положение на себя креста, знамение креста.

КРОПИВА
крапива.

КРѢПЪКО/
КРѢПКО
мужественно, твердо.

КУБАРА
корабль.

КУКОЛЬ
СВѢРѢПИЦА
трава.

КУМЪ, КУМА

крестный отец ребенка, крестная мать ребенка, доводятся кумовьями родителям этого ребенка и друг другу.

КУНА

шкурка куницы, имевшая значение денег.

КУПИТИ

купить;
КУПЛЯШЕ — он купил, имперфект, 3 л. ед. ч.
КУПЛЯХУТЬ — они купили, имперфект, 3 л. мн. ч.

КЪГДА

когда.

КЪДѢ/КДѢ/ГДѢ

где.

КЫИ, КАЯ, КОЕ

какой, какая, какое.

Л

ЛАЗУРЬ

голубая или синяя краска.

ЛАНИТА

щека.

ЛИХО

зло.

ЛИХЫИ

печальный, дурной, злой.

ЛУКАВЫИ

дьявол, сатана, злой дух.

ЛУКЪ

оружие для пускания стрел,
ЛУЦИ — множественное число от слова ЛУКЪ.

ЛУЧЕ/ЛУЧЬШЕ/ЛУТЧЕ

лучше.

ЛЪБЪ/ЛОБЪ

череп, голова.

ЛЪГАТИ/ЛГАТИ

лгать.

ЛЪЖЬ/ЛОЖЬ

ложь, неправда.

ЛѢНОСТЬ

лень.

ЛЬСТЬ/ЛЕСТЬ

обман, хитрость.

ЛѢТОСЬ
здесь: в этот год, в это лето.
ЛЮДИЕ/ЛЮДИ
люди.
ЛЮТЪ
злой, свирепый.
ЛЯДИНА
здесь: мелкий березовый лес.

М

МАЛЫЙ
небольшой.
МАТИ
мать.
МОКОШЬ
богиня у древних славян-язычников, богиня земли.
МОЛОДОСТЬ/
МЛАДОСТЬ
молодость.
МОЛОКО/МЛѢКО
молоко.
МОНИСТА
украшение из бус или монет, ожерелье.
МОРЪ
мор, повальная смерть;
МОРОВЕ – множественное число от слова МОРЪ.
МОЧЬНО/МОЧНО
можно.
МУЖЬ
мужчина, человек.
МУЧЕНИКЪ
церковь именует так потерпевших до смерти за Христа.
МѢХЪ
мешок.
МЫТО
плата, подать, торговая пошлина.
МЬЗДА/МЗДА
мзда, награда, дар, подкуп.
МЯСТИ СЯ
бунтовать, волноваться;
МЯТОША СЯ – они волновались, аорист, 3 л. мн.ч.
МЯТЬЛЬ/МЯТЕЛЬ
плащ.

Н

НАДОБѢ
необходимо.

НАИТИ
найти.

НАПАСТЬ
беда, несчастье.

НАРОЧИТАЯ ЧАДЬ
именитые люди.

НАСУНУТИ
проткнуть, пронзить;
НАСУНУША — они пронзили, аорист, 3 л. мн. ч.

НАЧАТИ
начать;
НАЧА — он начал, аорист, 3 л. ед. ч.
НАЧАША — они начали, аорист, 3 л. мн. ч.

НЕДРУГЪ
враг, неприятель.

НЕДУГЪ
болезнь.

НЕДУЖЬНЫИ/ НЕДУЖНЫЙ
больной.

НЕМОЧЬ/ НЕМОЩЬ
болезнь, слабость.

НОГАТА
денежная единица Древней Руси, равная 1/20 гривны.

НОЧЬ/НОЩЬ
ночь.

НѢМЬЦЬ/ НѢМЕЦЬ
человек, говорящий неясно, непонятно.

НѢМЬЦИ/ НѢМЦИ
название всякого чужого народа, язык которого непонятен русичам, иностранцы.

НѢМЬЧИНЪ
немец.

НѢМЬЧЬСКЫИ/ НЕМЬЧЬСКЫИ
немецкий, германский.

НѢСТЬ, НѢСИ, НѢСТЬ
формы настоящего времени от глагола БЫТИ с отрицанием НЕ.

НѢТУ/НѢТУТЬ
нет.

НЫНѢ
теперь.

О

ОБИДѢТИ
относиться несправедливо, обижать;
ОБИДѢША - они обидели, аорист, 3 л. мн. ч.

ОБИЛИЕ/ОБИЛЬЕ
урожай, хлеб на корню.

ОБЛАЧИТИ СЯ
одеться.

ОБРѢТАТИ СЯ
находиться, оказываться;
ОБРѢТОХОМЪ СЯ — мы оказались, аорист, 1 л. мн. ч.

ОБРѢТАТИ
находить;
ОБРѢТОША — они нашли, аорист, 3 л. мн. ч.

ОВОЧЬ/ОВОЩЬ
овощ.

ОВЬСЪ/ОВЕСЪ
овес, хлебное колосовое растение.

ОДЕЖА/ОДЕЖДА
одежда.

ОДѢВАТИ СЯ
одеваться.

ОДИНЪ/ЕДИНЪ
один.

ОЖЕ
что, чтобы, если.

ОЗЕРО/ЕЗЕРО
озеро.

ОКАЯНЫЙ
жалкий, проклятый.

ОКО
глаз;
ОЧИ — множественное и двойственное число от слова ОКО.

ОЛЕНЬ/
ЕЛЕНЬ
олень.

ОПРАВЛИВАТИ
СУДЪ
судить, разбирать дело.

ОРАТИ
пахать.

ОСЕНИНА
осеннее время.

ОСОТЪ
трава осот.

ОСТАТИ СЯ
остаться;
ОСТАША СЯ — они остались, аорист, 3 л. мн. ч.

ОТАИ
тайно, скрытно.

ОТЪВЕСТИ
увести, прекратить.

ОТКОЛЂ/
ОТКОЛЕ
откуда.

П

ПАВОЛОКА
дорогая тонкая ткань.

ПАЛИЦА
палка.

ПАПОРОТЪ
трава папоротник.

ПЕРЕДЪ
1. передняя часть, то, что впереди другого;
2. передовой отряд в древнерусском войске.

ПЕРЕДЪГОРОДИЕ
часть города вне укреплений, предместье.

ПЕРЕПРАВИТИ СЯ
переехать, переплыть через реку.

ПЕРЕЯТИ
перехватить, завладеть;
ПЕРЕЯ — он завладел, аорист, 3 л. ед ч.;
ПЕРЕЯША — они завладели, аорист, 3 л. мн. ч.

ПЕРУНЪ
бог грома и молнии у древних славян-язычников.

ПЛАКАТИ СЯ
плакать;
ПЛАКАША СЯ – они плакали, аорист, 3 л. мн. ч.

ПОВАРЪНЯ/ ПОВАРНЯ
кухня.

ПОВИТИ
воспитать, взрастить; ПОВИТЪ – взращен, воспитан, причастие страдательное, прош. времени, м. р., ед. ч.

ПОВОИ
женский головной убор.

ПОВОИНИКЪ
женский головной убор.

ПОВѢСТЬ
сказание.

ПОГАНЫИ
язычник.

ПОГРЕБЪ
здесь: темница, тюрьма.

ПОГЫБНУТИ
погибнуть, лишиться жизни.

ПОДВОРИЕ/ ПОДВОРЬЕ
дом с двором и дворовыми постройками.

ПОДОБИЕ/ ПОДОБЬЕ
вид.

ПОЖЬДАТИ/ ПОЖДАТИ
подождать.

ПОЗНАТИ
узнать;
ПОЗНАХЪ – я узнал, аорист, 1 л. ед. ч.

ПОЗЬРѢТИ/ ПОЗРѢТИ
посмотреть, взглянуть;
ПОЗЬРИ – посмотри, повелительное наклонение, 2 л. ед. ч.

ПОИМАТИ
взять.

ПОКЫНУТИ
оставить, бросить.

ПОЛАТА
дом, дворец, палаты.

ПОЛКЪ

полк, войско.

ПОЛОНИТИ/ ПЛѢНИТИ

пленить, взять в плен.

ПОЛОНЕНЫИ

пленный.

ПОЛОНЪ/ПЛѢНЪ

плен, рабство.

ПОЛЮДИЕ/ ПОЛЮДЬЕ

1. дань, подать, собиравшаяся с народа; 2. княжеские объезды для собирания дани и суда.

ПОМРАЧИТИ СЯ УМОМЬ

сойти с ума, перестать понимать.

ПОНЕВА

юбка, женское платье.

ПОПЛѢНИТИ

захватить, завладеть;
ПОПЛѢНИША — они захватили, аорист, 3 л. мн. ч.

ПОПРАТИ

потоптать;
ПОПРАХЪ — я потоптал, аорист, 1 л. ед. ч.

ПОПЪ

священник.

ПОРТЪ

кусок ткани, одежда.

ПОРУБЪ

темница, тюрьма.

ПОРЯДЪ

порядок.

ПОСАДЬНИКЪ/ ПОСАДНИКЪ

князем назначенный правитель города в Древней Руси.

ПОСТАВЪ

здесь: кусок ткани определенной меры.

ПОТЯГНУТИ

подвигнуться;
ПОТЯГНЕМЪ — подвигнемся, повелительное наклонение, 1 л. мн. ч.

ПОХЫТИТИ

схватить.

ПОЧЬТО/ПОЧТО
зачем, почему.

ПОЪХАТИ
поехать, отправиться.

ПРИЗЪВАТИ/ ПРИЗВАТИ
позвать, призвать;
ПРИЗВАША — они призвали, аорист, 3 л. мн. ч.

ПРИИТИ/ПРИТИ
подойти, прибыть;
ПРИДЕ — он пришел, аорист, 3 л. ед. ч.;
ПРИДОША — они пришли, аорист, 3 л. мн. ч.

ПРИНУДИТИ
заставить;
ПРИНУДИ — он заставил, аорист, 3 л. ед.ч.

ПРИОБИДЪТИ
обижать, оказывать неуважение.

ПРИСНО
вечно, истинно.

ПРИЯТИ
принять; ПРИЯ — он принял, аорист, 3 л. ед. ч.

ПРОБОСТИ
проколоть, пронзить; ПРОБОДОША — они пронзили, аорист, 3 л. мн. ч.

ПРОЗЬРЪТИ/ ПРОЗРЪТИ
исцелиться от слепоты; ПРОЗРЪ — он прозрел, аорист, 3 л. ед. ч.

ПРѢДАТИ СЯ
сдаться.

ПРѢДАТИ
передать, отдать во власть.

ПРѢДАНИЕ/ ПРѢДАНЬЕ
предательство, измена.

ПРѢМѢНИТИ
изменять, переменить.

ПРѢМѢНИТИ СЯ
измениться.

ПУЩАТИ
посылать, пускать, выпускать.

ПЬРВЕЕ/ ПЕРВЕЕ
сначала, прежде.

ПЬРСИ/ПЕРСИ
грудь.

ПЬСЪ/ПЕСЪ
пес, собака.

Р

РАЗБОЛѢТИ СЯ
заболеть, расхвораться; РАЗБОЛѢ СЯ – он заболел, аорист, 3 л. ед. ч.

РАЗУМѢТИ/
РОЗУМѢТИ
понять.

РАИ
место вечного блаженства людей, праведно проживших жизнь.

РАСПЯТИ
древний способ казни, пригвоздить ко кресту, предать страданию. Распятием был предан смерти Господь наш Иисус Христос.

РЕЧИ/РЕЩИ
говорить, сказать;
РЕЧЕ – он сказал, аорист, 3 л. ед. ч.;
РЕКОША – они сказали, аорист, 3 л. мн.ч.;
РЬЦИ – скажи, повелительное наклонение, 2 л. ед. ч.

РИЗА
одежда.

РОДЪ
название божества древних славян-язычников.

РОЖАНИЦА
божество древних славян-язычников.

РОЗЛЮБИЕ/
РОЗЛЮБЬЕ
несогласие, вражда.

РУБЪ
кусок ткани.

РУКАВИЦИ
ПЕРСТОВЫЯ
перчатки.

РѢЗАНА
мелкая денежная единица в Древней Руси.

РѢПА
корневой овощ, репа.

РЪЖЬ/РОЖЬ
хлебное колосовое растение, рожь.

РЫСКАТИ
быстрее бежать, носиться, скакать.

С

СВЕКЪРЪ
свекр, отец мужа в отношении к жене своего сына.

СВЕКРЫ
свекровь, мать мужа в отношении к жене своего сына.

СВОБОДИТИ
дать свободу.

СВОБОДИТИ СЯ
освободиться.

СВѢЧА/СВѢЩА
свеча.

СКОРБѢТИ
печалиться.

СЛОБОДА
поселок.

СЛОБОЖАНИНЪ
житель слободы.

СМѢРИТИ СЯ
покориться; СМѢРИ СЯ — он покорился, аорист, 3 л. ед. ч.

СОРОМЪ/СРАМЪ
срам, стыд.

СОРОЧЬКА/
СОРОЧКА
нижняя рубаха.

СЪРЕБРЬНИКЪ/
СРЕБРЬНИКЪ
серебряная монета, денежная единица у древних евреев.

СТАВИТИ
ставить, строить.

СТАНЪ
стоянка, лагерь.

СТАРОСТА
управитель.

СТОЛЪ
престол;
СѢДЕТИ НА СТОЛѢ — быть государем.

СТОРОЖИ
передовой отряд, сторожевой отряд в древнерусском войске.

СТОРОНА/
СТРАНА
сторона.

СТОЯТИ
стоять, пребывать; СТОЯХУ — они стояли, имперфект, 3 л. мн. ч.

СТУПАТИ
ходить, ступать.

СУДЪ
разбор дела, дознание виновности.

СУХОТА
болезнь.

СЪБЛЮСТИ/
СБЛЮСТИ
сберечь, сохранить, исполнить;
СЪБЛЮДЕ — он сберег, аорист, 3 л. ед. ч.;
СЪБЛЮДОША — они сберегли, аорист, 3 л. мн. ч.

СЪБЬРАТИ/
СОБРАТИ
собрать.

СЪВЪДОМЪ/
СВЪДОМЪ
известный, знаменитый.

СЪВЪДАТИ
знать.

СЪВЪТЪ
совет.

СЪВЯЗАТИ/
СВЯЗАТИ
связать; СВЯЗАША — они связали, аорист, 3 л. мн.ч.

СЪГРЪШИТИ
СОГРЪШИТИ
провиниться перед Богом.

СЪКАЗАТИ/
СКАЗАТИ
сказать, сообщить.

СЪМЯСТИ СЯ/
СМЯСТИ СЯ
быть в смятении, испугаться; СМЯТОША СЯ — они испугались, аорист, 3 л. мн. ч.

СНИТИ
сойти;
СНИДЕ — он сошел, аорист, 3 л. ед. ч.;
СНИДОША — они сошли, аорист, 3 л. мн.ч.

СЪДЕ/СДЕ
здесь.

СѢДѢТИ/СИДѢТИ
сидеть.

СѢНИ
холодная часть жилого дома у входа.

СѢНО
ПОСѢЧЕНО
скошенная трава.

Т

ТЕЛѢГА
повозка на колесах.

ТЬЩА/ТЕЩА
теща, мать жены в отношении к мужу.

ТИУНЬ/ТИВУНЬ
здесь: правитель в городе, ведущий судебные дела, назначаемый князем.

ТУГА
печаль, горе, беда.

ТУЛЪ
колчан для стрел.

ТРАПЕЗА
обед, питание.

ТРАПЕЗЬНИЦА
здесь: отдельное здание для еды в монастырях.

ТРЯСЦА
болезнь.

ТЪКМО
только.

ТЪРГЪ/
ТОРГЪ
1. базар, торговля; 2. торговая площадь.

ТЬСТЬ/ТЕСТЬ
тесть, отец жены.

У

УБОЯТИ СЯ
убояться, устрашиться; УБОЯША СЯ — они устрашились, аорист, 3 л. мн. ч.

УБРУСЪ
платок, полотенце.

УВѢРИТИ СЯ
поверить.

УЖИКЪ
родственник.

УМЬРЕТИ/
УМРЕТИ
умереть; УМРЕ — он умер, аорист, 3 л. ед.ч.

УНЫЙ
юный, молодой.

УПРАВИТИ
ДѢЛО
сделать дело.

УПОМНИТИ
вспомнить.

УПРОСИТИ
спросить.

УСТРОИТИ
сделать, установить, соорудить;
УСТРОИ — он устроил, сделал, аорист, 3 л. ед. ч.

УЦѢЛѢТИ
спастись.

УЧИНИТИ
сделать, совершить, устроить.

УШКУЙНИКЪ
разбойник, ходивший на ушкуях (суднах).

Х

ХВАТИТИ
схватить.

ХОДЪ
ход, движение.

ХОДЬБИЩЕ
место, где ходят.

ХОРОМЪ/ХРАМЪ
жилое строение, дом.

ХОРУГВЬ
священное знамя церкви в Древней Руси.

ХОТѢТИ
желать, хотеть; ХОТѢ — он хотел, аорист, 3 л. ед. ч.

ХРИСТОЛЮБИ-
ВЫЙ
любящий Христа.

ХУДОИ
плохой, рваный.

Ц

ЦАРСКИЯ ВРАТА
двери в церкви, в середине иконостаса, ведут к престолу.

ЦѢЛИТИ
лечить, врачевать.

ЦѢЛЬБА/
ЦѢЛБА
1. лекарство; 2. исцеление.

ЦЬРКЫ/ЦЕРКЫ/
ЦЕРКЪВЬ
церковь, христианский храм.

Ч

ЧАДО
дитя, сын или дочь.

ЧАДЬ
люди.

ЧЕЛО
1. лоб; 2. передняя часть ратного строя.

ЧЕЛОВѢКЪ/
ЧЛОВѢКЪ
человек.

ЧЕРНАЯ
КРУЧИНА
болезнь.

ЧЕРНЫЕ ЛЮДИ
крестьяне, простой народ.

ЧЕРНЬЦЬ/
ЧЕРНЕЦЬ
монах, человек, живущий в монастыре, посвятивший свою жизнь служению Господу.

ЧЮЖЕЗЕМЬЦЬ/
ЧЮЖЕЗЕМЕЦЬ
иностранец, житель другой страны.

Ш

ШЕЛОМЪ/
ШЛЕМЪ
шлем, воинский головной убор из металла.

ШИЯ
шея.

ШУИИ
левый.

ШУРИНЪ
брат жены.

Ѣ

ѢХАТИ
ехать, отправиться.

Я (Ѧ)

Я/АЗЪ/ЯЗЪ
я (местоимение).

ЯГНЯ/АГНЕЦЬ
ягненок.

ЯЗЫКЪ
1. язык; 2. народ.

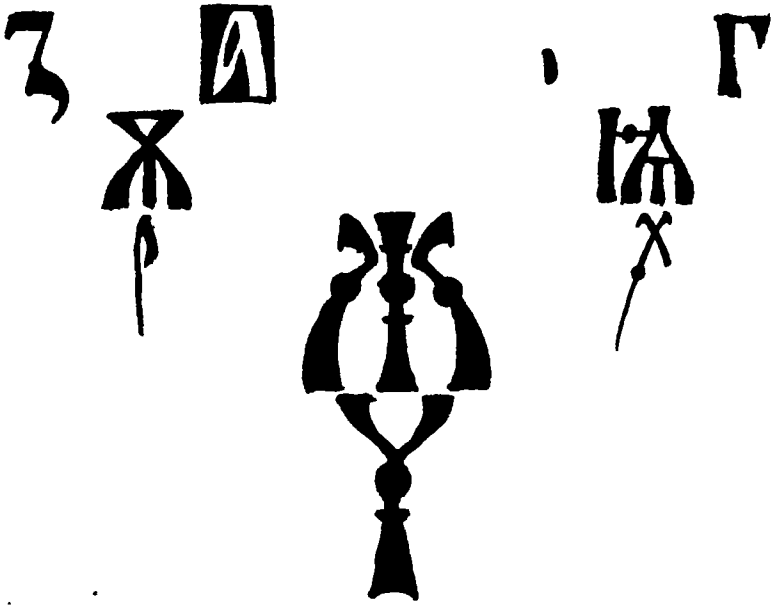
ЯРУГА
овраг.

ЯРЬ-МЕДЯНЪКА
зеленая краска.

ЯСТИ
есть, принимать пищу.

ЯТИ
взять, схватить; ЯША — они схватили, аорист, 3 л. мн. ч.

КРАТКАЯ ГРАММАТИКА ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

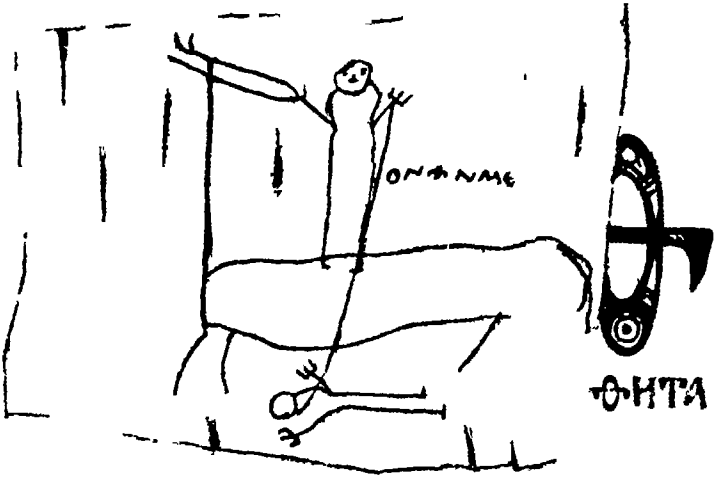

КНИЖНЫЕ СЛОВА ГРАДЪ ГЛАВА СВѢЧА

НЕКНИЖНЫЕ СЛОВА ГОРОДЪ ГОЛОВА СВѢЧА

Древнерусский язык — это язык древних русичей, населявших государство Русь в VIII—XIV веках. Этот язык был прародителем языков трех близкородственных славянских народов — русских, украинцев, белорусов.

I. ДРЕВНЕРУССКАЯ АЗБУКА

Древнейшие памятники письменности древнерусского языка датируются серединой XI в. — это рукописные книги, пергаменные и берестяные грамоты, надписи на камне. Азбуку древние русичи получили, когда в 988 году на Русь вместе с христианством были принесены церковные книги на славянском языке — Евангелие, Апостол, Псалтырь, проповеди и поучения учителей церкви. Азбука эта называлась «кириллицей» по имени создателя азбуки славянского первоучителя IX века Константина (Кирилла) Философа.

Вот перечень и названия букв кириллицы:

Графическое изображение буквы	Название буквы	Изображение числа
А	азъ	1
Б	букы	
В	вѣди	2
Г	глаголь	3
Д	добро	4
Е	есть	5
Ж	живете	
S	зѣло	6
Z	земля	7
И	иже	8
І	и	10
К	како	20
Л	люди	30

М	мыслете	40
Н	нашь	50
О	онъ	70
П	покои	80
Р	рьцы	100
С	слово	200
Т	твердо	300
У	укъ	400
Ф	фертъ	500
Х	херъ	600
Ѡ	омега	800
Ц	цы	900
Ч	червь	90
Ш	ша	
Щ	ща	
Ъ	еръ	
Ы	еры	
Ь	ерь	
Ѣ	ять	
Ю		
Ꙗ		
Є		
Ѧ	юсъ малый	
Ѫ	юсъ большой	
Ѯ	кси	60
Ѱ	пси	700
Ѳ	фита	9
Ѵ	ижица	

Не все эти буквы соответствовали звукам древнерусского языка. Так, «юсъ малый» и «юсъ большой» были созданы для обозначения носовых гласных, а такие гласные в древнерусском языке были утрачены до IX века. Поэтому буква «юсъ малый» стала замещать букву Я, а буква «юсъ большой» — букву «укъ». Две буквы «онъ» и «омега» обозначали один и тот же звук (о). Двумя буквами «зѣло» и «земля» обозначался звук (з). Для звука (и) было тоже две буквы — І и И. Со временем утратились гласные звуки Ъ и Ь, однако на письме буквы, обозначавшие эти звуки, сохранялись очень долго.

Были в кириллице буквы, созданные для слов, заимствованных из греческого языка. Эти буквы обозначали звуки, которые существовали в греческом языке, но отсутствовали в древнерусском. «Фита» и «фертъ» предназначались для звука (ф).

Такого звука в древнерусском языке не было, зато он встречается в именах, заимствованных из греческого языка: Филиппъ, Феофанъ, Ѳеодоръ и др., ѯ, ѵ — «кси» и «ижица» — это тоже буквы для заимствованных слов: Евпраѯия, Евангелие.

В Древней Руси буквами кириллической азбуки обозначались также и цифры. (См. таблицу букв.) Чтобы не спутать число со словом, по обе стороны от числа ставились точки, а над числом надписывался знак ~, который назывался «титло». Так, число 29 в буквенном изображении выглядело так: · К̃Ѳ̃ ·. Число 15 обозначали буквы · Ѣ̃І̃ ·, а число 381 могло быть обозначено так: · Т̃П̃А̃ ·.

На Руси было принято летосчисление «от сотворения мира», то есть время отсчитывалось от того момента, когда (по библейской легенде) Бог создал мир. В настоящее время мы пользуемся летосчислением «от Рождества Христова», то есть ведем отсчет лет с той поры, когда родился Иисус Христос. Переход от древнерусского летосчисления, принятого в древнерусских летописях и других книгах, к современному осуществляется следующим образом: от древнерусской даты отнимаем число 5508 — столько лет, согласно Библии, прошло от сотворения мира до Рождества Христова — получаем дату древнерусского события в современном летосчислении. Например, в летописи год Невской битвы означен как 6748. Чтобы получить дату Невской битвы в современном летосчислении, производим следующее действие: 6748–5508=1240 год.

1. Прочитай слова: Ѳараонъ, Евангелие, тѧгота, ѿгнь, пѫть.
2. Как называются эти буквы: Ѵ, Ѯ, І, Ѱ, Ѡ, Ѳ, Ѧ, Ѫ.
3. Какие из этих слов обозначают одно и то же: ѧзыкъ, умъ, земля, миръ, ѫмъ, земля, міръ, ꙗзыкъ.
4. Напиши по-древнерусски числа: · Ѳ̃ · лѣтъ; · І̃ · — десѧть вьрстъ.
5. Переведи буквенное обозначение числа в цифровое: «А за корову даю · Л̃ · кунъ», «Кнѧзь владееть тою землею · ДІ̃ · лѣтъ».
6 Древнерусские летописцы указывают, что Куликовская битва произошла в 6888 году от сотворения мира. Как записать дату Куликовской битвы в современном летосчислении от Рождества Христова?
7. Известно, что Древняя Русь приняла Крещение в 988 году. Под каким годом

древнерусский летописец внес известие о Крещении Руси в летопись?

II. ЗВУКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

1. Древнерусский язык до появления памятников письменности имел 11 гласных звуков: Э, И, Ы, У, Ѫ, Ѧ, Ъ, Ь, Ѣ, О, А. Постепенно некоторые гласные утрачивались. Как это могло произойти? Несколько древних гласных как бы примерили на себя наряды других гласных звуков, да так до сих пор в этих нарядах — в чужом звуковом обличье — и щеголяют.

Таковы звуки Ѣ (буква, обозначавшая его, называлась «ять»), носовые гласные О и Э. Буквы, обозначавшие в глубокой древности эти звуки, назывались «юс большой» и «юс малый», а сами звуки произносились как О и Э, но только «в нос», то есть сопровождались «носовым призвуком».

Потерял древнерусский язык и звуки Ъ и Ь (буквы, обозначавшие эти звуки, назывались «еръ» и «ерь»). Утрата названных гласных звуков в древнерусском языке проходила в течение долгого времени.

2. К середине X века древнерусский язык утратил носовые гласные: О-носовой изменился в У: МѪЖЬ—МУЖЬ, ГОЛѪБЬ—ГОЛУБЬ, РѪКА—РУКА. Э-носовой преобразовался в А: ПѦТЬ—ПЯТЬ, ДЕСѦТЬ—ДЕСЯТЬ. В правописании «юс малый» еще долго использовался в Древней Руси, но звук, который он обозначал, уже не был носовым. Носовые звуки утратились, однако память о древних носовых гласных хранят некоторые слова русского языка, родственные тем, что когда-то имели носовые звуки. В таких словах на месте бывшего носового гласного представлено сочетание гласного звука с носовым согласным Н: ЗВУКЪ—ЗВОНЪ, НАЧАТИ—НАЧЬНЕШИ, ЖАТИ—ЖЬНЕШИ.

3. В середине XII — начале XIII века древнерусский язык утрачивает еще два звука — Ъ и Ь. Гласные звуки Ъ и Ь были особыми звуками в древнерусском языке. Ъ звучанием напоминал О, Ь очень походил на Э, но звучали эти звуки коротко. Даже под ударением, как говорят, в сильной позиции, звуки Ъ и Ь звучали слабее и короче, чем остальные гласные. Еще бо-

лее краткими они были в слабой позиции — на конце слова или не под ударением, перед обычным некратким гласным.

Сильная позиция: СЪНЪ, ДЬНЬ, ОТЬЦЬ.

Слабая позиция: СЪНА, ДЬНИ, ОТЬЦА.

В XII веке Ъ и Ь стали менять свое звучание. В сильных позициях Ъ изменился в О, Ь изменился в Э. В слабых позициях звуки Ъ и Ь исчезли. Изменили свой облик и слова, когда-то имевшие эти звуки: СЪНЬ–СОН, ДЬНЬ–ДЕНЬ, СТОЛЪ–СТОЛ, ЧЬТО–ЧТО.

Утрата звуков Ъ и Ь многое переменила в произношении и написании слов в древнерусском языке. Неузнаваемы стали формы прошедшего времени: НЕСЛЪ–НЕСЛ–НЕС–НЁС, УМЪРЛЪ–УМЕР.

После утраты Ъ и Ь в древнерусском языке появились новые труднопроизносимые сочетания согласных. Если эти согласные были мало похожи друг на друга, происходило уподобление одного согласного другому.

Уподобление согласных по звонкости/глухости:

ЛОДЪКА–ЛОДКА–ЛОТКА, СВАТЬБА–СВАТЬБА–СВАДЬБА.

Уподобление согласных по мягкости/твердости:

ТЬМЬНО–ТЕМЪНО–ТЕМНО.

Происходило также упрощение труднопроизносимых сочетаний согласных, появившихся в результате утраты Ъ и Ь:

ПОЗДЬНО–ПОЗДНО–ПОЗНО, СЪЛНЬЦЕ–СОЛНЦЕ–СОНЦЕ.

Таким образом, после утраты звуков Ъ и Ь люди говорить стали не так, как писать. Писали ЛОДЪКА/ЛОДКА, а говорили ЛОТКА. Писали СЪЛНЬЦЕ, ПОЗДЬНО, а говорили СОНЦЕ, ПОЗНО. Это различие в написании и произношении сохраняется и в современном русском языке.

4.Начиная с XIII века в древнерусском языке утрачивается звук Ѣ «ять», который в некоторых древнерусских говорах — например, в Новгороде, звучал как «ИЕ». В современном языке на месте Ѣ мы находим звук Э. Но и сейчас можно узнать, в каких словах когда-то звучал Ѣ. Так, в большинстве слов, где перед твердым согласным под ударением слышится гласный Е, например, ЛЕС, ХЛЕБ, СЕНО, МЕХ, прежде звучал Ѣ. В древнерусских книгах эти слова писали так: ЗВѢРЬ, ЛѢСЪ, ХЛѢБЪ, СѢНО, МѢХЪ. В тех же словах, где когда-то под ударением находился исконный звук Э, теперь слышится О: НЕСЛЪ–НЁС, МЕДЪ–МЁД, ТЕПЛЪ–ТЁПЛЫЙ.

5.«Оканье» — это характерная черта древнерусского языка. При «оканье» слова, где О находится не под ударением, звучат

так: бОрОда́, мОлОде́ц, до́рОгО. В современном русском языке в отличие от древнерусского наблюдается «аканье» — мы произносим: бАрАда́, мАлАдо́й, до́рАгА. «Оканье» сохранилось лишь в некоторых северных говорах русского языка.

1. Напиши эти древнерусские слова по-русски:
Пѫть, ѩзъкъ, мѧсо, рѧдъ, дѫбъ, тѫга, начѧло, кнѧзь, разѫмъ.
2. Был ли в слове «брякать» носовой гласный, если у этого слова есть однокоренное слово «бренчать»?
3. Напиши эти древнерусские слова по-русски:
Пьсъ, шьпътъ, горъка, кънига, къто, пътица, бъчела.
4. Был ли в древнерусском языке звук Ь на месте Е в словах:
конец, колодец, венец.
Как это доказать?
5. Был ли в древнерусском языке звук Ъ на месте О в словах:
лоб, сон, иголка, рот.
6. Напиши эти древнерусские слова по-русски:
снѣгъ, телѣга, на столѣ, рѣка, вѣра, грѣхъ, хлѣбъ.
7. В каких из этих слов на месте Е в древнерусском языке был звук Ь:
цена, мед, пень, лен.
8. Произнеси сначала по-русски, а потом по-древнерусски эти слова:
корова, дорога, молоко, соловей.
Какое произношение — древнерусское или современное русское — ближе к написанию этих слов? Сохранилось ли «оканье» у русских людей в наше время?

6. Древнеруеский язык к моменту появления первых памятников письменности имел 26 согласных звуков: только твердые — П, Б, М, В, Т, Д, К, Г, Х; только мягкие — Й, Шь, Жь, Чь, Ць, ЖДЖь, ШЧь, парные по твердости/мягкости — С—Сь, З—Зь, Р—Рь, Л—Ль, Н—Нь.

7. Согласные К, Г, Х были всегда твердыми. Если же после этих согласных следовал какой-либо из гласных Ь, Е, И, Ѣ, А, которые произносились «на кончике языка» и всегда смягчали находящиеся рядом согласные звуки, то и согласные К, Г, Х

старались тоже приспособиться к этим гласным. Так как сами К, Г, Х мягкими быть не могли, они уступали свое место мягким согласным. Каждый из звуков К, Г, Х имел на этот случай своего собственного мягкого заместителя. Замена твердых согласных К, Г, Х мягкими звуками перед гласными Ь, Е, И, Ѣ, Ѧ называется «смягчением».

В результате первого смягчения звуки К, Г, Х перед гласными И, Е, Ь, Ѧ, Ѣ уступали место мягким шипящим согласным:

К – Чь: РУКА – РУЧЬКА;

Г – Жь: БѢГЪ – БѢЖИТЬ;

Х – Шь: ТИХО – ТИШИНА.

В современном русском языке это смягчение мы называем «чередованием»: нога/ножка, дорога/дорожка, муха/мушка, молоко/молочко.

В результате второго смягчения звуки К, Г, Х перед гласными Ѣ, И уступали место мягким свистящим согласным:

К – Ць: УЧЕНИКЪ – УЧЕНИЦИ;

Г – Зь: ДРУГЪ – ДРУЗИ;

Х – Сь: МУХА – о МУСѢ.

В современном русском языке следы второго смягчения сохранились лишь в некоторых словах: друЗья, Цена, Серый, Целый, Церковь и др.

В результате третьего смягчения звуки К, Г, Х уступали свое место мягким свистящим согласным, если сами К, Г, Х находились после гласных И, Ь, Ѧ:

К – Ць: ОВЬЦА;

Г – Зь: КЪНѦЗЬ;

Х – Сь: ВЬСЬ.

Следы третьего смягчения обнаруживаются в русских словах: витяЗь, месяЦ, мерЦать, нариЦать, отеЦ и др.

8.В глубокой древности твердые согласные П, Б, М, В, Т, Д, находясь перед гласными Е, И, Ь, Ѣ, не смягчались, но были лишь полумягкими. Еще до появления первых письменных памятников произошло смягчение этих согласных перед названными гласными. Таким образом в древнерусском языке возникли новые мягкие согласные: Пь, Бь, Мь, Вь, Ть, Дь, которые были парными твердым согласным П, Б, М, В, Т, Д.

Когда утратились Ъ и Ь, в древнерусском языке на конце слов звонкие согласные стали оглушаться: ДУБЪ–ДУП, ХОДЪ–ХОТ, БРОВЬ–БРОФь. В результате этого в древнерусском языке появились два новых глухих звука, которых прежде не было, – звуки Ф и Фь: ВЕРЕФКА, ПЕТРОФ, КРОФь. До этого звук Ф в древнерусском языке был только в

заимствованных греческих словах: ФЕДОР, ФЕОДОСИЙ, ФЕКЛА.

9. Мягкие шипящие звуки Шь, Жь в древнерусском языке отвердели начиная с XIV века. Древнерусские слова, произносившиеся прежде с мягкими Шь, Жь: ИВАШЬКА, ЖАЛО, ЖИВОТЬ, – стали произноситься с твердыми Ж, Ш: ИВАШКА, ЖАЛО, ЖИВОТЪ.

С XVI века начинается отвердение мягкого звука Ць: ЦьВѢТЪ–ЦВѢТЪ.

10.В некоторых древнерусских говорах были особенные согласные звуки, которые не свойственны всему древнерусскому языку.

Так, в древненовгородских говорах существовало «цоканье» – согласные Ц и Ч здесь звучали одинаково как Ц, древние новгородцы говорили: целовѣкъ, цисто, нацало.

1. Какое смягчение – первое или второе– нашло отражение в древнерусских словах: вѣкъ–вѣчьныи, слуга–служьба, смѣхъ–смѣшныи.

2. Какое смягчение – первое или второе – нашло отражение в древнерусских словах: рука – руци, ворогъ – ворози, духъ – дуси.

3. Отгадай, что означают слова, которые в некоторых русских говорах звучат так: Хвёдор, хвартук, кохта.

На месте какого звука здесь произносится ХВ и Х?

Почему это происходит?

4. Почему в древнерусских новгородских рукописях и грамотах на месте буквы Ц часто писали Ч :

жеребечь, чвѣть; а на месте Ч писали Ц: цьто, нацало?

11.Изменения, происшедшие с гласными и согласными звуками в древнерусском языке, закрепились в русском современном правописании.

1) Исчезли из алфавита буквы «ять», «юс малый», «юс большой», обозначавшие утраченные гласные звуки.

2) Отсутствуют буквы «еръ» и «ерь» в тех словах, где они в слабой позиции утратились. Мы пишем «ум» вместо УМЪ, «снег» вместо СНѢГЪ, «книга» вместо КЪНИГА. Однако сами знаки Ъ и Ь сохранились. Теперь они обозначают твердость и мягкость согласных звуков.

Ъ обозначает твердость согласного перед Ю, Ё, Е, Я между приставкой и корнем слова: подъезд, подъем.

Ь обозначает мягкость согласного перед Ю, Ё, Е, Я в корне слова: вьюга, друзья.

Ь обозначает мягкость согласного на конце слова: конь, тень.

Лишь в некоторых словах женского рода с основой на шипящий: тишь, мышь, рожь, — Ь пишется в память об утраченной мягкости шипящих согласных, отличая эти слова от слов мужского рода с основой на шипящий: меч, нож и др.

3) В тех словах, где после мягких согласных под ударением звук Э перешел в О, в XVIII веке появилась новая буква Ё, которая обозначает звук О после мягкого согласного: мёл, цвёл, сёла, овёс.

12. Но в русском правописании осталось много примет древнерусского языка.

1) Несмотря на то, что в современном русском языке развилось «аканье» — мы говорим: мАлАкó, кАрóва, пАля́, правописание осталось прежним, «окающим». Мы пишем эти слова так, как произносили когда-то древние русичи: мОлОкó, кОрóва, пОля́.

2) Хотя давно уже мы не произносим согласных Т, Л, Д в словах ЛЕСТНИЦА, СОЛНЦЕ, ПОЗДНО, но продолжаем их писать так, как когда-то писали древние русичи.

3) Нынешние правила правописания как бы «не замечают», что звонкие согласные на конце слов оглушаются, и грамматики велят писать эти слова так, как писали их наши предки испокон веку: ДУБ, РОГ, ГЛАЗ, ЛОДКА. Правописание также не отражает озвончения глухих согласных в словах: КОСЬБА, МОЛОТЬБА, а сохраняет первоначальный облик этих слов.

Можно отметить лишь несколько слов, где в написании отразилось оглушение или озвончение согласных, прошедшее после утраты Ъ и Ь. Это слова: где (КЪДЕ), здесь (СЬДЕ), здоров (СЪДОРОВЪ), пчела (БЪЧЕЛА) и др.

4) Как неколебимое правило русского правописания школьники твердят: «ЖИ и ШИ пиши с буквой И». Эти слова являются напоминанием о том, что когда-то Ж и Ш были мягкими звуками, а, отвердев, продолжали быть писаны с буквой И, к этому правилу присоединился и еще один когда-то мягкий, а теперь отвердевший звук — Ц. Все же другие твердые звуки в нашем правописании надлежит писать только с буквой Ы.

Так в русском правописании осталась память об истории звуков древнерусского языка.

ЗВАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ — ОТЬЧЕ, БРАТЕ, КОНЮ

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО — ДВѢ РОУЦѢ, ДВА РОУКАВА

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ — ХОДИЛЪ ЕСМЬ, Я ХОДИЛ

ДЕСНЫИ ШУИИ

III. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

1. В древнерусском языке имена существительные были мужского, женского и среднего рода и сохраняли принадлежность к роду во множественном и двойственном числе.

	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
муж. род	высокъ столъ	высока стола	высоци столи
жен. род	высока стена	высоцѣ стенѣ	высокы стены
сред. род	высоко дерево	высоцѣ деревесѣ	высока дерева

2. В древнерусском языке имя существительное могло употребляться в единственном, двойственном и множественном числе.

Формы существительных в единственном числе содержали указание на ОДИН предмет или ОДНО лицо — братъ, слуга, село.

Формы существительных в двойственном числе указывали на то, что предметов ДВА — брата (два), слузѣ (двѣ), селѣ (двѣ), руцѣ (двѣ), нозѣ (двѣ).

Формы существительных во множественном числе показывали, что предметов больше чем два, МНОГО, — брати, слугы, села.

В XIII веке формы двойственного числа начинают утрачиваться. Исчезают из языка формы, обозначавшие пару предметов: руцѣ, нозѣ, крылѣ. Но все же следы двойственного числа в современном русском языке остались. Некоторые слова, употребляемые нами в значении множественного числа, по происхождению являются древнерусскими формами двойственного числа:

	ед ч.	дв. ч.	мн. ч.
в древнерусском языке	бокъ	бока	боци
	берегъ	берега	берези
в современном русском языке	бок		бока
	берег		берега

3. В древнерусском языке было семь падежей:

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ — кто? что? — Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду.
РОДИТЕЛЬНЫЙ — кого? чего? — Въ дому господина моего.
ДАТЕЛЬНЫЙ — кому? чему? — Кланяю ся тобѣ, моему господину.
ВИНИТЕЛЬНЫЙ — кто? что? — Наш горожанинъ Фредрикъ продал человѣку мѣхъ соли.
ТВОРИТЕЛЬНЫЙ — кем? чем? — Чадьцы мои, добро творите руками своими.

МЕСТНЫЙ – в ком? в чем? – Трубы трубять въ Новѣградѣ.
ЗВАТЕЛЬНЫЙ – падеж обращения – Отьче наш, да святить ся имя твое.

4. В древнерусском языке существовало шесть типов склонения существительных. Тип склонения существительного определяла его древняя основа*.

Склонение имен существительных с древней основой на -А

К древнерусским основам на -А относились все имена существительные женского и мужского рода,оканчивающиеся на -а в именительном падеже единственного числа: вода, жена, рука, воля, земля, слуга, юноша, воевода, стена, вѣра и т.п.

ед. ч.	твердый вариант	мягкий вариант
Им.	вода	земля
Род.	воды	землѣ
Дат.	водѣ	земли
Вин.	воду	землю
Твор.	водою	землею
Мест.	водѣ	земли
Зват.	водо!	земле!
дв. ч.	**твердый вариант**	**мягкий вариант**
Им.	водѣ	земли
Род.	воду	землю
Дат.	водама	земляма
Вин.	водѣ	земли
Твор.	водама	земляма
Мест.	воду	землю
Зват.	–	–
мн. ч.	**твердый вариант**	**мягкий вариант**
Им.	воды	землѣ
Род.	водъ	земль
Дат.	водамъ	землямъ
Вин.	воды	землѣ
Твор.	водами	землями
Местн.	водахъ	земляхъ
Зват.	–	–

Склонение имен существительных с древней основой на -О

К древним основам на -О принадлежали существительные мужского рода, оканчивавшиеся в именительном падеже единственного числа на -ъ или на -ь: рабъ, ворогъ, плачь, вожь, соромъ, полонъ, шеломъ, мечь; а также существитель-

* Древнюю основу существительного не всегда можно распознать в древнерусском слове. Поэтому постарайтесь запомнить твердо, какие слова к каким типам склонения принадлежат.

ные среднего рода, которые оканчивались на -о или на -е: село, мѣсто, поле, корение, знамение, сѣно.

ед. ч.	твердый вариант		мягкий вариант
Им.	столъ	село	конь
Род.	стола	села	коня
Дат.	столу	селу	коню
Вин.	столъ	село	конь
Твор.	столъмь	селъмь	коньмь
Мест.	столѣ	селѣ	кони
Зват.	столе!		коню!

дв. ч.	твердый вариант		мягкий вариант
Им.	стола	селѣ	коня
Род.	столу	селу	коню
Дат.	столома	селома	конема
Вин.	стола	селѣ	коня
Твор.	столома	селома	конема
Мест.	столу	селу	коню
Зват.	—		—

мн.ч.	твердый вариант		мягкий вариант
Им.	столи	села	кони
Род.	столъ	селъ	конь
Дат.	столомъ	селомъ	конемъ
Вин.	столы	села	конѣ
Твор.	столы	селы	кони
Мест.	столѣхъ	селѣхъ	конихъ
Зват.	—		—

Склонение имен существительных с древней основой на -У

Слова с древней основой на -У немногочисленны, в именительном падеже все эти слова имеют окончание -ъ, они очень короткие, не более чем в два слога. Вот полный список этих слов: сынъ, волъ, домъ, вьрхъ, медъ, полъ, садъ, санъ, рядъ, грѣхъ, ядъ, даръ.

	ед.ч.	дв. ч.	мн. ч.
Им.	сынъ	сыны	сынове
Род.	сыну	сынову	сыновъ
Дат.	сынови	сынъма	сынъмъ
Вин.	сынъ	сыны	сыны
Твор.	сынъмь	сынъма	сынъми
Мест.	сыну	сынову	сынъхъ
Зват.	сыну!	—	—

Склонение имен существительных с древней основой на -И

Слова с древней основой на -И — это существительные женского рода, имевшие в именительном падеже единственного числа окончание -ь: дань, казнь, печь, рѣчь, ночь, а также некоторые

существительные мужского рода с окончанием -ь: гвоздь, голубь, гость, гусь, звѣрь, зять, печать, путь, тать, тьсть, уголь.

	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
Им.	гость	гости	гостие
Род.	гости	гостию	гостии
Дат.	гости	гостьма	гостьмъ
Вин.	гость	гости	гости
Твор.	гостьмь	гостьма	гостьми
Мест.	гости	гостию	гостьхъ
Зват.	гости!	–	–

Склонение имен существительных с древней основой на согласный звук

К древним основам на согласный звук относились имена существительные всех трех родов:

1. Это имена существительные мужского рода, основа которых оканчивалась на согласный -Н: дьН-ь, кореН-ь, ремеН-ь, олеН-ь, камеН-ь.

2. Это имена существительные женского рода, основа которых оканчивалась на согласный -Р: мати – матеР-е, дъчи – дъчеР-е.

3. Это имена существительные среднего рода, основы которых были трех типов:

а) основа на -С: коло – колеС-е, слово – словеС-е, тѣло – тѣлеС-е, чюдо – чюдеС-е, небо – небеС-е;

б) основа на -Н: врѣмя – врѣмеН-е, имя – имеН-е, племя – племеН-е;

в) основа на -ЯТ: жеребя – жеребЯТ-е, козыля – козылЯТ-е, отроча – отрочЯТ-е.

ед. ч.				
Им.	дьнь	мати	слово	козыля
Род.	дьне	матере	словесе	козыляте
Дат.	дьни	матери	словеси	козыляти
Вин.	дьнь	матерь	слово	козыля
Твор.	дьнѣмь	материю	словьсьмь	козылятьмь
Мест.	дьне	матери	словесе	козыляте
дв. ч.				
Им.	дьни	матери	словесѣ	козылятѣ
Род.	дьню	матеру	словесу	козыляту
Дат.	дьньма	матерьма	словесьма	козылятьма
Вин.	дьни	матери	словесѣ	козылятѣ
Твор.	дьньма	матерьма	словесьма	козылятьма
Мест.	дьню	матеру	словесу	козыляту
мн. ч.				
Им.	дьне	матери	словеса	козылята
Род.	дьнъ	матеръ	словесъ	козылятъ
Дат.	дьньмъ	матерьмъ	словесьмъ	козылятьмъ
Вин.	дьни	матери	словеса	козылята

Твор.	дьньми	матерьми	словесы	козьляты
Мест.	дьньхъ	матерьхъ	словесьхъ	козьлятъхъ

Склонение имен существительных типа «букы»

Несколько имен существительных женского рода, оканчивавшихся в именительном падеже единственного числа на -Ы, образовывали особое склонение. Это существительные: букы (буква, письмо), жьрны (жернов), свекры (свекровь), цьркы (церковь), любы (любовь), хоругы (хоругвь), москы (Москва).

	ед. ч.	дв.ч.	мн.ч.
Им.	цьркы	цьркъви	цьркъви
Род.	цьркъве	цьркъву	цьркъвъ
Дат.	цьркъви	цьркъвама	цьркъвамъ
Вин.	цьркъвь	цьркъви	цьркъви
Твор.	цьркъвию	цьркъвама	цьркъвами
Мест.	цьркъве	цьркъву	цьркъвахъ

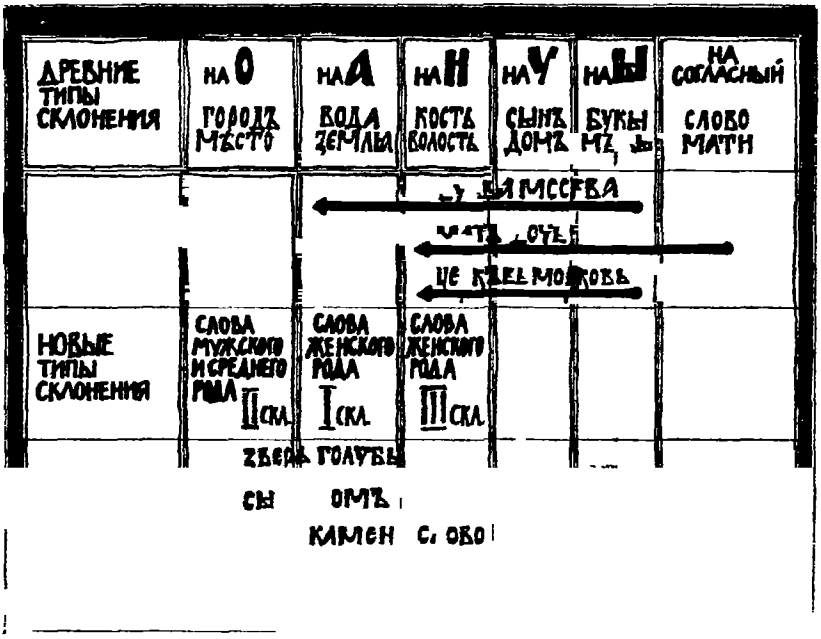
Изменения в склонении имен существительных в древнерусском языке

Склонение имен существительных в современном русском языке значительно отличается от древнерусского склонения. Русский язык утратил много древних форм. У нас нет уже склонения существительных в двойственном числе, хотя следы его остались в таких формах, как БЕРЕГА, РУКАВА, РОГА, ВООЧИЮ.

Нет в русском языке также особых окончаний для звательного падежа, эти окончания исчезли из языка.

Изменились и типы склонения имен существительных: одни склонения исчезли совсем, другие сохранились и расширились за счет существительных, которые прежде принадлежали к утраченным типам склонения. Причем, если раньше тип склонения существительного зависел от того, какая основа была у этого имени существительного (основа на -А, -О, -У и т.д.), то сейчас тип склонения определяется тем, к какому роду принадлежит это существительное — мужскому, женскому или среднему.

Вышло так, что слова из некоторых древних типов склонения «уходили» в другие склонения. Так, «разошлись» кто куда слова из древних склонений с основой на -У, на -Ы, на согласный. Зато склонения на -А, на -О, на -И расширились, разрослись, потому что в них нашли себе место слова-беглецы. Вот как это произошло:

Но русский язык, утратив многие древние формы склонения, сохранил некоторые его остатки. Вот следы древних форм в нашем языке:

а) наречия ДОМОЙ, ДОЛОЙ (из дат. п. ДОМОВИ, ДОЛОВИ).

б) наречие ПОДЕЛОМ (из дат. п. с предлогом ПО ДѢЛОМЪ).

в) выражения: выйти ЗАМУЖ, произвести В ГЕНЕРАЛЫ, отдать В СОЛДАТЫ, попасть В УЧЕНИКИ.

1. По-русски мы говорим: напился кваса и напился квасу; наделал шума и наделал шуму; кусок сахара и кусок сахару. Окончание родительного падежа какого древнего склонения сохранилось в словах: квасу, сахару, шуму.

2. От древнего склонения слова «дьнь» сохранилось в современном языке слово «пополудни» (что означает «после полдня»). Как разделить слово «пополудни» на значимые части? В каком падеже употреблено в нем древнерусское слово «дни»?

3. Прочитай существительные:
гвоздь, голубь, путь, гость, медведь, огнь, тать.
Все они прежде принадлежали к древнерусскому склонению на -И. Просклоняй эти слова в единственном числе по-русски и определи, у какого из этих слов сохранились формы древнего склонения на -И?

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

1.В древнерусском языке имена прилагательные различались по значению. Были **качественные** прилагательные, обозначавшие свойство, качество предмета: бѣлъ, зълъ, малъ, новъ, пустъ, слѣпъ, сухъ, высокъ, глубокъ, крѣпъкъ, лыгъкъ, лѣнивъ, великъ, гнилъ.

Относительные прилагательные обозначали свойство предмета через его отношение к другому предмету: вѣрьнъ, вѣчьнъ, чьстьнъ, морьскъ, небесьскъ, деревянъ, камянъ, песъчанъ.

Притяжательные прилагательные указывали, кому принадлежит предмет, который они определяют: отъцевъ, китовъ, мариинъ, сотонинъ, божии, ворожии, господьнь.

В древнерусском языке качественные и относительные имена прилагательные могли употребляться в краткой и полной форме.

Краткие формы: голодъ крѣпъкъ, въдовица убога, сѣмя добро.

Полные формы: голодъ крѣпъкыи, въдовица убогая, сѣмя доброе.

2.Склонение кратких имен прилагательных.

Краткие формы имен прилагательных в древнерусском языке склонялись как имена существительные.

Прилагательные мужского и среднего рода склонялись как существительные с древней основой на -О. Прилагательные женского рода склонялись как существительные с древней основой на -А.

ед.ч.	муж. р.	сред.р.	жен. р.
Им.	студеньць глубокъ	село велико	жена добра
Род.	студеньца глубока	села велика	жены добры
Дат.	студеньцю глубоку	селу велику	женѣ добрѣ
Вин.	студеньць глубокъ	село велико	жену добру
Твор.	студеньцьмь глубокъмъ	селъмь великъмъ	женою доброю
Мест.	студеньци глубоцѣ	селѣ велицѣ	женѣ добрѣ

дв.ч.			
Им.	студеньца глубока	селѣ велицѣ	женѣ добрѣ
Род.	студеньцю глубоку	селу велику	жену добру
Дат.	студеньцема глубокома	селома великома	женама драма
Вин.	студеньца глубока	селѣ велицѣ	женѣ добрѣ
Твор.	студеньцема глубокома	селома великома	женама драма
Мест.	студеньцю глубоку	селу велику	жену добру
мн.ч.			
Им.	студеньци глубоци	села велика	жены добры
Род.	студеньць глубокъ	селъ великъ	женъ добръ
Дат.	студеньцемъ глубокомъ	селомъ великомъ	женамъ добрамъ
Вин.	студеньцѣ глубокы	села велика	жены добры
Твор.	студеньци глубокы	селы великы	женами добрами
Мест.	студеньцихъ глубоцѣхъ	селѣхъ велицѣхъ	женахъ добрахъ

3. Для образования полных имен прилагательных к родовому окончанию краткого прилагательного присоединяется местоимение -И (к прилагательным мужского рода), -Я (к прилагательным женского рода), -Е (к прилагательным среднего рода).

нов-ъ+И — новыи, нов-а+Я, нов-о+Е;

син-ь+И — синии, син-я+Я, син-е+Е.

Фонетическое взаимодействие между родовым окончанием краткого прилагательного и присоединенного к нему местоимения придавало полным прилагательным новый облик:

Род. человѣчьска+его — человѣчьскаго — человѣчьсково*

Дат. человѣчьску+ему — человѣчьскуму — человѣчьскому и т. д.

В древнерусском языке полные и краткие формы прилагательных употреблялись в одинаковых значениях: 1) как определение при существительном — землю русьску — землю русьскую; 2) как часть именного сказуемого — Се волость крѣпъка. Се волость крѣпъкая. В нашем русском языке полные и краткие прилагательные уже различаются по значению: 1) Краткие формы прилагательных используются только в именном сказуемом — Печаль моя светла. 2) Полные формы прилагательных употребляются в качестве определения — Светлая печаль.

Лишь в старинных, издревле сохранившихся в нашем языке сочетаниях слов можно найти краткую форму прилагательного, употребленного в значении определения, — на босу ногу, по белу свету, красна девица, сыр-бор разгорелся. Остатки древнего употребления кратких форм находим также в таких устойчивых выражениях: «от мала до велика», «в три дорога». Застывшие древние формы кратких прилагательных образуют теперь

* Окончание род. п. -ОГО (ЕГО) в современном русском языке преобразовалось в -ОВО (ЕВО). Но наше правописание сохранило древний вид этого окончания.

в сочетании с предлогами наречия: изредка, снова, досыта, попусту, заново, начисто, вскоре, налегке.

1. Определи, где в этих изречениях употреблены полные, а где краткие формы древнерусских прилагательных:
«Бояринъ **щедрыи**, аки кладезь **сладокъ**, а **скупыи** бояринъ, аки кладезь **солонъ**».
«Избра Богъ святителя — мужа **добра, разумьнаго** — Олексия черньца».
2. От какой части речи древнерусского языка ведут свое происхождение эти русские наречия: сослепу, смолоду, сдуру.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

1.Названия у чисел в Древней Руси были те же, что и сейчас, в современном русском языке.

ОДИНЪ, ДЪВА, ТРИЕ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ, ШЕСТЬ, СЕМЬ, ОСЬМЬ, ДЕВЯТЬ, ДЕСЯТЬ — звуковой облик этих числительных мало изменился.

Числительные от одиннадцати до девятнадцати образовывались так: сначала называлось число, обозначавшее единицы, а потом «десять»; «ОДИНЪ-НА-ДЕСЯТЕ», «ДВА-НА-ДЕСЯТЕ», «ТРИ-НА-ДЕСЯТЕ» и т.д. Часть такого числительного — «десяте» — испытала звуковое изменение. Числительные от 11 до 19 получили звуковой облик: «одиннадцать», «двенадцать», «тринадцать»...

В числительных современного русского языка «двадцать», «тридцать» часть слова «дцать» исторически также является формой числительного «десять», которая испытала звуковые изменения. «Двадцать» родилось из «ДВА—ДЕСЯТЬ», что означало «два десятка», «тридцать» также родилось из «ТРИ—ДЕСЯТЬ».

2.Названия составных чисел внутри десятков и сотен (25, 57...) состояли из перечисления чисел по порядку их следования друг за другом: два десяти пять (25), пять десять семь (57).

Интересно происхождение слова, обозначающего число $1^1/_2$ (полтора). Древнее звучание этого слова — «полъвътора», т.е. имелась в виду половина второго числа — часть числа, которую нужно вычесть, чтобы получить $1^1/_2$.

3.Древнее обозначение числа 40 — «четыре-десяте» было заменено словом «СОРОКЪ». Любопытно происхождение этого

слова: оно было родственно слову «сорока» (сравни современное «сорочка» — рубашка) и обозначало мешок с четырьмя десятками беличьих шкурок, необходимых для шитья одного платья. Постепенно это слово превратилось в число, обозначавшее 40 шкурок, а затем и для обозначения четырех десятков вообще.

4.Древнерусские рукописи сохранили и утраченные ныне наименования чисел более тысячи: «тьма» — десять тысяч, «легионъ» — сто тысяч, «леодръ»— 1 миллион, «воронъ» — 10 миллионов, «колода» — бесчисленное множество.

1.В древней берестяной грамоте сказано: «Поклонъ госпожи матери. Послалъ есмь съ посадницимъ Мануиломъ •К• бѣлъ къ тобѣ». Что и сколько послал новгородец своей матери?

2.В сказке П.П.Ершова «Конек-Горбунок» есть такие слова:

«Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.
Приезжаю — тьма народу!
Ну, ни выходу, ни входу!»

Отгадай, сколько человек столпилось в конном ряду?

МЕСТОИМЕНИЕ

1. Личные местоимения в древнерусском языке обозначали участников разговора: говорящего (Я—ВѢ—МЫ) и слушающего (ТЫ—ВА—ВЫ). Личным являлось также местоимение СЕБЕ (СЯ).

Склонение личных местоимений

ед. ч.			
Им.	язъ (я)	ты	—
Род.	мене	тебе	себе
Дат.	мънѣ/ми	тобѣ/ти	собѣ/си
Вин.	мя	тя	ся
Твор.	мъною	тобою	собою
Мест.	мънѣ	тобѣ	собѣ
дв.ч.			
Им.	вѣ	ва	
Род.	наю	ваю	
Дат.	нама	вама	
Вин.	на	ва	
Твор.	нама	вама	
Мест.	наю	ваю	

мн.ч.		
Им.	мы	вы
Род.	насъ	васъ
Дат.	намъ	вамъ
Вин.	ны	вы
Твор.	нами	вами
Мест.	насъ	васъ

Склонение местоимений 3-го лица

ед.ч.	муж. р.	жен. р.	ср.р.
Им.	и	я	е
Род.	его	ея	его
Дат.	ему	еи	ему
Вин.	и/его	ю	е
Твор.	имь	ею	имь
Мест.	емь	еи	емь
дв.ч.			
Им.	я	и	и
Род.	ею	ею	ею
Дат.	има	има	има
Вин.	я	и	и
Твор.	има	има	има
Мест.	ею	ею	ею
мн.ч.			
Им.	и	я	я
Род.	ихъ	ихъ	ихъ
Дат.	имъ	имъ	имъ
Вин.	я	я	я
Твор.	ими	ими	ими
Мест.	ихъ	ихъ	ихъ

Итак, в склонении местоимений произошли некоторые изменения.

1.В древнерусском языке существовали краткие формы личных и возвратного местоимений: МИ, ТИ, СИ (дат.п.) и МЯ, ТЯ, СЯ (вин. и род. п.). Современным русским языком эти формы утрачены. Следы их можно обнаружить в междометии АХТИ – «вот тебе на!», в наречии ВОСВОЯСИ – «к себе домой».

2.Современные формы род. п. МЕНЯ, ТЕБЯ, СЕБЯ появляются в русском языке только с XV века на месте древних форм МЕНЕ, ТЕБЕ, СЕБЕ. Новые формы образовались под воздействием кратких местоимений МЯ, ТЯ, СЯ. Сравните:

древние	новая
МЕНЕ – МЯ	МЕНЯ

3.На месте древних местоимений 3-го лица И, Я, Е появились новые формы, являющиеся указательными местоимениями ОНЪ, ОНО, ОНА.

1.Найди остатки древнерусских местоимений в таких русских словах: ахти! (что означает «вот тебе на!»); восвояси (что означает «к себе домой»).
2.Переведи на русский язык: «Азъ Григории дияконъ написахъ еуангелие».

ГЛАГОЛ

1.В древнерусском языке глагол обозначал действие человека или состояние предмета в настоящем, прошедшем или в будущем времени. Неопределенная форма древнерусского глагола оканчивалась на -ТИ или на -ЧИ: БЬРАТИ, НЕСТИ, ДАТИ, БЫТИ, ПЕЧИ, СѢЧИ.

2.Древнерусские глагольные формы **настоящего времени** обозначали действие, которое происходит в настоящем или будет происходить в будущем.

Например: «Тиунъ неправду **судить**, мьзду **емлеть**, люди **продаеть, мучить**, лихое все дѣеть».

Спряжение древнерусских глагольных форм настоящего времени

	ед.ч.	дв.ч.	мн.ч.
1 л.	веду	ведевѣ	ведемъ
2 л.	ведеши	ведета	ведете
3 л.	ведеть	ведета	ведуть

Если сравнить спряжение древнерусских форм настоящего времени и наших русских форм, то нетрудно заметить некоторые различия. Двойственное число в спряжении глагола утратилось в языке русичей уже в XIII веке. Лишь изредка, «по привычке», русичи использовали формы двойственного числа. Форма ВЕДЕШИ также скоро исчезла из языка, заменившись формой ВЕДЕШЬ. Форма ВЕДЕТЬ сохранялась очень долго, она и по сей день бытует во многих южно-русских говорах. Формы типа ВЕДЕТ, ВЕДУТ впервые появились в Ростово-Суздальской земле в XIII–XIV веках. После утраты сверхкратких Ъ и Ь звук Т в этих говорах отвердел. Формы типа ВЕДЕТ, ВЕДУТ сохранены и современным русским языком.

Глаголы БЫТИ, ДАТИ, ЕСТИ имели в древнерусском языке особые формы настоящего времени, отличавшиеся от прочих:

ед.ч.	БЫТИ	ДАТИ	ЕСТИ/ЯСТИ
1 л.	есмь	дамъ	емь/ямь
2 л.	еси	даси	еси/яси
3 л.	есть	дасть	есть/ясть

дв.ч.			
1 л.	есвѣ	давѣ	евѣ/явѣ
2 л.	еста	даста	еста/яста
3 л.	еста	даста	еста/яста
мн.ч.			
1 л.	есмъ	дамъ	емъ/ямъ
2 л.	есте	дасте	есте/ясте
3 л.	суть	дадять	едять/ядять

В русском языке от этих форм лишь «крохи»: ДАМ, ДАСТ, ЕМ, ЕСТ, ЕДЯТ.

3.Древнерусский язык знал формы **будущего сложного времени**, которые образовывались сочетанием вспомогательного глагола ИМАМЬ с неопределенной формой смыслового глагола.

	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
1 л.	имамь писати	имавѣ писати	имамъ писати
2 л.	имаши писати	имата писати	имате писати
3 л.	имать писати	имата писати	имуть писати

В XVII веке форму будущего времени ИМАМЬ ПИСАТИ заменяет новая форма будущего времени БУДУ ПИСАТИ. Она и стала в русском языке выражать значение будущего времени.

4.В ранний период своей истории древнерусский язык имел **четыре прошедших времени** – аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект.

А о р и с т – это такое прошедшее время, которое сообщает о событиях, следовавших друг за другом в прошлом.

Например: «Тъгда же Ярунъ **съступи ся** съ ними, хотя бити ся, и **побѣгоша** не успѣвъше ничтоже половьци назад, и **потъпташа** бѣжаше станы русьскыхъ князь, не **успѣша** бо исполчити ся противу имъ, и съмятоша ся вся, и **бысть** сѣча зла и люта».

ед.ч.	КУПИТИ	НЕСТИ	РЕЧИ	БЫТИ
1 л.	купихъ	несохъ	рекохъ	быхъ
2 л.	купи	несе	рече	бы
3 л.	купи	несе	рече	бысть
дв.ч.				
1 л.	купиховѣ	несоховѣ	рекоховѣ	быховѣ
2 л.	куписта	несоста	рекоста	быста
3 л.	куписта	несоста	рекоста	быста
мн.ч.				
1 л.	купихомъ	несохомъ	рекохомъ	быхомъ
2 л.	куписте	несосте	рекосте	бысте
3 л.	купиша	несоша	рекоша	быша

И м п е р ф е к т – это прошедшее время, которое обозначает наиболее важное, требующее подробного описания действие среди ряда прошедших событий. Например: «Тои же

осени много зла ся сотвори, поби мразъ обилье по волости, кадь ръжи купляхуть по 10 гривенъ, ядяху люди сосновую кору и листъ липовъ и мохъ».

ед.ч.	НОСИТИ	ПИСАТИ	БЫТИ
1 л.	носяхъ	писахъ	бяхъ
2 л.	носяше	писаше	бяше
3 л.	носяше	писаше	бяше
дв.ч.			
1 л.	носяховѣ	писаховѣ	бяховѣ
2 л.	носяста	писаста	бяста
3 л.	носяста	писаста	бяста
мн.ч.			
1 л.	носяхомъ	писахомъ	бяхомъ
2 л.	носясте	писасте	бясте
3 л.	носяху	писаху	бяху

П е р ф е к т — это такое прошедшее время, которое обозначало какой-либо результат прошедшего действия. Например: «И рече онъ къ отьцю своему: Ты, отче, прежде силенъ прослылъ еси силою и славою».

	ед.ч.	дв.ч.	мн.ч.
1 л.	написалъ есмь	написалѣ есвѣ	написали есмъ
2 л.	написалъ еси	написала еста	написали есте
3 л.	написалъ есть	написала еста	написали суть

П л ю с к в а м п е р ф е к т — это прошедшее время, обозначавшее действие, происходившее ранее другого прошедшего действия. Например: «И сруби князь городъ Гюргевъ, его же бѣша пожгли половьци».

	ед.ч.	дв.ч.	мн.ч.
1 л.	написалъ бяхъ/бѣхъ	написалѣ бяховѣ/бѣховѣ	написали бяхомъ/бѣхомъ
2 л.	написалъ бяше/бѣ	написала бяста/бѣста	написали бясте/бѣсте
3 л.	написалъ бяше/бѣ	написала бяста/бѣста	написали бяху/бѣша

5. В древнерусском языке XIII века форм прошедших времен — аориста, имперфекта, плюсквамперфекта — уже не было, они исчезли из живого языка древних русичей. Однако в литературных текстах — в проповедях, в житиях святых, в летописях — все эти формы прошедшего времени употреблялись.

В русском языке мы находим лишь редкие свидетельства того, что когда-то в языке наших предков были многочисленные прошедшие времена. От аориста остались лишь междометие «чу!», что значит «слышал», да частица «бы», которая исторически является формой аориста от глагола «быти». Имперфект и плюсквамперфект и вовсе не оставили по себе памяти.

Иная судьба у форм **п е р ф е к т а**. Наше русское прошедшее время — ПИСАЛ/НАПИСАЛ — берет свое начало от

форм перфекта. В сложной форме ПИСАЛЪ ЕСТЬ утратился вспомогательный глагол ЕСТЬ, и в древнерусском языке уже в XIII веке появляется новое прошедшее время, единая форма, выражающая все оттенки прошедшего действия видовыми основами: ПИСАЛ, НАПИСАЛЪ, ПИСЫВАЛ.

6.В древнерусском языке было три **наклонения — изъявительное, повелительное, сослагательное.** В изъявительном наклонении говорилось о событиях, которые происходили в действительности, для этого использовались формы прошедшего, настоящего и будущего времени.

Формы **повелительного наклонения** в древнерусском языке, как и в современном русском, выражали повеление, приказ, просьбу. Например: «Укупи мнѣ жита», «Выдаите мои ворогы».

ед.ч.	НЕСТИ	МОЧИ	ДАТИ
1 л,	—	—	—
2 л.	неси	мози	дажь
3 л.	—	—	—
дв.ч.			
1 л.	несѣвѣ	мозѣвѣ	дадивѣ
2 л.	несѣта	мозѣта	дадита
3 л.	—	—	—
мн.ч.			
1 л.	несѣмъ	мозѣмъ	дадимъ
2 л.	несѣте	мозѣте	дадите
3 л.	—	—	—

Формы **сослагательного наклонения** в древнерусском языке могли обозначать желательность или возможность действия. Например: «А нынѣ мы молимъ тобѣ а бы тыи товаръ отдалъ его племени».

	ед.ч.	дв.ч.	мн.ч.
1 л.	написалъ быхъ	написалѣ быховѣ	написали быхомъ
2 л.	написалъ бы	написала быста	написали бысте
3 л.	написалъ бы	написала быста	написали бысть

С XIII века в древнерусской форме сослагательного наклонения происходит «превращение»: вспомогательный глагол БЫТИ «застывает» в одной из своих форм и превращается в частицу БЫ. Именно в таком виде формы сослагательного наклонения существуют в современном русском языке: писал бы, написал бы, умер бы, жил бы и т.д.

ПРИЧАСТИЕ

Причастие в древнерусском языке — это прилагательное, образованное от глагола. Древнерусский язык имел четыре вида причастий:

– действительные причастия настоящего времени:
НЕСУЧИ, ПИШУЧИ, СЛЫШАЧЕ, ХОДЯЧЕ;
– действительные причастия прошедшего времени:
НЕСЪШИ, ПИСАВЪШИ, СЛЫШАВЪШЕ, ХОДИВЪШЕ;
– страдательные причастия настоящего времени:
НЕСОМЪ, СЪВѢДОМЪ, ВИДИМЪ, ЗНАЕМЪ;
– страдательные причастия прошедшего времени:
БИТЪ, ИСПЕЧЕНЪ, ВИДЕНЪ, СЛЫШАНЪ.

Что же осталось от древнерусских причастий в нашем русском языке? Одни причастия превратились в самые настоящие прилагательные, в которых забыто их прежнее родство с глаголом: горячий, вареный, соленый, колючий, колотый, треснутый. Другие причастия стали неизменяемыми и образовали новую категорию – деепричастие: стоя, лежа, увидев, умеючи. Многие причастия пожелали остаться самими собой: ходивший, писавший, несомый, видимый.

1. Как называются древнерусские формы глагола, которые описывают действие в этом отрывке из летописи: «Въ ночь **загоре ся** на княжи дворѣ подле Немецкаго двора и погоре торгъ».
2. Какой глагольной формой прошедшего времени пользуется древний новгородец в этой берестяной грамоте: «Отъ Степана ко Нежилови. Оже **еси продалъ** порты, укупи ми жита за ·Ѣ· гривенъ».

IV. О ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Литературный язык пришел к русичам после крещения Руси в 988 году в книгах – в Евангелии, в житиях святых, в проповедях церковноучителей.

Алфавит этого языка и первые книги на нем были созданы славянскими первоучителями св. братьями Кириллом и Мефодием и их многочисленными учениками в Солуни, в Моравии, в древней Болгарии. Кирилл и Мефодий перевели на славянский язык Евангелие, и древние славяне – болгары, сербы, чехи, русичи получили возможность совершать богослужение

на понятном им всем языке. Древнерусские книжники освоили этот язык, родственный их родному, стали и сами переписывать Евангелие и жития, составляли жития русских святых и летопись и в дальнейшем вносили в нее важнейшие события жизни государства Русь.

Итак, язык, на котором создавались в Древней Руси книги, КНИЖНЫЙ ЯЗЫК, во многом родственный древнерусскому языку, отличался от него в некоторых чертах.

Отдельные слова книжного языка не совпадали с древнерусскими, лишь отдаленно напоминали их. Русичи говорили МОЛОКО, ВОРОТА, ШЕЛОМЪ, а в книгах писали по-книжному МЛѢКО, ВРАТА, ШЛѢМЪ. Хотя часто ошибались и вставляли в книги русские слова.

Такое произнесение слова: МОЛОКО, а не МЛѢКО, ШЕЛОМЪ, а не ШЛѢМЪ, называется «полногласием», выпевают-ся, раскатываются гласные по обе стороны от согласного.

ВОРОНЪ – книжн. ВРАНЪ
СОРОМЪ – книжн. СРАМЪ
МОРОЗЪ – книжн. МРАЗЪ

Были в книжном языке и другие особенности. Русичи говорили ЖАЖА, ДАЖЬ, хотя в книгах старались писать по-книжному: ЖАЖДА, ДАЖДЬ. И это потому, что не было в древнерусском языке сложного мягкого звука ЖДь, а был на его месте в этих словах мягкий Жь.

Точно так же им приходилось строго следить за написанием слов СВѢЩА, ПЕЩЬ, потому что велик был соблазн для русича написать эти слова по-древнерусски: СВѢЧА, ПЕЧЬ, так как буква Щ обозначала долгий сложный звук ШТь, которого в этих словах в древнерусском языке тоже не было, а был на его месте мягкий звук Чь.

Не все грамматические формы древнерусского языка совпадали с книжными. Ведь книжный язык был создан в IX веке, и его грамматический строй с тех пор оставался неизменным. А живой древнерусский язык менялся с течением времени. Можно с уверенностью сказать, что в XIII веке, когда живут и говорят наши герои, начинает утрачиваться двойственное число, лишь изредка используются в живой речи глагольные формы аориста, имперфекта и плюсквамперфекта. Поэтому вы почти не найдете их в текстах грамот, а вот в повествовании об Иисусе Христе, в Сказании о Борисе и Глебе, в Повести о крещении Руси таких форм много, ведь тексты эти книжные, и грамматические книжные формы в них закономерны.

Не только звучанием и некоторыми грамматическими формами отличался книжный язык русичей от их живого языка.

На книжно-славянском языке совершалось богослужение, на нем русичи обращались с молитвой к Богу, и нес этот язык в себе слова, обозначавшие высокие и светлые понятия: благовествование, благодать, покаяние, любомудрие... Эти новые для древних русичей слова вошли и в древнерусский язык, наполнили его новыми прекрасными образами.

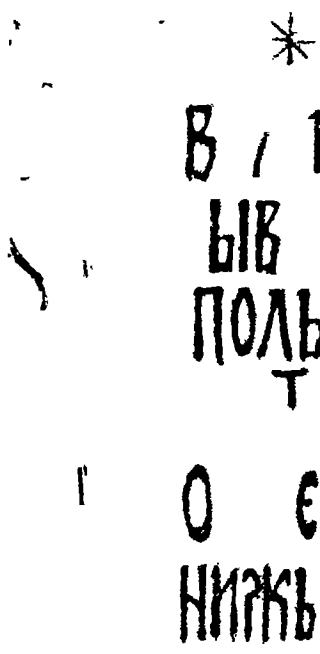
А древнерусский язык питал и насыщал книги живыми выразительными словами. Соединяясь и переплавляясь в единое целое, два этих языка образовали то, что языковеды называют «русский извод книжно-славянского языка». Живой древнерусский язык грамот, летописей и книжно-славянский язык житий, повестей, поучений — таков языковой мир Древней Руси XIII века, в котором оказались наши герои Ваня и Вася.

УСТАЛОМУ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ – МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Вот и окончилось наше необычайное путешествие в Древнюю Русь, милый мой читатель. Но, прежде чем закрыть «Грамматику древнерусского языка», перелистни еще несколько страниц, посмотри: перед тобой воинские повести Древней Руси — подлинные, такие, какими они сохранились в древних рукописях, в пергаменных книгах XIII в. Грамматика многое открыла тебе, она научила тебя и читать, и понимать по-древнерусски. Прочти же теперь «Повѣсти, отъ древняго списания сложеные»*, не сробей, не отмахнись, постарайся понять прочитанное. Помни завет наших предков: «Аще поищеши въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрящеши велику пользу души своей».

* Текст «Повестей» дается в настоящем издании в сокращении *(прим. ред.)*.

В ГКА
ЫВ ТЬ
ПОЛЬ
Т
О ЕНЬ
НИЖЬ

ЧЕНЬКА
КНИЖЬ

ПОВЕСТИ О ЖИТИИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВѢРНАГО И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

«Повесть о житии Александра Невского» написана в конце XIII века неизвестным автором, знавшим князя смолоду. По своим воспоминаниям и по свидетельствам соратников князя Александра Ярославича автор жития рассказывает о его знаменитых военных походах против «иноверных»: шведов, немцев, литовцев, чуди,— о битве со шведским герцегом Биргером на Неве и разорении Копорья, об освобождении Пскова и Ледовом побоище.

В житии повествуется также о мудрости князя в отношениях с Ордой: князь Александр Невский стремился оградить Русь от опустошительных монголо-татарских набегов замирением с ханом Батыем, а не войной, а если случались нашествия, то «собирал людей распуганных в домы свои».

Воин, защитник вдов и сирот, справедливый судья и добрый радетель о своем народе — таким представляет нам святого благоверного князя Александра Ярославича Невского древняя повесть о его житии.

О Господе нашем Иисусе Христе, Сыне Божии. Азъ, худый и многогрѣшный, малосмысля, покушаюся написати житие святаго князя Александра, сына Ярославля, а внука Всеволожа. Понеже слышахъ от отецъ своихъ и самовидець есмь возраста его, радъ бых исповѣдалъ святое и честное и славное житие его.

Сей бѣ князь Александръ родися от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же и кротка, князя великаго Ярослава и от матере Феодосии. Яко же рече Исайя пророк: «Тако глаголетъ Господь: «Князя азъ учиняю, священии бо суть, и азъ вожю я». Воистинну бо без Божия повелѣния не бѣ княжение его.

Но и взоръ его паче инѣхъ человекъ, и гласъ его — акы труба в народѣ, лице же его — акы лице Иосифа, иже бѣ поставилъ его египетъскый царь втораго царя въ Египтѣ, сила же бѣ его — часть от силы Самсона, и далъ бѣ ему Богъ премудрость Соломоню, храборъство же его — акы царя римскаго Еуспесиана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Иудейскую. Тако же и князь Александръ — побѣжая, а не побѣдимъ.

Се же слышавъ король части Римьскыя от полунощныя страны таковое мужество князя Александра и помысли въ собѣ: «Пойду и плѣню землю Александрову».И събра силу велику и наполни корабля многы полковъ своихъ, подвижеся в силѣ тяжцѣ, пыхая духомъ ратнымъ. И прииде въ Неву, шатаяся безумиемь, и посла слы своя загордѣвся, в Новъгородъ къ князю Александру, глаголя: «Аще можеши противитися мнѣ, то се есмь уже зде, плѣняя землю твою».

Александръ же, слышавъ словеса сии, разгорѣся сердцемь, и вниде въ церковь святыя София, и, падъ на колѣну, предъ олътаремь, нача молитися съ слезами: «Боже хвалный, праведный, Боже великый, крѣпкый, Боже превѣчный, основавый небо и землю и

положивый предѣлы языкомъ, повелѣ жити не прѣступающе въ чюжую часть». Въсприимъ же пророческую пѣснь, рече: «Суди, Господи, обидящимъ мя и возбрани борющимъся со мною, приими оружие и щитъ, стани въ помощь мнѣ».

И скончавъ молитву, въставъ, поклонися архиепископу. Епископъ же бѣ тогда Спиридонъ, благослови его и отпусти. Онъ же изшедъ ис церкви, утеръ слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: «Не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ. Помянемъ Пѣснотворца, иже рече: «Сии въ оружии, а си на конихъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ». Си рекъ, поиде на нихъ в малѣ дружинѣ, не съждався съ многою силою своею, но уповая на Святую Троицу.

Жалостно же бѣ слышати, яко отець его, князь великый Ярославъ, не бѣ вѣдал таковаго въстания на сына своего, милаго Александра, ни оному бысть когда послати вѣсть къ отцю своему, уже бо ратнии приближишася. Темъ же и мнози новгородци не совокупилися бѣша, понеже ускори князь пойти. И поиде на ня въ день въскресения, июля въ 15, имѣяше же вѣру велику къ святыма мученикома Борису и Глѣбу.

И бѣ нѣкто мужь старѣишина въ земли Ижерстей, именемь Пелугий, поручена же бысть ему стража нощная морская. Въсприя же святое крещение и живяше посреди рода своего, погана суща, наречено же бысть имя его въ святѣмь крещении Филипъ, и живяше богоугодно, в среду и въ пяток пребываше въ алчбѣ, тѣмь же сподоби его Богъ видѣти видѣние страшно въ тъй день. Скажемъ вкратцѣ.

Увѣдавъ силу ратныхъ, иде противу князя Александра, да скажеть ему станы. Стоящу же ему при краи моря и стрежаше обою пути, и пребысть всю нощь въ бдѣнии. И якоже нача въсходити солнце, слыша шюмъ страшенъ по морю и видѣ насадъ единъ гребущь по морю, и посреди насада стояща святая мученика Борисъ и Глебъ въ одеждахъ червленыхъ, и бѣста рукы держаща на рамѣхъ. Гребци же сѣдяху, акы мглою одѣяни. Рече Борисъ: «Брате Глѣбе, вели грести, да поможемъ сроднику своему князю Александру». Видѣвъ же таковое видѣние и слышавъ таковый гласъ от мученику, Пелугий стояше трепетенъ, дондеже насадъ отъиде от очию его.

Потомъ скоро поеде Александръ, онъ же, видѣвъ князя Александра радостнымa очима, исповѣда ему единому видѣние. Князь же рече ему: «Сего не рци никому же».

Оттолѣ потщався наеха Александръ на ня въ 6 часъ дне, и бысть сѣча велика надъ Римляны, и изби их множество бесчислено, и самому королю возъложи печать на лице острымь своимь копиемь.

Здѣ же явишася 6 мужь храбрыхъ съ самѣмъ съ нимь ис полку его.

Единъ именемъ Гаврило Олексичь. Се наѣха на шнеку, видѣвъ королевича, мча подъ руку, и възъѣха по досцѣ и до самого корабля, по ней же хожаху съ королевичемь, иже текоша передъ нимь, а самого, емше, свергоша и съ конемь въ воду з доскы. И Божьею милостью невреженъ бысть, и пакы наѣха, и бися съ самѣмь воеводою середи полку ихъ.

Другый — именемь Сбыславъ Якуновичь, новгородець. Се наѣха многажды на полкъ ихъ и бьяшеся единѣмь топоромь, не имѣя страха въ души своей, и паде нѣколико от руку его, и подивишася силѣ и храбръству его.

Третий — Яковъ, родомь полочанинъ, ловчий бѣ у князя. Се наѣха на полкъ съ мечемь, и похвали его князь.

Четвертый — новгородець, именемь Мѣша. Се пѣшь натече на корабли и погуби 3 корабли з дружиною своею.

Пятый — от молодыхъ его, именемь Сава. Се въѣха въ шатеръ великый королевъ золотоверхый и подъсѣче столпъ шатерный. Полци Олександрови, видѣвши шатра паденье, възрадовашася.

Шестый — от слугъ его, именемь Ратмѣръ. Се бися пѣшь, и оступиша его мнози. Он же от многыхъ ранъ паде и тако скончася. Си же вся азъ слышахъ от господина своего великаго князя Олександра и от инѣхъ, иже въ то время обрѣтошася въ той сѣчи.

Князь же Александръ возвратися съ побѣдою, хваля и славя имя своего Творца.

Во второе лѣто по возвращении съ побѣды князя Александра придоша пакы от Западныя страны и возградиша градъ въ отечьствѣ Александровѣ. Князь же Александръ въскорѣ иде и изверже градъ ихъ до основания, а самѣхъ извѣша и овѣхъ съ собою поведе, а инѣхъ, помиловавъ, отпусти, бѣ бо милостивъ паче мѣры.

По побѣдѣ же Александровѣ, яко же побѣди короля, въ третий годъ, въ зимнее время, поиде на землю немецькую въ велицѣ силѣ, да не похваляться, ркуще: «Укоримъ Словеньскый языкъ ниже себе».

Уже бо бяше градъ Псковъ взятъ и намѣстникы от немець посажени. Онъ же въскорѣ градъ Псковъ изгна и немець изсѣче, а инѣхъ повяза и градъ свободи от безбожныхъ немець, а землю ихъ повоева и пожьже и полона взя бес числа, а овѣхъ посѣче. Они же, гордии, совокупишася и рекоша: «Поидемъ и побѣдимъ Александра и имемъ его рукама».

Егда же приближишася, и очютиша я стражие. Князь же Александръ ополчися, и поидоша противу себе, и покрьша озеро Чюдьское обои от множества вои. Отець же его Ярославъ прислалъ ему брата меньшаго Андрѣя на помощь въ множествѣ дружинѣ. Тако же и у князя Александра множество храбрыхъ, яко же древле у Давыда царя силнии, крѣпции. Тако и мужи Александровы исполнишася духомь ратнымь, бяху бо сердца ихъ, акы сердца львомъ, и рѣша: «О княже нашь честный! Нынѣ приспѣ время намъ положити главы своя за тя». Князь же Александръ воздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Суди ми, Боже, и разсуди прю мою от языка непреподобна и помози ми, Господи».

Бѣ же тогда субота, въсходящу солнцю, и съступишася обои. И бысть сѣча зла, и трусъ от копий ломления, и звукъ от сѣчения мечьнаго, яко же и езеру померзъшю двигнутися, и не бѣ видѣти леду, покры бо ся кровию.

Се же слышахъ от самовидьца, иже рече ми, яко видѣхъ полкъ Божий на воздусѣ, пришедши на помощь Александрови. А тако побѣди я помощию Божиею, и сѣчахуть я, гоняще, и не бѣ камо утещи. Зде же прослави Богъ Александра предъ всѣми полкы, яко же Исуса Навина у Ерехона. А иже рече, имемъ Александра руками, сего дасть ему Богъ въ руцѣ его. И не обрѣтеся противникъ ему въ брани никогда же. И возвратися князь Александръ съ побѣдою славною, и бяше множество полоненыхъ въ полку его, и ведяхуть босы подле коний, иже именують себе божии ритори.

И яко же приближися князь ко граду Пскову, игумени же и попове и весь народъ срѣтоша его предъ градомь съ кресты, подающе хвалу Богови и славу господину князю Александру, поюще пѣснь: «Пособивый, Господи, кроткому Давыду побѣдити иноплеменьникы и вѣрному князю нашему оружиемь крестнымь и свободи градъ Псковъ от иноязычникъ рукою Александровою».

И нача слыти имя его по всѣмъ странамъ.

Въ то же время бѣ царь силенъ на Въсточнѣй странѣ, иже бѣ ему Богъ покорилъ языкы многы, от въстока даже и до запада. Тъй же царь, слышавъ Александра тако славна и храбра, посла къ нему послы и рече: «Александре, вѣси ли, яко Богъ покори ми многы языкы. Ты ли единъ не хощещи покорити ми ся? Но аще хощеши съблюсти землю свою, то приеди скоро къ мнѣ и видиши честь царства моего».

Князь же Александръ прииде въ Володимеръ по умертвии отца своего в силѣ велицѣ. И бысть грозенъ приездъ его, и промчеся вѣсть его и до устья Волгы. И начаша жены моавитьскыя полошати дѣти своя, ркуще: «Александръ едетъ!»

Съдумавъ же князь Александръ, и благослови его епископъ Кирилъ, и поиде къ цареви въ Орду. И видѣвъ его царь Батый, и подивися, и рече велможамъ своимъ: «Истину мнѣ сказасте, яко нѣсть подобна сему князю». Почестивъ же и честно, отпусти его.

По сѣмъ же разгнѣвася царь Батый на брата его меньшаго Андрѣя и посла воеводу своего Неврюня повоевати землю Суждальскую. По плѣнении же Неврюневѣ князь великый Александръ церкви въздвигну, грады исполни, люди распуженыя събра въ домы своя. О таковыхъ бо рече Исайя пророкъ: «Князь благъ въ странахъ — тихъ, увѣтливъ, кротокъ, съмѣренъ, по образу Божию есть». Не внимая богатьства и не презря кровь праведничю, сиротѣ и вдовици въправду судяй, милостилюбець, благъ домочадцемъ своимъ и вънѣшнимъ от странъ приходящимъ кормитель. На таковыя Богъ призираеть, Богъ бо не агеломъ любить, но человѣкомъ си щедря ущедряеть и показаеть на мирѣ милость свою.

Распространи же Богъ землю его богатьствомь и славою, и удолжи Богъ лѣтъ ему.

Бѣ же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхуть христианъ, веляще съ собою воиньствовати. Князь же великый Александръ поиде къ цареви, дабы отмолити люди от бѣды тоя.

А сына своего Дмитрия посла на Западныя страны и вся полкы своя посла съ нимь и ближнихъ своихъ домочадець, рекши къ нимъ: «Служите сынови моему, акы самому мнѣ, всѣмь животомь своимь». Поиде князь Димитрий въ силѣ велицѣ, и плѣни землю нѣмецькую, и взя градъ Юрьевъ, и възвратися къ Новугороду съ многымь полономь и съ великою корыстию.

Отець же его князь великый Александръ възвратися из Орды от царя, и доиде Новагорода Нижняго, и ту пребывъ мало здравъ, и, дошедъ Городьца, разболѣся. О горе тобѣ, бедный человѣче! Како можеши написати кончину Господина своего! Како не упадеть ти зѣници вкупѣ съ слезами! Како же не урвется сердце твое от корения! Отца бо оставити человѣкъ можеть, а добра Господина не мощно оставити: аще бы лзѣ, и в гробъ бы лѣзлъ съ нимь!

И такъ Богови духъ свой предасть съ миромь месяца ноября въ 14 день, на память святаго апостола Филиппа.

Митрополитъ же Кирилъ глаголаше: «Чада моя, разумѣйте, яко уже заиде солнце земли Суздальской!»

Святое же тѣло его понесоша къ граду Володимерю. Митрополитъ же, князи и бояре и весь народъ, малии, велиции, срѣтоша его въ Боголюбивѣмъ съ свѣщами и съ кандилы. Бысть же вопль, и кричание, и туга, яка же нѣсть была, яко и земли потрястися. Положено же бысть тѣло его въ Рожествѣ Святыя Богородица месяца ноября, въ 24 день, на память святаго отца Амфилохия.

Бысть же тогда чюдо дивно и памяти достойно. Егда убо положено бысть святое тѣло его въ раку, тогда Савастиянъ иконом̀ъ и Кирилъ митрополитъ хотя розъяти ему руку, да вложатъ ему грамоту душевную. Он же, акы живъ сущи, распрострѣ руку свою и взятъ грамоту от рукы митрополита. И приятъ же ихъ ужасть, и едва отступиша от ракы его.

И тако прослави Богъ угодника своего!

комментарии

...Александра, сына Ярославля, а внука Всеволожа. — Александр Невский был сыном великого князя Ярослава Всеволодовича, внуком великого князя Всеволода III Большое гнездо.

Исайя—пророк — автор одной из библейских книг.

Иосифъ — согласно Библии Иосиф, сын Иакова, отличался красотой и умом. Ненавидимый братьями, он был продан в рабство ими в Египет. Здесь Иосиф стал наместником фараона и долгое время управлял Египтом.

Самсонъ — библейский герой, наделенный необычайной силой.

...акы царя римскаго Еуспесиана — Веспасиан Тит Флавий — римский император. Будучи полководцем при Нероне, за два года покорил почти всю Иудею.

...король части Римьскыя от полунощныя страны... — шведский король Эрик Эриксон (Картавый). В походе 1240 года во главе шведского войска стоял не он, а его зять Ярл Биргер.

Помянемъ Пѣснотворца... — имеется в виду библейский царь Давид, которому приписывается авторство одной из книг Библии — Псалтири.

...старѣйшина въ земли Ижерстей, именемь Пелугий... — Ижорская земля находилась в районе Невы и подчинялась Новгороду, часть ее населения приняла христианство.

Насадъ — вид речного судна.

...и бысть сѣча велика над Римляны... — римлянами называли сторонников католической веры, в данном случае шведов.

Шнекъ — вид судна.

...приидоша пакы отъ Западныя страны и возградиша градъ въ отечьствѣ Александровѣ — крепость Копорье, недалеко от Финского залива, была построена ливонцами в 1241 году на земле, принадлежащей Новгороду.

Уже бо бяше градъ Псковъ взятъ... — Псков был захвачен немцами в 1240 году. Александр Невский освободил Псков в 1242 году.

И бысть сѣча зла... — Битва на Чудском озере (Ледовое побоище) состоялась 5 апреля 1242 года.

...прослави Богъ... якоже Исуса Навина... — Исус Навин — библейский герой. Согласно Библии крепостные стены Иерихона, одного из древнейших городов Палестины, обрушились от криков и звуков труб осаждавшего их израильского войска во главе с Исусом Навином.

... бѣ царь силенъ на въсточнѣй странѣ... — хан Золотой Орды Батый; Александр совершил поездку в Золотую Орду в 1246 году.

...жены моавитьскыя... — Моавитяне — здесь: татары.

...и посла воеводу своего Неврюня... — Неврюево нашествие на Владимиро-Суздальскую Русь произошло в 1252 году. Ханом Золотой Орды был в то время уже не Батый, а Сартак.

...Александръ поиде къ цареви, дабы отмолити люди отъ бѣды тоя — по приказу золотоордынского хана русские князья должны были присылать свои полки для участия в татарских походах. В 1262 году Александр поехал в Орду и добился освобождения русских от обязанности выступать в войнах на стороне татар.

...срѣтоша его въ Боголюбивѣмъ... — Боголюбово — княжеская резиденция недалеко от Владимира.

...въ Рожествѣ Святыя Богородица... — Александр Невский был погребен в монастыре Рождества Богородицы во Владимире.

...да вложать ему грамоту душевную — во время обряда погребения читается разрешительная молитва о прощении грехов. Текст ее после чтения влагается в правую руку умершего.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

«Повесть о разорении Рязани Батыем» — это дошедшее до нас свидетельство о монголо-татарском нашествии на Русь в XIII веке.

В 1238 году древнерусский город Рязань, первым испытавший натиск батыевых полчищ, был разрушен татарами. Рязанский князь Федор, жена его Евпраксия и сын Иван, другие рязанские князья погибли. Жители Рязани, женщины, дети, старики и «все удальцы резанские все равно умерли и единую чашу смертную испили».

Стойкости русских воинов, бившихся «один с тысячей, а два со тьмою», верности русичей вере христианской и долгу защиты Отечества посвящена эта древняя повесть, сложенная в XIII веке.

В лѣто 6745. Въ второе на десять лѣто по принесении чюдотворнаго образа Николина из Корсуня. Прииде безбожный царь Батый на Русскую землю со множество вои татарскыми, и ста на рѣцѣ на Воронежи близъ Резанския земли. И присла на Резань къ великому князю Юрью Ингоревичю Резанскому послы бездѣлны, просяща десятины въ всѣмъ. И услыша великый князь Юрий Ингоревичь Резанский приходъ безбожнаго царя Батыя, и вскорѣ посла въ градъ Владимеръ къ благовѣрному къ великому князю Георгию Всеволодовичю Владимерскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батыя, или бы самъ пошелъ. Князь великый Георгий Всеволодовичь самъ не пошелъ и на помощь не послалъ, хотя особе

самъ сотворити брань съ Батыемь. И услыша великый князь Юрий Ингоревичь Резанский, что нѣсть ему помощи от великаго князя Георгия Всеволодовича Владимерьскаго, и вскоре посла по братью свою по князя Давида Ингоревича Муромскаго, и по князя Глѣба Ингоревича Коломенскаго, и по князя Олега Краснаго, и по Всеволода Проньскаго, и по прочии князи. И начаша совѣщевати, яко нечестиваго подобаеть утоляти дары. И посла сына своего князя Федора Юрьевича Резаньскаго къ безбожному царю Батыю съ дары и молении великыми, чтобы не воевалъ Резанския земли. Князь Федоръ Юрьевичь прииде на рѣку на Воронежь къ царю Батыю, и принесе ему дары и моли царя, чтобы не воевалъ Резанския земли. Безбожный царь Батый, лстивъ бо и немилосердъ, прия дары, охапися лестию не воевати Резанския земли. И ряся-хваляся воевати Русскую землю.

И нѣкий от велможь резанскыхъ завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича Резанскаго, яко имѣеть у собѣ княгыню от царьска рода, и лѣпотою - тѣломь красна бѣ зѣло. Царь Батый и рече князю Федору Юрьевичю: «Дай мнѣ, княжѣ, вѣдѣти жены твоея красоту». Благовѣрный князь Федоръ Юрьевичь и посмѣяся, и рече царю: «Не полезно бо есть намъ христианомъ тобѣ нечестивому царю водити жены своя на блудъ. Аще насъ приодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши». Безбожный царь Батый возярися и огорчися, и повелѣ вскорѣ убити благовѣрнаго князя Федора Юрьевича, а тѣло его повелѣ поврещи зверемъ и птицамъ на разтерзание; и инѣхъ князий, нарочитыхъ людей воиньскыхъ побилъ.

Благовѣрная княгыня Еупраксѣя, жена его, стояше въ превысокомъ храмѣ своемъ и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича, и услыша, яко нечестивый царь Батый уби благовѣрнаго князя Федора Юрьевича, ринуся из превысокаго храма своего съ сыномь своимь съ княземь Иваномь на среду земли, и заразися до смерти. И услыша великый князь Юрий Ингоревичь убиение возлюбленнаго сына своего блаженаго князя Федора, инѣхъ князей, нарочитыхъ людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакатися, и съ великою княгынею, и со прочими княгынеми и съ братиею. И плакашеся весь градъ на многъ часъ. И едва отдохнувъ от великаго того плача и рыдания, и начаша совокупляти воинство свое, и учредиша. Князь великый Юрий Ингоревичь, видя братию свою и боляръ своихъ и воеводе храбрыи мужественны ѣздяше, и воздѣ руцѣ на небо со слезами и рече: «Изми насъ от врагъ нашихъ, Боже. И от востающихъ на нь избави насъ. Лутче намъ смертию живота купити, нежели въ поганой воли быти. Се бо я, братъ вашь, напредъ васъ изопью чашу смертную за святыя Божия церкви, и за вѣру христьянскую, и за очину отца нашего великаго князя Ингоря Святославича».

И поидоша противъ нечестиваго царя Батыя, и срѣтоша его близ придѣлъ резанскихъ. И нападоша на нь, и начаша битися крѣпко и мужественно, и бысть сѣча зла и ужасна. Мнози бо силнии полци падоша Батыеви. Царь Батый и видяше, что господство резаньское крѣпко и мужественно бьяшеся, и возбояся. Да противу гнѣву Божию хто постоить! А Батыеви бо сили велици и тяжци, единъ бьяшеся съ тысящею, а два съ тмою. И едва одолѣша ихъ силныя полци татарскыя. Ту убиенъ бысть благовѣрный князь великый Георгий

Ингоревичь, братия его князь Давидъ Ингоревичь Муромской, братъ его князь Глѣбъ Ингоревичь Коломенской, братъ ихъ Всеволодъ Проньской, и многая князи и воеводы крѣпкыя, и воинство: удалци и резвеци резанскыя. Вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни единъ от нихъ возвратися вспять: вси вкупе мертвии лежаша. Сия бо наведе Богъ грѣхъ ради нашихъ.

Царь Батый окаяный нача воевати Резанскую землю, а поидоша ко граду къ Резани. И объступиша градъ, и начаша битися неотступно пять дний. Батыево бо войско пременишася, а гражане непремѣно бьяшеся. И многыхъ гражанъ побиша, и инѣхъ уязвиша, а инии от великыхъ трудовъ изнемогоша. А въ шестый день рано приидоша погани ко граду, овии съ огни, а ини съ пороки, а инѣи съ тмочисленными лѣствицами, и взяша градъ Резань месяца декабря 21 день. И приидоша въ церковь соборную Пресвятыя Богородици, и великую княгыню Агрепѣну матерь великаго князя, и съ снохами, и съ прочими княгынями мечи иссекоша, а епископа и священическый чинъ огню предаша, въ святѣй церкви пожегоша, а инѣи мнози от оружия падоша. А во градѣ многыхъ людей, и жены, и дѣти мечи исекоша. И весь градъ пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское поимаша. И храмы Божия разориша, и во святыхъ олтарѣхъ много крови пролияша. И не оста въ градѣ ни единъ живыхъ: вси равно умроша и едину чашю смертную пиша. Нѣсть бо ту ни стонюща, ни плачюща — и ни отцу и матери о чадѣхъ, или чадомъ о отци и о матери, ни брату о братѣ, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертви лѣжаща. И сия вся наиде грѣхъ ради нашихъ.

Безбожный царь Батый и видя велие пролитие крови християнския, и возярися зѣло, и огорчися, и поиде на градъ Суздаль и Владимеръ, и желая Рускую землю поплѣнити, и вѣру християнскую искоренити, и церкви Божии и до основания разорити.

И нѣкий от велможь резанскыхъ именемь Евпатий Коловратъ в то время былъ въ Черниговѣ со княземь Ингваремь Ингоревичемь, и услыша приходъ зловѣрнаго царя Батыя, и иде из Чернигова съ малою дружиною, и гнаша скоро. И приѣха въ землю Резаньскую, и видѣ ея опустѣвшую, грады разорены, церкви пожжены, люди побьены. И пригна во градъ Резань и видѣ градъ разоренъ, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побьены и посѣчены, а ины пожжены, ины въ рѣцѣ истоплены. Евпатий воскрича въ горести душа своея. И собра мало дружины: тысящу семсотъ человѣкъ, которыхъ Богъ соблюде, быша внѣ града. И погнаша во слѣдъ безбожнаго царя и едва угнаша его въ земли Суздалстѣй, и внезапу нападоша на станы Батыевы. И начаша сѣчи без милости, и смѣтоша вся полкы татарскыя. Татарове же сташа яко пияны или неистовы. Евпатий тако ихъ бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля татарскыя мечи и сѣчаша ихъ.

И едва татарове поимаша от полку Евпатиева пять человѣкъ воиньскыхъ, изнемогшихъ от великыхъ ранъ. И приведоша ихъ къ царю Батыю. Царь Батый нача вопрошати: «Коея вѣры есте вы, и коея земля, и что мнѣ много зла творите?» Они же реша: «Вѣры християнскыя есмы, раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Евпатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебѣ силна царя почтити и честьна проводити, и честь

тобѣ воздати. Да не подиви, царю, не успѣваемъ наливати чашь на великую силу — рать татарьскую». Царь же подивися отвѣту ихъ мудрому. И посла шурича своего Хостоврула на Евпатия, а съ нимь силныя полкы татарскыя. Хостоврулъ же похвалися предъ царемъ, хотя Евпатия жива предъ царя привести. И ступишася силныя полци татарскыя, хотя Евпатия жива яти. Хостоврулъ же съехася съ Евпатиемь. Евпатий же исполинъ силою и разсѣче Хостоврула на полы до седла. И начаша сѣчи силу татарскую, и многыхъ тугъ нарочитыхъ багатырей Батыевыхъ побилъ. Татарове возбояшеся, видя Евпатия крѣпка исполина. И навадиша на него множество пороковъ, и нача бити по немъ из тмочисленныхъ пороковъ и едва убиша его. И принесоша тѣло его предъ царя Батыя. Царь Батый посла по мурзы, по князи, и по санчакбѣи, и начаша дивитися храбрости, и крѣпости, и мужеству резанскому господству. Они же рекоша царю: «Мы со многыми цари, во многыхъ земляхъ, на многыхъ бранехъ бывали, а такихъ удалцовъ и резвецовъ не видали». Сии бо люди крылатыи, и не имеюще смерти: тако крѣпко и мужественно ездя, бьяшеся единъ съ тысящею, а два съ тмою. Ни единъ от нихъ можетъ съехати живъ съ побоища». Царь Батый зря на тѣло Евпатиево и рече: «О Коловрате Евпатие! гораздо еси мя подщивалъ малою своею дружиною, да многихъ богатырей силной орды побилъ еси и мнози полци падоша. Аще бы у мене таковый служилъ, — держалъ быхъ его противъ сердца своего». И даша тѣло Евпатиево его дружинѣ останочной, которые поиманы на побоище. И велѣ ихъ царь Батый отпустити, ни чемъ врѣдити.

Кто бо не восплачеться толикыя погибели, или кто не возрыдаетъ о народѣ людий православныхъ, или кто не постонетъ таковаго плѣнения. Сия бо вся наиде грѣхъ ради нашихъ. Сий бо градъ Резань и земля Резаньская измѣнися доброта ея, и отиде слава ея, и не бѣ въ неи ничто благо видѣти — токмо дымъ и пепелъ, а церкви вси погорѣша. Не единъ бо градъ сий плененъ бысть, но и инии мнози. Не бѣ бо во градѣ пѣния, ни звона, в радости мѣсто всегда плачь творяще.

комментарии

...на Воронежи... — река Воронеж, левый приток Дона в южной, прилегающей к Половецкой степи окраине Рязанской земли.

...на Резань — Старая Рязань («Резань», как пишется в рукописи) находилась на крутом берегу Оки верстах в четырех от устья реки Прони, после нашествия Батыя не возродилась. Нынешняя Рязань — другой древний рязанский город, известный первоначально под именем Переяславля Рязанского.

...Юрью Ингоревичю Резанскому... — в летописях известен Юрий Игоревич Рязанский, сын князя рязанского Игоря Глебовича.

...Георгию Всеволодовичю Владимерскому... — великий князь владимирский Георгий (Юрий) Всеволодович, сын великого князя Всеволода Юрьевича («Большое Гнездо»). Погиб в битве с войсками Батыя на реке Сити.

...Федора Юрьевича Резанскаго... — сын князя Юрия Игоревича Рязанского.

...поиде на градъ Суздаль и Владимеръ... — от Рязани войска Батыя двинулись окружным путем через Коломну и Москву на Владимир. Захватив

Москву, Батый направился на Владимир. 3 февраля 1238 года войска Батыя начали осаду города. Одновременно отряд, посланный Батыем, захватил Суздаль. 7 февраля Владимир пал. Татары подвергли Владимир страшному опустошению. Отдельные татарские отряды захватили Ростов, Ярославль, Городец, Переяславль. Еще раньше был взят Торжок. В середине марта татары двинулись на Новгород, дошли «до Игнача креста», километрах в двухстах от Новгорода, и отсюда повернули назад. Обратный путь татар шел мимо Козельска. Жители Козельска собрались на вече и решили не сдаваться татарам. Семь недель сопротивлялись козляне войскам Батыя, татары жестоко расправились с ними, были перебиты все «до сосущихъ млеко». На следующий год татары вновь двинулись на Русь.

...сапчакбѣи... — военачальник, знаменосец в татарском войске.

ЧЮДО, БЫВШЕЕ СЪ СВЯТЫМЬ ВЕЛИКОМУЧЕНИКОМЬ ГЕОРГИЕМЬ О ЗМИИ

«Чюдо Георгия о змии» — любимая в Древней Руси повесть о чудесах, творимых после смерти святым мучеником Георгием в свидетельство истинности христианской веры.

Святой воин-мученик Георгий был покровителем русских князей, в его честь строили на Руси храмы, освящали монастыри. Сыновей в княжеских родах часто называли Георгий, Юрий, Гюргий — по имени святого, прославившегося заступничеством за слабых, стойкостью и храбростью.

В древнерусских рукописных книгах XIII века часто можно было встретить эту удивительную повесть — чтение увлекательное, таинственное и поучительное.

Благослови, отче!

Како изреку страшную сию и преславную тайну? Что возглаголю или что помышлю? Како начну глаголати и повѣдати дивное сие и преславное слышание? Азъ убо грѣшенъ есмь человѣкъ, но надѣюся на милосердие святаго и великаго мученика и страстотерпьца Христова Георгия; возвѣщаю вамъ чюдо сие, избранное во всѣхъ чюдесехъ его.

Бысть во она лѣта нѣкый градъ, именемь Гевалъ, во странѣ Палестиньстѣй, и той бяше великъ зело и множество много людей въ немь; и вси вѣроваху во идолы, почитающе ихъ по преданию и по велѣнию царьскому, отъступиша бо отъ Бога, и Богъ отъступи отъ нихъ.

Близъ же бяше града того езеро велико, имѣя воду многу. По вѣрѣ и по дѣломъ ихъ воздастъ имъ Богъ: бысть убо змий великъ во езерѣ томъ, и, исходя отъ езера оного, людей града того изъядаше. Инѣхъ же свистаниемь уморяше, другыхъ же удавляя восхищаше въ езеро. И бяше скорбь велика и плачь неутѣшимъ во градѣ томъ звѣря оного ради.

Во единъ же отъ днии собрашася вси людие града того и идоша ко царю своему, глаголяще: «Что сотворимъ — яко погибаемъ злѣ отъ

змия сего?» Глагола имъ царь: «Азъ, еже ми явиша бози, то и возвѣщаю вамъ, да сотворимъ убо совѣтъ сии: кийждо васъ во вся дни сына своего или дщерь свою да подастъ на снедение змию по ряду, дондеже и на мя приидетъ число. Дамъ и азъ единородную мою дщерь». И годѣ бысть сей совѣтъ всѣмъ людемъ, отъвѣщавше рекоша ко царю: «Воистину, о царю, сердце твое въ рукахъ боговъ есть; благодать же исповѣдуемъ имъ, отъкрывшимъ тобѣ совѣтъ сей». И шедше по ряду творяху повелѣние царево, наченше отъ большихъ князь и до нижнихъ, и по вся дни чада своя даяху на пищу змиеви при краи езера, овъ убо сына своего, другый же дщерь свою, кричаще и плачюще зѣло. Исхожаше змий и восхищаше и ядяше.

Егда же вси людие отъдаша своя чада, абие пришедше, рекоша ко царю: «Владыко, вси мы отъдахомъ своя чада единъ отъ другаго, каждо насъ по ряду. Что убо велиши по сихъ?» И отвѣщавъ царь и рече: «Дамъ и азъ единородную мою дщерь, и по сихъ, еже ми явятъ безсмертнии бози, то паки и совѣщаемъ». Призвавъ же царь единородную свою дщерь и облече ю въ багряницю и облобызавъ ю, и плакася много, и повелѣ вести ея на погибель ко змию. Приведше же и поставиша ю при езерѣ.

Святый же и великый мученикъ и страстотерпець Христовъ Георгие, почтенный отъ небеснаго царя воинъ, и по смерти живый, сияя великыми чюдесы, по смотрению убо Божию хотя спасти насъ погыбающихъ и избавити града нашего отъ великыя бѣды, въ той убо часъ приста на мѣстѣ томъ, якоже нѣкий воинъ, грядый отъ рати и со тщаниемъ во свое отечество идый. Видѣвъ же отроковицю великый и преславный мученикъ Георгий при краи езера, и вопроси ея, глаголя: «Что здѣ стоиши, отроковице?» Она же рече ему: «Отойди, господи мой, отсюду, скоро отойди, да не злѣ умреши». Отъвѣщавъ же святый Георгий, и рече ко отроковици: «Что глаголеши, о дѣвице, разбойници ли суть здѣ или ино что?» Отроковица же рече: «Змий есть страшенъ, внутрь гнездяся во езерѣ семь; нынѣ убо молю тя, господи мой, отъступи отсюду: вижу убо добрый твой зракъ и возрастъ, и свѣтлость, да не злѣ умреши». Глагола ей святый и великый мученикъ Георгий: «Ты же почто сѣдиши здѣ, а не отъходиши?» Глагола отроковица: «Много есть слово мое, еже изрещи тобѣ и сказати, еже о мнѣ, еда како приидетъ змий и тебе со мною восхытить». И глагола ей святый и великый мученикъ Георгий: «Рци ми, отроковице, истину, не бойся — не оставлю тебѣ». И отвѣща ему отроковица трепещущи: «Видиши ли, господи мой, яко градъ сей великъ и добръ есть зѣло, и велие угобзение его во всемъ: и не хощетъ отецъ мой изыти и оставити градъ сей. Есть убо здѣ змий великъ и страшенъ зѣло во езере семъ, и снедаетъ людей много, и совѣщаша гражане со царемъ отцемъ моимъ; и даша по вся дни кийждо ихъ по ряду чада своя въ пищу змиеви; прииде же рядъ и на царя, отца моего, и мене, единородну имѣя дщерь едину и не хотя разорити повелѣния своего, повелѣ и мене дати на снѣдение змию. И уже, господи мой, вся тебъ исповѣдахъ; отъиди отсюду скоро, преже даже не приидетъ змий и не восхытить тя».

Слышав же сия великый мученикъ и страстотерпець Христовъ Георгий, и глагола къ женѣ: «Не бойся, отроковице!» Абие же возрѣвъ на небо рабъ Божий и помолися, глаголя: «Безначальне, живоначаль-

не, Боже всего мира, не имый начала ни конца, положивый времена и лѣта, солнце на область дний, луну же на просвѣщение нощи, послушавый святыхъ твоихъ апостолъ,ославъ имъ духъ той святый, послушай и мене, недостойнаго раба твоего, и покажи на мнѣ древняя твоя милости и покори лютаго сего звѣря под ногама моима, да видять и вѣру имуть вси, яко ты еси единъ Богъ и развѣ тебе иного не вѣмы». И прииде ему гласъ съ небеси глаголя: «Дерзай, Георгие!»

Внезапу же отроковица возопи, глаголющи: «Бѣжи, о человѣче, отсюду: се бо змий свища грядетъ». И абие, мало поступивъ, святый мученикъ Христовъ Георгие зря езеро возмутившеся, и взяться превеликый змий, воздвиже главу свою, грядый, рыкая на святаго понеже и на дѣвицю. Сотвори же абие знамение Христово на земли святый Георгий и рече: «Во имя Иисуса Христа, Сына Божия, покорися, горкий звѣрю, и гряди во слѣдъ мене». И абие силою Божиею и великаго мученика и страстотерпьца Христова Георгия паде подъ колѣньми ногъ его страшный онъ змий. И глагола святый и великый мученикъ Георгий отроковици: «Отрешивши поясъ твой и уже узды коня моего и свяжи змия за главу; влеци его и поиди во градъ». Она же сотвори, якоже повелѣ ей святый и великый мученикъ Христовъ Георгий. И идяше вослѣдъ ея страшный онъ змий, пресмыкаяся по земли, яко овца на заколение. Отроковица же влечаше его радующися и веселящися.

Царь же, отець ея, и мати ея въ той день рыдающе бяху и плачуще зѣло отроковица ради. И внезапу видѣвше отроковицю, влекущу змия, и чюдотворца святаго Христова и великаго мученика и страстотерпьца Георгия, преди идуща, ужаснувъ же ся зѣло начать бѣжати. Святый же и великый мученикъ Христовъ и чюдотворець Георгий возгласи имъ велиимь гласомь, глаголя: «Не бойтеся! Аще вѣруете во Христа, въ него же азъ вѣрую, узрите свое спасение днесь». Царь же срѣтъ его и глагола ему: «Како нарицаеться имя твое, господи мой?» Он же рече ему: «Георгие нарицаеться». Тогда воздвигоша людие вси единъ гласъ, глаголюще: «Тобою вѣруемъ во единаго Бога Вседержителя и во Единороднаго Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа и во Святый Животворящий Духъ». Тогда святый и великый чюдотворець Георгие простеръ руку и извлекъ мечь свой, отсѣче главу лютаго оного звѣря. Тогда видѣвъ царь и вси людие, приступиша абие и поклонишася ему, хвалу воздающу Богу и угоднику его великому чюдотворцю Георгию. И повелѣ царь создати церковь во имя преславнаго и великаго мученика и страстотерпьца Георгия и украси церковь ону златомь и сребромь и камениемь драгимъ. И повелѣ память его творити месяца апрѣля в 23 день.

Видѣвше же святый и великый мученикъ Христовъ Георгий вѣру ихъ, яко отъ всея душа своея вѣроваша въ Господа нашего Иисуса Христа, глагола къ нимъ святый: «Покажю вамъ и ино чюдо и знамение и силу Господа Бога моего». И егда создана бысть церковь она и скончаша ея зиждущие, посла имъ щитъ свой и повелѣ повѣсити его верху святыя трапезы, олтаря. Силою же дѣйствиемь Святаго Духа и до днешняго дне висить на воздусѣ, недержимъ никимъ же, во времена и лѣта на вѣру невѣрнымъ. Такова суть страшна и преславна чюдеса преславнаго и великаго чюдотворца и мученика Христова Георгия.

СОДЕРЖАНИЕ

Перед дальней дорогой (вместо предисловия) 5

Кладоискатели 7

Тайна подземного хода 16

В плену 28

Побег 43

Ошибка 58

Уроки отца Сергия 65

Бегство из монастыря 87

В княжеском стане 100

Новобранцы Александра Ярославича 113

Орел на золотом перстне 121

Недолго гостевали 127

Вече 132

Погоня 137

Спасены! 144

ТОЛКОВНИК 148

КРАТКАЯ ГРАММАТИКА ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА 173

ПОВЕСТИ, ОТ ДРЕВНЕГО СПИСАНИЯ СЛОЖЕННЫЕ 203

Миронова Т. Л.

М 64 Необычайное путешествие в Древнюю Русь: Грамматика древнерусского языка для детей / Худож. В. Б. Тихомиров. — М.: Мол. гвардия; Роман–газета, 1994. — 215 [9] с., ил. — (Русская гимназия)

ISBN 5–235–01898–2

«Русская гимназия» — это своеобразная Библиотека гуманитарных знаний, книги которой предназначены для чтения в семейном кругу. Вместе с тем они, безусловно, вызовут интерес преподавателей и учащихся лицеев, гимназий и иных учебных заведений, работающих по нетрадиционным программам. Наряду с оригинальными сочинениями современных авторов в составе Библиотеки будут изданы лучшие из дореволюционных пособий, книг для чтения, хрестоматий. Настоящая книга вводит читателя в сложный и в то же время необычайно интересный мир древнерусского языка. Совершив вместе с героями яркой приключенческой повести увлекательное путешествие по древнему Новгороду, юные читатели одновременно познакомятся с основными правилами древнерусской грамматики.

М $\frac{4401000000–01}{078(02)–94}$ КБ–016–013–91 **ББК 84Р7**

ИБ № 7515

Миронова Татьяна Леонидовна

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ДРЕВНЮЮ РУСЬ

Старший редактор Библиотеки
«РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ»
А. ПЕТРОВ
Заведующий редакцией
А.ЖИТНУХИН
Редакторы
С.ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ, Н.НОРБЕКОВ
Художественное оформление серии
А. ГУСЕВ
Художественный редактор
А.МУСИН
Технические редакторы
Г.РОМАНОВА, Н.ТИХОНОВА
Корректор
Е.ДМИТРИЕВА

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.09.93.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Бодони». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,0. Тираж 50 000 экз. Заказ 31021.

Типография акционерного общества «Молодая гвардия»
Адрес АО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5–235–01898–2

БИБЛИОТЕКА «РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ»

Вышла из печати:

М е н а р Р.

Мифы в искусстве старом и новом

Античной мифологии посвящено множество книг, большинство из них написано историками, философами, искусствоведами. «Мифы в искусстве старом и новом» принадлежат перу французского художника Р.Менара; он говорит о мифологии не как ученый, и в этом есть своя прелесть: читатель погружается в атмосферу музея, бродит вместе с автором по Лувру, разглядывает статуи античных ваятелей и полотна художников Нового времени, вспоминает мифологические сюжеты, послужившие источником вдохновения для мастеров старого и нового искусства. Репринтное воспроизведение издания 1900 года, дополненное историческим очерком современного исследователя, рассчитано на широкую читательскую аудиторию.

Редколлегия "Русской гимназии" и издательство «Молодая гвардия» искренне благодарят многопрофильное предприятие "Информэкспресс" и газетно-журнальное объединение "Воскресенье" за содействие в выпуске двух первых книг новой серии. Надеемся на продолжение взаимовыгодного сотрудничества. Будем рады обретению новых партнеров.

БИБЛИОТЕКА «РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ»

Готовится к печати:

С и м о н с Т.

Очерки древнеримской жизни

«Очерки древнеримской жизни», принадлежащие перу талантливого немецкого писателя прошлого века Теодора Симонса, относятся к числу книг, интерес к которым предопределен вне зависимости от возрастной категории читателя необычайной живостью и красочностью изложения. Триумф императора, бои гладиаторов и травля зверей, преследования первых христиан – эти и другие запоминающиеся картины древнеримского быта вряд ли могут оставить кого-либо равнодушным. Первое русское издание (СПб., 1879) давно уже стало недосягаемой библиографической редкостью. Настоящее издание в отличие от предыдущего снабжено обстоятельным комментарием, проиллюстрировано большим количеством замечательных гравюр А.Вагнера; в перевод внесены необходимые исправления и уточнения.

Книга выпускается в улучшенном полиграфическом исполнении и предназначается для самой широкой читательской аудитории.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения, связанные с изданием и распространением Библиотеки «Русская гимназия», ждем по адресу: 103030, Москва, Сущевская, 21. Телефоны: 972-21-48 (отзывы и творческие предложения); 972-03-19 и 972-01-78 (коммерческие предложения); 972-03-87 (для оптовых покупателей). Заранее благодарим всех, кто так или иначе проявит заинтересованность в дальнейшей судьбе новой книжной серии.

БИБЛИОТЕКА «РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ»

Готовится к печати:

Б ы ч к о в а М. Е.

Что значит именно родные...
(Российская генеалогия)

Положение российской генеалогии в системе специальных исторических дисциплин на протяжении целого ряда десятилетий являло собой весьма скорбную картину. К счастью, в последнее время наметился рост интереса к этой науке. И не случайно, ибо знание истории своей семьи сближает человека с прошлым, ведет к более глубокому его пониманию. Записи по истории отдельных семей, помимо прочего, могут служить уникальным источником, отражающим детали, подробности исторических событий, неизвестные по официальным документам. Настоящая книга Библиотеки «Русская гимназия» освещает историю генеалогических документов в России, рассказывает о роли генеалогии в общественной мысли и в сфере исторических знаний, повествует о людях, внесших значительный вклад в эту интереснейшую науку. Специальный раздел книги поможет любителям-генеалогам в поиске, сборе и правильном оформлении полученного родословного материала (большой международный опыт, накопленный в этой области, у нас до сих пор малоизвестен).

Издание содержит большое количество редких документов, интереснейших иллюстраций; рассчитано на широкий круг читателей.

«Русская гимназия» согласно замыслу ее создателей должна найти воплощение в качестве своеобразной Библиотеки гуманитарных знаний, издание которой вполне отвечало бы насущной потребности восстановления и развития лучших традиций отечественного просветительства.

БИБЛИОТЕКА «РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ»

Готовится к печати:

В а з а р и Д ж .

Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих.

Избранное в двух томах

Трудно себе представить, насколько оскудели бы наши знания об эпохе Возрождения и ее замечательных мастерах, когда бы мы лишились тех поистине драгоценных сведений, что содержатся в известном сочинении итальянского живописца, архитектора и историка искусства Джорджо Вазари (1511-1574). Будучи прекрасным рассказчиком, великолепно рисующим характеры и ярко изображающим среду, он, стараясь следовать принципу исторической достоверности, одновременно стремился к художественной законченности своих «Жизнеописаний». Представляя собой замечательный образец итальянской гуманистической прозы, труд Вазари дает богатейший и интереснейший фактический материал по истории культуры и быта XIII-XVI веков.

Настоящее издание Вазари серьезно отличается от предыдущих: в текст перевода внесены необходимые исправления и уточнения, даны новые комментарии, оба тома снабжены большим количеством цветных иллюстраций, значительная часть которых никогда ранее у нас в стране не воспроизводилась. Книги выпускаются в улучшенном полиграфическом исполнении.

«Русская гимназия», делая все возможное, дабы порадовать своих читателей, естественно, уповает на их благорасположение и поддержку.

VIVANT MAECENATES!